

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОФИЛЬ

Научный сборник
Совета молодых ученых

Нальчик • 2015

УДК – 009
ББК – 72.4
Г – 94

Печатается по решению Ученого совета
ФГБНУ «Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований»

Главный редактор
доктор исторических наук, профессор
К.Ф. Дзамихов

Зам. главного редактора
доктор филологических наук
Х.Т. Тимижев

Редакционная коллегия:
Н.В. Варивода, О.А. Жанситов, И.А. Кажарова,
З.М. Кешева, Д.М. Кумыкова, Л.Б. Кучмезова, Л.Х. Махиева

Гуманитарный профиль: научный сборник Со-
вета молодых ученых / гл. ред. К.Ф. Дзамихов. – Наль-
чик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 194 с.

Г – 94

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	5
ПРОЕКЦИИ КУЛЬТУРЫ	7
Базиева Г.Д. Исследование национальной художественной культуры: к проблемам методологии	7
Асеева Е.Е. Искусство сегодня	19
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	31
Коновалов А.А., Азнаурова З.З. Особенности сознания и ценностные установки российской интеллигенции в начале XX века	31
Кешева З.М. Туризм как объект брендинга и фактор этнокультурного развития народов Кабардино-Балкарии	36
Варивода Н.В. Система школьного образования Кабардино-Балкарии в условиях культурно-идеологической трансформации 1920-х гг. ...	43
Гедгафова К.А., Жанситов О.А. Формирование нетипичных социальных связей в кабардинском и балкарском обществах в условиях поздней имперской модернизации	51
ВЕКТОРЫ ПОЗНАНИЯ	58
Хоконов М.А. Миф о Гермесе или Логос герменевтического познания	58
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА	71
Озова Ф.А. Мухаджирство в исторической памяти черкесов	71
Мирзоев А.С. Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры	88
Фоменко В.А. Территория и расселение адыгов в древности	100

КУЛЬТУРА И КУЛЬТ	111
Татаров А.А., Бунькова Ю.В. К вопросу об историческом феномене французского революционного террора	111
Коновалов А.А., Атабиева А.Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации	119
Дзагова Л.Н. Роль земских соборов в процессе становления российского абсолютизма во второй половине XVII века	128
Бунькова Ю.В., Хочуев Б.Д. Эволюция английского конституционализма и политические партии в XIX веке	133
ТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	139
Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарское нартоведение: история и современные проблемы	139
Кучмезова Л.Б. Некоторые особенности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке	145
ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ	150
Аппаева Ж.М. Цветочные фантазии Михаила Аксирова (с иллюстрациями)	150
Хакуашева М.А. Кабардинская постсоветская русскоязычная проза (на примере творчества В. Мамишева)	158
Гергокова Л.С. Некоторые стилистические особенности эпических формул карачаево-балкарского героического эпоса	169
Хавжокова Л.Б. Драматургический цикл Хабаса Бештокова	174
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ	185
Егоров В.К. Вместо рецензии	185
Дзагалов А.С. «Два века отразилось в них...». Фотолетопись черкесской аристократии середины XIX–начала XX века	187
Жанситов О.А. О книге А.С. Дзагалова и А.К. Шапаровой «Эльбаздуко Канаметович (Владимир Николаевич) Кудашев. Неизвестные страницы биографии»	190
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	192

От редколлегии

Когда заходит речь о культуре, подразумевается прежде всего ее гуманитарная ипостась. Обусловленное и утвержденное традицией, преимущество гуманитарного знания перед естественнонаучным с этой точки зрения трудно оспорить. Но такое положение не ограждает гуманитарные науки от кризисных состояний, в которых они периодически оказываются, и в частности, от явного вытеснения их в плоскость второстепенных и избыточных смыслов, которое можно наблюдать сегодня.

Закономерность подобных процессов заложена в самой специфике гуманитарного знания, ведь при всей своей значимости ценности, транслируемые гуманитарной культурой, как любое явление аксиологического ряда, неосвязаемы. Кроме того, культ традиции, фундирующей данную область, на определенных этапах порождает инерцию, ослабляющую саморефлексию гуманитарного знания, и оно замыкается в дисциплинарных границах, утрачивая ощущение их смежности. Восстановить утраченную целостность, судя по всему, была призвана культурология, однако при всей актуальности поднимаемых вопросов, присущая ей концептуальная размытость позволяет воспринимать ее лишь как один из возможных фокусов гуманитарного исследования.

Необходимость осмысления, пропаганды и сохранения достижений духовной культуры определяет работу институтов гуманитарной направленности. Но здесь опять же оказывается неизбежным традиционное распадение на отделы, сектора и проблемные группы, в результате чего интерпретация культурных процессов предстает в виде частных областей, каждая из которых в отдельности отстаивает свою полновесность.

Как видится нам, журнал «Гуманитарный профиль» стремится перенести исследовательское внимание на область смежных проблем, представить общее поле культуры, пронизанное сквозными идеями. Об этом прежде всего свидетельствует тематическая направленность его рубрик: *Проекции культуры, Система ценностей, Векторы познания, Историческая перспектива, Культура и культ, Текстовая реальность, Замысел и воплощение.*

Безусловно, каждый Институт порождает свой сюжет исследования культуры, у нас он – преимущественно историко-филологический. Уже первый выпуск «Гуманитарного профиля» демонстрирует тенденцию к расширению этого сюжета: общее пространство структурируют и взаимодополняют мысли искусствоведов, культурологов, историков, политологов, языковедов, литераторов. Причем в стремлении сказать свое слово все равноправны: и корифеи, и те, кто совершает свои первые исследовательские шаги. Невозможно также не заметить попытку журнала выйти за пределы региональных тем. Иными словами, основным принципом презентации гуманитарной культуры здесь выступает ее панорамность. Думается, исходные позиции «Гуманитарного профиля» способны привести к значимым результатам. И, вероятно, есть своя закономерность в том, что инициатива создания подобного журнала исходит именно от Совета молодых ученых нашего Института.

УДК – 008

Г.Д. Базиева,
(г. Нальчик)

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМАМ МЕТОДОЛОГИИ

Изучение художественной культуры как национального феномена было положено в XVIII в., когда обозначились первые попытки анализа культуры как саморазвивающегося процесса, источником которого является фольклор. Д. Вико отстаивал идею закономерности исторического процесса, а творцом истории, по его мнению, был прежде всего народ. Учение Д. Вико, не оцененное современниками, в дальнейшем сыграло большую роль в развитии методов исторической науки.

Идею историзма, позволяющую объективно оценивать искусство различных стран и народов, поддерживал И. Гердер. Он утверждал, что народное искусство, в частности, поэзия и песня являлись «выражением недостатков нации и ее совершенств, зеркалом ее воззрений, выражением высшего, к чему она стремилась»¹. Народное поэтическое творчество Гердер считал образцом подлинного искусства, так как в его основе доброта, гуманность, простота и естественность выражения. Составленный им сборник песен «Голоса народов» включал творчество древнегерманских бардов, скандинавские эдды, славянские песни, испанские романсы о Сиде и др.

Связь профессионального искусства с фольклором, с народным мышлением и духовным укладом – одна из центральных проблем и в «Эстетике» Гегеля. «Все народы именно в произведениях искусства обнаруживают свои национальные черты, желая увидеть здесь свое живое воплощение и ощутить родную

атмосферу»²,- подчеркивал философ. Художник, по мнению Гегеля, должен знать «субстанциональное ядро эпохи и народа», и только в этом случае его творчество будет объективным, высокохудожественным и национальным по духу. Согласно концепции Гегеля дух народа действует как «определенный» дух, как «этот народ», наивысшей точкой реализации которого является понимание своих жизненных замыслов, своего положения в историческом процессе.

Особое внимание национальному своеобразию культуры уделяли и романтики. Настоящему народному творчеству они противопоставляли «искусственную» художественную культуру. При всем многообразии явлений романтизма, следует отметить, что именно романтики выдвинули ряд прогрессивных плодотворных идей о важности сохранения национальных традиций, уникальности национальной культуры, идеи, которые были прогрессивны не только для своего времени, но значимы для последующих эпох.

Так, русская философская мысль XIX века вобрала в себя опыт европейского романтизма и соединила его с нараставшим в России освободительным движением (словарь живого великорусского языка В. Даля, собрание народных песен П.В. Киреевского, а также произведения писателей-славянофилов Л.С. Хомякова, братьев Аксаковых и др.). В дальнейшем принципы славянофильства развил в своем учении русский религиозный философ и богослов, поэт, публицист и критик В. Соловьев. Признавая значение народности как особенной формы общечеловеческого содержания, он выступил против идей о национальной исключительности. Все исторические народы, имевшие влияние на судьбы человечества, по мнению философа, утверждали свою народность не в ней самой, а в чем-то всеобщем, всенародном, всечеловеческом. Философ ввел категорию всеединства, к которой впоследствии обращались С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк; у Н.А. Бердяева встречается синонимичное понятие моноплюрализма, а у Л.П. Карсавина – категория многоединства.

Сегодня в отечественной культурологии существует несколько подходов к изучению культуры: гносеологический, дескриптивный, деятельностный, аксиологический, атрибутивный, структурный и др. Многообразие методов вызвано тем, что культура обладает многокомпонентной системой и формируется в процессе многообразных типов-связей.

Художественная культура объединяет все виды художественной деятельности (словесное, музыкальное, театральное, изобразительное и др. искусства), а также процессы, связанные как с функционированием данных видов (создание, хранение, восприятие и т.д.), так и обеспечивающие ее успешное функционирование (обучение и воспитание художников, публики, критиков и т.д.).³ Проработанное на большом теоретическом материале определение понятия дает М.С. Каган: «художественная культура – есть слой культуры, кристаллизирующийся вокруг искусства для обеспечения максимально эффективного с точки зрения общества и каждого конкретного социума протекания художественной деятельности»⁴.

В советской науке понятие «художественная культура» начинает широко употребляться в 70-е гг. XX в., в этот период появляется ряд интересных научных работ, посвященных как теоретическим, так и другим аспектам функционирования художественной культуры (М.С. Каган, С.С. Аверинцев, Д.С. Лихачев, Ю.У. Фохт-Бабушкин, Б.М. Бернштейн, Г.К. Щедрина и др.). Выделяют несколько форм функционирования художественной культуры:

1. Произведения искусства как содержательно-смысловое ядро и предметно-вещественный фонд художественной культуры;
2. Многообразные формы и виды деятельности по сохранению, систематизации и описанию фондов художественной культуры;
3. Формы реализации данных фондов, определяющие содержание художественной культуры (интерпретация художественных произведений на разных уровнях: исполнительском, искусствоведческом и др.);
4. Пополнение фондов художественной культуры посредством художественного творчества, виды деятельности, обеспечивающие процесс художественного творчества, направленные на управление художественной культурой и формирование профессиональных кадров в области художественного творчества⁵.

В достаточно многообразных формах функционирования художественной культуры главенствующее место занимает, безусловно, искусство, которое является самосознанием и «кодом» культуры (М.С. Каган). Д.С. Лихачев писал, что «художественное преобразование этого мира, которое совершает искусство, имеет целостный и целенаправленный характер»⁶.

Проблема «искусство в сфере культуры» становится актуальной в конце 70-х гг. XX века⁷ и не теряет значимости до сих пор, так как связь художественного и социокультурного контекстов в культуре любой эпохи очевидна. Искусство, в отличие от других подсистем культуры, наиболее точно раскрывает сущность культуры и ее особенности, связанные как с традиционной художественной системой, так и с процессами взаимовлияния и взаимообогащения. Под термином «искусство» в современной культурологии понимается «не просто совокупность художественных произведений, а весь тот социально-эстетический поток, который, в конечном счете, постоянно порождает из себя (через творящее сознание художника) художественные произведения»⁸. Произведение искусства как объект обладает специфическими качествами, являясь одновременно и материальной и духовной составляющей культуры.

Для культурологического подхода к изучению искусства, — отмечает И.В. Попова, — «прежде всего характерно понимание искусства как особой системы, обладающей целостностью и многообразием смысловых характеристик, внутренних и внешних закономерностей, среди которых одной из важнейших является конкретная взаимосвязь с реальным общественно-историческим бытием»⁹.

«Исследуя художественную культуру в целом, невозможно, конечно, обойтись сугубо искусствоведческими методами... Неизбежен комплексный подход»¹⁰, — отмечает Ю.У. Фохт-Бабушкин. Но если «место искусства в социальных системах, его предназначение как формы общественного сознания» можно рассматривать и в философско-обобщенном плане, то «понять особенности бытия искусства в тот или иной исторический период, закономерности взаимодействия искусства и человека без прикладных исследований нельзя»¹¹.

Особенностью культурологического подхода к изучению искусства считается «вынесение на первый план общеэстетических, общехудожественных закономерностей»¹². Современные ученые, отталкиваясь от теории Ю.М. Лотмана, трактуют культурологический метод как интерпретацию и понимание «текста» культуры, который «одновременно онтологизирует целостную культурную реальность, выражением и презентацией которого выступает сам текст»¹³.

Неоднородность современного культурного пространства требует системного описания, осуществить которое можно превра-

тив культурное многообразие и непрерывность в дискретную среду, состоящую из определенных культурных систем. «Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов-связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину»¹⁴. Однако трудности, встающие на пути реконструкции той или иной культурной модели, очевидны. Об этом писал А.Я. Гуревич, признав, что «модель мира данной социально-культурной системы можно построить лишь эмпирически, априорный же набор ее компонентов всегда остается неполным, – и, главное, грозит создать «перекосы» в исследовании»¹⁵.

Культура живет не внутри границ, а на их пересечении, когда происходят процессы взаимодействия и взаимовлияния различных этнокультурных ценностей. В современных исследованиях нужно учитывать и то, что наряду с общими тенденциями, характерными для культуры бывших народов СССР, у каждой национальной культуры есть специфические проблемы, связанные с идеологическими, политическими, религиозными и социально-экономическими вопросами. Социокультурные процессы разных этнических общностей неодинаковы и определяются во многом конкретно-историческими условиями и уровнем социально-экономического развития.

Специфические культурологические методы позволяют изучать культуру любого народа как уникальное, самостоятельное явление. «Оценка всякой исторической художественной культуры не может сводиться к уяснению того, что данная культура дала или чего не достигла по масштабам других, чуждых ей культур. Она, несомненно, должна оцениваться и по *собственным масштабам и возможностям*, исходя из ее *внутреннего* разнообразия, *специфических* художественных и иных ценностей, творческих потенциалов и идеалов»¹⁶.

В советской науке проблемы развития этнической культуры были предметом пристального внимания ряда наук: философии, этнографии, литературоведения, эстетики, искусствознания. Данной проблеме посвящены исследования Ю.В. Бромлея, С.А. Арутюнова, А.В. Авксентьева, Л.М. Дробижевой, М.С. Кагана, Ю.М. Лотмана, Г.Д. Гачева, П.С. Гуревич, К.Б. Соколова, С.В. Лурье, А.А. Каменского¹⁷ и др. Многоплановость проблемы породила широкий диапазон интерпретаций. В ряде исследований подчеркивалось снижение роли этнического в современ-

ном культурном процессе. «По мере технического, а соответственно, социального прогресса сфера проявления этнических свойств культуры начинает сужаться»¹⁸. В других, – напротив, утверждалось, что «через последовательно-логичное развитие этнической традиции национальная культура получает выход к мировому искусству, к сокровищнице его опыта, к мировой художественной памяти»¹⁹, а также подчеркивалась необходимость анализа культурных феноменов, исходя из общей картины жизненных реалий социального, этнического, политического характера.

В 70–80-е гг. XX в. в отечественной науке предпринимаются попытки построения типологии способов и форм проявления этнического начала в искусстве. Постановкой и решением этой задачи в разных контекстах занимались А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев. Данные исследования позволили выявить определенную культурную общность, отличающуюся системным органическим единством, а также определить ведущие идеи этой общности как внутренние принципы организации данного типа культуры. С.С. Аверинцев изучал культуру переходных эпох, наиболее рельефно отображающих развитие ее в системе разнообразных взаимодействий. Как замечает ученый, «... формы культуры имеют свою логику. Другой вопрос, что убеждения людей тоже воздействуют на формы культуры, причем воздействие это может быть связано с сознательными усилиями участников исторического движения, а может идти скрытыми, неожиданными путями»²⁰. Так, стимулирование эстетики западно-восточного синтеза отнюдь не входило в задачи христианской культуры. «Усвоение ближневосточного литературного опыта не вытекало из доктрины христианства как субъективно осознаваемое требование; оно вытекало именно из факта христианства как объективное следствие»²¹. С. Аверинцев подчеркивал необходимость анализа литературных текстов, исходя из общей картины жизненных реалий социального, этнического, политического характера²².

В статье Б.М. Бернштейна «Несколько соображений в связи с проблемой «искусство и этнос»»²³. Автор подчеркивает, что специфика искусства этноса определяется двумя признаками: во-первых, уникальностью и некоторыми неповторимыми чертами, а во-вторых, тем, что эти устойчивые черты повторяются во времени и пространстве. Условия индивидуальности и инвариант-

ности, выдвинутые Б.М. Бернштейном, призваны ответить на два взаимосвязанных вопроса: «Чем отличается искусство данного народа от искусства других народов и в чем произведения искусства данного народа сходны между собой?». Решающая роль в формировании и поддержании этнических стереотипов принадлежит, по мнению Б. Бернштейна, социокультурной информации.

Один из основоположников семиотического метода изучения культуры Ю.М. Лотман выделял две модели культуры – бинарную и тернарную, каждая из которых проходит в своем развитии три стадии: самоописание, изменение и взрыв. В тернарных системах взрыв происходит менее остро, так как не затрагивает всей системы ценностей, в бинарной же системе, к которой относится и Россия, взрыв ведет к уничтожению старого и построению нового. Процессы историко-культурного развития того или иного государства (региона, нации, этноса) представляют не прямую и непрерывную линию, а сложный комплекс опосредований. Какая-то часть культурной информации без существенных потерь передается от поколения к поколению, другие же компоненты культуры могут исчезать, а потом вновь возникать в культурной исторической памяти. С.Н. Иконникова считает, что российскую цивилизацию, российскую культуру нужно рассматривать в качестве целостного явления, сохраняющего ядро ментальности²⁴.

Ключевым понятием современной культурологии является «ментальность». Российская история ментальностей была создана прежде всего трудами А.Я. Гуревича, а также М.М. Бахтина, Л.М. Баткина, Ю.М. Лотмана. В отечественной науке сегодня под словом «ментальность» понимают «относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и укрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества»²⁵.

В западной науке интерес к проблемам культурно-исторической типологии был вызван рядом социальных причин, определяющих нарастание кризисных явлений в обществе и культуре, стремлением преодолеть традиционные рамки европоцентризма, подчеркнуть особенности культуры стран и народов. Европоцентристское мировоззрение сложилось в эпоху военно-экономической и культурной монополии Европы. Гносеологические основания этой теории заключались в том, что вплоть до конца XIX века европейские ученые не располагали сколько-нибудь си-

стематическими, объективными данными о жизни бесписьменных народов. В конце XIX – начале XX века начинается великое освободительное движение угнетенных народов, успехи полевой этнографии увеличивают знания о культуре народов Африки, Океании, Австралии, Южной Америки.

В результате этих исследований под сомнением оказались как европоцентристское мировоззрение, так и теория однолинейной эволюции. Начинает развиваться новая наука – «культурная антропология». Методологические подходы к изучению культуры в западной науке разнообразны и многоплановы. Под влиянием О. Шпенглера разрабатывается *цивилизационный* подход, в частности, в исследованиях Тойнби; *эволюционный* подход Э. Тайлора предполагал, что все культуры можно расположить в единый непрерывный и прогрессивно развивающийся ряд; *функциональный* подход методологии Б. Малиновского до сих пор активно используется западными этнологами и антропологами, выезжающими в различные уголки земного шара и некоторое время живущими в той или иной местности с целью изучения языка, культуры, обычаев; А.-Р. Радклифф-Браун развивал *структурно-функциональный* подход и тем самым внес большой вклад в развитие социальной антропологии, которая, в отличие от этнологии, с ее историческим подходом, изучает общие закономерности развития общества и культуры.

Л. Уайт подчеркивал необходимость объединения различных подходов к изучению культурных феноменов, так как они соответствуют культурным процессам различного типа: временному, формальному и формально-временному. «История, эволюционизм и функционализм суть три различных друг от друга способов интерпретации культуры, каждый из которых одинаково важен»²⁶. Также ученый отмечал, что культура по своей природе социальна, так как с момента своего возникновения связана с такими феноменами как природа, общество, идеология: «Все аспекты культуры – материальный, социальный, идеологический – легко передать другому индивиду, поколению, возрастной группе, другому народу при помощи *социальных* механизмов. Культуру можно назвать формой *социальной* наследственности»²⁷.

В середине XX – начале XXI века появляются интересные исследования, связанные с изучением роли мифологизма, с процессами культурной динамики, культурной памяти и др. (К. Леви-Стросс, М. Элиаде, А. Тоффлер, Я. Ассман и др.).

К. Гирц в известном труде «Интерпретация культур» выводит понятие «этнос». Этнос того или иного народа – это тип, характер и стиль его жизни, отличительные особенности его этики и эстетики, это то, что лежит в основе отношения данного народа к самому себе и к своему миру, в котором эта жизнь отражается»²⁸. Одной из важнейших задач современности К. Гирц считал необходимость изучения культуры как национального феномена. «Познание культуры народа открывает его обычность, нормальность, не уменьшая вместе с тем его специфичности. Оно делает этот народ доступным для понимания: помещение людей в контекст их собственных банальностей рассеивает туман таинственности»²⁹.

В современный период возрастает роль историзма и культурной идентичности в политических, социальных и художественных процессах, особую актуальность приобретают исследования, изучающие феномены культурного наследия и культурной памяти. В конце XX в. активно начинает разрабатываться концепция культурной памяти. Культурная память, по Я. Ассману, играет центральную роль в культурной эволюции, формирует и репродуцирует идентичность родовой группы, государства, нации посредством коммуникации – циркуляции культурных смыслов. «Культура есть объективизированная память общества, сохраняющего свою идентичность и передающего ее по цепочке поколений»³⁰.

Внимание к изучению культуры как источнику познания изменений в обществе наметилось в мировой науке еще в 70-х годах XX века. Отражением этой тенденции явилось привлечение антропологического метода: создается социологическая концепция П. Бурдьё³¹ о роли культуры как активного начала, формирующего различия и идентификации, работы Ю. Хабермаса³², анализирующего культурный смысл модернизации, монографии С. Хантингтона³³, связывающего именно с культурными феноменами перспективы развития цивилизации и сохранение мира.

«Вирусная метонимия», описанная Ж. Бодрийаром как процесс всеобщего смешения и заражения, трансэстетики, трансэкономики, трансполитики и т.д., превращает индивида в клон, неспособного ни быть собой, ни рефлексивно дистанцироваться от себя и от воспринимаемого. И тогда вместо жесткой иерархии ролей, вместо определенной сущностной составляющей этнической, религиозной и др. идентичностей приходит подвижная модель «рефлексивной идентичности» (Э. Гидденс).

Существует множество различных концепций, описывающих разложение прочных форм идентичности индивида в посттрадиционной культурной среде. А. Макинтайр³⁴ говорит об «эмотивизме» современных идентичностей (когда все ценностные суждения имеют характер субъективных предпочтений). В отличие от предыдущих эпох, когда сущность предшествовала существованию, и каждый человек обязан был вписаться в ту или иную традицию, в тот или иной определенный порядок, иначе он становился либо чужаком, либо изгнанником, современный человек «никогда не достигает вершины – эта вершина уходит в бесконечность»³⁵. В условиях «ценностного политеизма» ни один из культурных и этических образов не может претендовать на безусловность. Множественность и фрагментарность культурной среды отражается и в распаде устойчивых – национальных, классовых, гендерных – идентичностей индивидов.

В настоящий период особую актуальность приобретают концепции многокультурной модернизации, учитывающей модернизационный потенциал традиций. Главным постулатом новой парадигмы модернизации является, как отмечает Э.А. Паин, «признание возможностей многообразия моделей исторического развития, обуславливающего различие модернизационных трансформаций в зависимости от стартовых условий, исторического опыта и особенностей культуры разных стран»³⁶. Сегодня этнонациональные проблемы оказались в центре внимания мировой общественности, сознанием которой все сильнее овладевает мысль о всемирности культуры.

Последние два десятилетия характеризуются напряженностью в этнической сфере: с одной стороны, национальное возрождение, актуализация этнического самосознания, а с другой – межэтническое противостояние. Современные процессы модернизации полиэтнического пространства РФ не могут рассматриваться как создание некоторого «образца», основанного на тех или иных стандартах других стран. Каждая национальная культура создает собственную картину мира, сохранение и воспроизведение которой основная задача художественной культуры.

Примечания

1. Гердер И.-Г. Избранные сочинения. М.–Л., 1959. С. 11.
2. Гегель. Эстетика. В 4-х т. Т. 1. М., 1968. С. 289.

3. Художественная культура в докапиталистических формациях. Л., 1987. С. 27.
4. Казан М.С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры. Л., 1987. С. 8.
5. Художественная культура и искусство. Методологические проблемы: сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 15.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1977. С. 7.
7. См. Художественная культура и искусство. Методологические проблемы: сб. науч. трудов. Л., 1987.
8. Суворова Г.Д., Шор Ю.М. Культурологический подход к искусству // Художественная культура и искусство. Методологические проблемы: сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 20.
9. Попова И.В. Искусство в системе современной культуры Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 17.
10. Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление // отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин. М., 1982. С. 5.
11. Там же
12. Суворова Г.Д., Шор Ю.М. Указ. соч. С. 23.
13. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. № 8. 2010. С. 83.
14. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 587.
15. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 19.
16. Перов Ю.В. Методология исследования истории художественной культуры // Художественная культура в докапиталистических формациях. Л., 1987. С. 70.
17. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997; Гуревич П.С. Культурология. М., 1995; Арутюнов С.А. Народы и культуры. М., 1989; Дробужева Л.М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996; Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: две философии. М., 1989; Библер В.С. Культура. Школа диалога культур. М., 1992; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988; Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1982; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001; Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепции социокультурной стратификации // Теория художественной культуры. Вып. I. М., 1997; Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. Ставрополь, 1993; Авксентьев А.В., Шаповалова В.А. Этносоциальные проблемы России. Ставрополь, 1994.
18. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1977. С. 75.
19. Каменский А.А. О смысле художественной традиции // Критерии и суждения в искусствознании. М., 1986. С. 228.
20. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 244.

21. Там же. С. 245.
22. Там же. С. 5.
23. Бернштейн Б.М. Несколько соображений в связи с проблемой «искусство и этнос» // Критерии и суждения в искусствознании. М., 1986. С. 128.
24. Какой тип культуры складывается в современной России. Крутлый стол, 12 марта 2010. // Вопросы культурологии. № 8. 2010. С. 105.
25. Гуревич П.С. Культурология. М., 1995. С. 245–246.
26. Уайт Л. Избранное. Эволюция культуры. М., 2004. С. 475.
27. Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры // Личность. Культура. Общество. 2005. Том VII. Вып. 4 (28). С. 37.
28. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 149.
29. Там же. С. 22.
30. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
31. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2007. 276 с.; Бурдье П. Социология социального пространства. СПб., 2005. 288 с.
32. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб, 2006. 377 с.; Хабермас Ю. Расколотый Запад, М., 2008. 192 с.
33. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007. 603 с.
34. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М., 2001. 384 с.
35. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 714 .
36. Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. № 6. 2009. С. 41–42.

ИСКУССТВО СЕГОДНЯ

Реальное и виртуальное

Современное (вернее, экспонируемое) искусство России поражает своей политической озабоченностью и иногда даже ангажируемостью. Казалось бы, так ли давно художественная элита общества яростно осуждала передвижников, соцреализм, и даже иногда, невинные в этом смысле, поиски нонконформистов за их «политическую составляющую», которая зачастую перевешивала или даже полностью заменяла составляющую художественную? Безусловно, желание художников улучшить мир, открыть людям глаза на его несправедливость приветствуется, – но есть ли это истинная задача искусства? Не является ли, например, более гуманной задачей изобразительного искусства сохранение и развитие визуальных техник, таких как, станковая графика или монументальная живопись (почти полностью, кстати, исчезнувшая из контекста современного искусства как жанр)? А искусство действия и жеста при этом стоило бы оставить на откуп театра. И почему именно такие направления в изобразительном искусстве поддерживаются институциями, даже несмотря на то, что количество зрителей, вернее даже сказать – потребителей такого рода искусства, все более и более сужается, мутируя в группу людей, принадлежащих к одной и той же страте, или попросту говоря – тусовке. Если искусство – это такой же продукт, как и кино, то его основная цель – быть увиденным большим количеством людей и никак не отторжение последних оставшихся разочарованных любителей прекрасного в музейные коллекции XVIII века.

Пока актуальные галереи делают ставку на политические жесты, глобальное искусство в Интернете (а никто сейчас уже не отрицает, что именно виртуальному миру, как ни досадно, принадлежит будущее) развивается мгновенно и молниеносно на www.галереях.ру. Художники, которых зачастую обозначают как «любители», обожают тушь, масло, акварель и самые что ни на есть традиционно отложенные в сторону техники, наряду с компьютерной графикой, которая опять-таки грешит изобразительностью. Интернет-галереи поражают своей изобразительно-визуальной направленностью, возьмем, например две из них, самые многочисленные: Saatchi.co.uk и русский Hiero.ru. Где же политика, эпатаж или, например, реминисценции на тему кризиса на Ближнем Востоке? Можно сколько угодно рассуждать о профессиональном уровне и мейнстриме, актуальном и одиозном, но смогут ли пустующие галереи реального мира в ближайшие десять лет противостоять живому и копошащемуся, пестрящему отзывами и комментариями, спорами и создающимися сообществами Миру Виртуального Искусства?

В своем эссе «Манифест нового века» Михаил Эпштейн назвал зарождающееся сегодня направление мысли и творчества «протеизмом»¹ в его виртуальной попытке объять и ассимилировать во что-то новое тенденции и традиции предыдущих веков. Когда скорость передачи информации равна секунде, а языковые границы стерты, как может интересоваться национальное, и тем более политическое в искусстве, если города все более становятся похожими, а люди, никогда не видевшие друг друга, ощущают себя близкими? Не есть ли эта новая эра виртуального единения душ, когда, наконец, не будут важны расовые и денежные атрибуты твоего образа, а будет иметь вес лишь то, что ты можешь «выложить» на виртуальных страничках – а именно тексты, картинки, рассуждения?

Что ограничивает зрителя в виртуальном контексте? Во-первых, поле монитора, во-вторых, ограниченность времени на просмотр (у всех, как правило, открыто по нескольку окон), в-третьих – огромная конкуренция информации. И именно тот художник, который сможет захватить внимание зрителя более чем на 5 минут, а тем более увлечь его путешествием по своему миру (страницам), станет победителем. Здесь мы оказываемся перед дилеммой: а какое именно изобразительно искусство будет наиболее востребовано в Сети? Во-первых, конечно порно-

графия. И от этого никуда не деться, пока господа из Microsoft не разработают единые фильтры для всего Интернета, который на сегодняшний день пока есть и остается единственным символом свободы без ограничений. А во-вторых? Что ждет зритель, не ищущий порно, и требующий красивого даже от мира, выставленного виртуально? Что может предложить тихий и скромный художник с карандашом и кисточкой, безучастно наблюдающий за баталиями на Реальной (не виртуальной) арт-сцене и, похоже, ничего уже не понимающий в происходящем? Скромный Художник тихо юркнул в Интернет, чтобы творить здесь и получать отзывы тех, кому бегство от жизни в прекрасное необходимо как воздух. Он оттолкнулся от последнего, брошенного всеми в погоне за радикализмом, визуального направления в искусстве – абстракционизма. Последний же, пока авангард, или то, что из него в итоге выросло, наслаждался своими успехами на поле брани между Нет-, Лэнд-, Алк-, Рэди Мэйд-, Мордобой- Артами, потихоньку изменялся и пробовал свои силы то на поприще дизайна, то используя элементы фигуратива, то экспериментируя с разными технологиями. И именно в этом направлении так сказать преобразенной абстракции с элементами фигуративного искусства, или может быть, преобразенного фигуративного искусства с элементами абстракции, продолжают работать многие современные виртуально-визуальные художники, обвиняемые то в неактуальности, то в консерватизме, то в иллюстраторстве. Но может ли такое искусство быть консервативным, если оно внутренне оправдано интуицией художника и востребовано зрителями в Виртуальном мире? Кто в этом случае не прав: Красивые и модные журналы, приглашающие на актуальные выставки «алк-арта», кураторы, превратившие выставочные залы в территории, по которым ходят «другие»? (Другие, являющиеся рефлексией внутреннего Другого), и с которых убежали последние зрители, испугавшись собственной отсталости? А может быть прав Михаил Эпштейн, который открыл нам секрет настоящего, заключающийся в том, что «авангардное презрение к традиции, отрыв от прошлого, политический и эстетический радикализм, вера в избранность немногих гениев, диктующих свою волю темным массам обывателей, – все эти черты вызывающего и высокомерного дебюта остаются в прошлом веке: «умонастроение начала XXI века я бы определил как «прото-» ...Прото – это смиренное осознание того, что мы живем в самом начале неизвестной цивилизации»².

Искусство и качество

В своей работе «Искусство и ответственность» М. Бахтин пишет: «Правильный не самозванный смысл всех старых вопросов о взаимоотношении искусства и жизни... в том, что и искусство и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо легче творить, не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством»³. Искусство – это ответственность. Если у советского искусства цель была воспитательная, то последние десятилетия у российского искусства цель была другая – самоутверждение в мировом контексте. У каждого из них не было никакой ответственности.

Сегодня особо просвещенные западные критики могут с трудом вспомнить некоторые имена современных русских художников (мало чем отличающихся, по сути, от западных коллег). Можно ли на этом считать миссию завершенной? Где же, в таком случае, ответственность искусства перед зрителями?

Мы гипотетически должны встречать произведение искусства по его модной одежке (элементы инсталляции, акционизма, мультимедиа), но как мы должны провожать это? По «уму»?

Редкого современного художника сегодня можно обвинить в гуманитарно-теоретической (и даже физико-математической) отсталости, и в этом одна из причин, почему на нас как из рога изобилия полилось нетрактуемое-искусство-неподлежащее-дешифровке: в силу внутреннего эдипова комплекса художника, который спокон веков воспринимался более как ремесленник, нежели как философ. Последние 100 лет арт-сцены перечеркнули этот пред-рассудок, но появилось ли противоядие этому вырождению рисования в текстописание? Почему все продолжают цитировать «Черный квадрат» Малевича – эту первую ласточку русского концептуализма, забывая при этом о втором крестьянском цикле и его поздних фигуративных работах? Авангард XX века прошелся катком по всему изобразительному, понятному, трактуемому, эстетическому, но имеет ли смысл продолжать такую эволюцию искусства и далее, когда сами художники и критики зашли в тупик?

Искусство сегодня – это продукт рыночной конкуренции, но также это жест самовыражения художника, которому должны быть присущи своевременность, уникальность, четкость послания и художественная ценность. К сожалению, данные элементы

качественной оценки взяты не из статьи искусствоведов, а из пособия по рекламе для креативного директора⁴.

Реклама сегодня, к сожалению, – это двигатель поп-культуры, которую искусство по-своему перерабатывает. Во многом рекламисты – это выходцы из художественной среды, с тем лишь отличием, что их творчество хорошо оплачиваемо, всеми потребляемо и, в обязательном порядке, должно содержать четкий message*, иначе миллионы долларов, потраченные на производство, окажутся выброшенными на ветер. С другой стороны арены одиноко взирает на мир через стекло пустынной галереи «произведение современного искусства». Хочет ли оно быть прочитанным зрителем? Хочет ли художник быть услышанным вообще? И кем?

Сегодня практика разговора индивидуальностей в искусстве переросла в шокотерапию. Этот тупиковый путь, который отвечает запросу современного арт-рынка отнюдь не находит понимания зрителя и зачастую оказывается политикой массового привлечения дилетантов в искусство. Как бы мы не относились к Сальвадору Дали, значение этого художника в искусстве XX века огромно, и его слова о том, что сначала ты должен научиться работать как старые мастера, а потом любой жест будет оправдан, окончательно забылись. Представим себе увлекательное мероприятие: собрать современных художников и провести между ними конкурс на лучшую копию Караваджо. Данный этап смог бы автоматически отсеять зерна от плевел. Второй этап конкурса – импровизация на заданную тему (убивает любителей плагиата и компиляций). Оставшиеся в живых переходят на третий этап – создание произведения с четкой концепцией, соединяющего современные средства арт-коммуникации (интернет, видео, дизайн пространства) и язык искусства в его классических жанрах: живопись, графика, скульптура, ДПИ. Такое процентное соединение формы и содержания могло бы вывести искусство на качественный уровень.

Вопрос соотношения качества формы и содержания должен, в конце концов, быть поднят в той стране, где настолько глубока традиция этой самой борьбы формы с содержанием. В стране, наследнице искусства византийских скрытых и потаенных смыслов, где содержание всегда было превыше, но, тем не менее, никогда не умаляло художественной ценности произведения.

* Англ.: четкий посыл.

Революции, мейнстрим и то, что осталось от модернизма

Двадцатый век был, как никакой до этого, плодovit на количество течений, «измов», парадигм и отрицаний. Но кроме всего прочего, век двадцатый был полон и восклицаний: «Назад к Ренессансу!». Как и девятнадцатый. Тем не менее, возвращения не произошло, а попытки тоталитарных режимов объявить реалистическое искусство единственно верным только еще больше увеличили пропасть между искусством репрезентативным и т.н. «модернизмом». Вряд ли подобное возвращение к Ренессансу возможно в принципе, после того количества открытий, которые прошлый век привнес в изобразительное искусство. Это и появление фотографии, ставшей прерогативой на «реальное» с момента возникновения, и становление дизайна как отдельного направления (со всевозможными его ответвлениями), и всепоглощающее агрессивное развитие рекламы, и компьютеризация, а еще через 10 лет – интернетизация всей планеты. Имеет ли смысл подводить «искусство» под существующие мерки «Art Versus Nonart», если деятельность художника в его классическом смысле слова в XX веке разрослась до корпоративных объемов? Вместо единственного художника, который в каком-нибудь веке восемнадцатом справлялся и с проектами зданий, и со сценографией, и с оформлением продукции, и при этом успевал писать портреты и оформлять купола церквей, сегодня орудуют миллионные сетевые агентства, цеха декораторов и веб-дизайнеров, копирайтеров и планировщиков. К концу XX века само понятие «изобразительное искусство» оказалось ненужным прогрессу, так как все функциональное на себя взвалили дизайнеры, собирающие пенки прибыли и при этом остающиеся творцами. Искусству осталось лишь бесполезное. Если от изобразительного искусства оторвать все его созидательные составляющие, как это произошло в XX веке, и еще при этом осуждать художников, рисующих на заказ – что останется в итоге? Абсолютно «чистое», «дистиллированное» искусство? И так ли уж виноваты кураторы и арт-дилеры, если функция художника в XX веке поменялась с необходимой на бессмысленную? При этом оставшиеся идеологи пытаются осуждать нарратив в искусстве, – однако, если искусство не будет учить или бороться с чем-то (что еще не совсем отняли), то зачем вообще нужно изобразительное искусство?

Здесь мы подходим к рубежу эпох, пытаюсь всмотреться в вечность в поиске того самого прото-искусства, которое, быть может, появится на небосклоне и ответит на все наши вопросы. Будет ли оно морализирующим? Или нарративным? Или абстрактным? Будет ли оно на холсте или на бумаге? Либо новые технологии выдавят все традиционное? Вернется ли прекрасное к прекрасному, либо изобразительное искусство исчезнет вообще как понятие, оставшись лишь музейным экспонатом? Будут ли и далее художники производить бесполезное, красивое и странное, когда так велик соблазн уйти целиком и полностью на поприще рекламы, либо, подвизавшись в общий мейнстрим разных «артов», вколачивать и далее гвоздики в гробик, где покоятся кисточки и краски? И стоит ли думать и говорить о «вечном», что спокон веков было основной плоскостью самой идеи «искусства», если мир возвращается с такой огромной скоростью в плену сиюминутного?

Искусство и границы

Как ни странно, и все это прекрасно знают, но именно идеология и взаимоискусствование сделали авангард начала XX века поистине глобальным явлением – от Англии до Японии. Как ни удивительно, прошло около века и ничего более глобального и более жизнеутверждающего с тех пор не произошло. Либо опять мы наступаем на грабли недопонимания значения рекламно-дизайнерского движения с точки зрения именно «течения в искусстве»? De facto, глобализм – это и есть реклама, которая объединила в себе все: постмодернизм, киберпанк, политические жесты, моду, порнографию, а также маргиналов и борцов с этим самым глобализмом.

Реклама сегодня перешла в область искусства. И, тем не менее, ее там продолжают не признавать, разграничивая, например, «Art Directors Club» и «Манифесту». Почему так? Неужели так разнятся эти два явления – развивающаяся реклама и умирающее искусство? С другой стороны, почему так много профессионалов, подвизавшихся на ниве рекламы и живущих прилично и в достатке, разрывают все контакты с красочным миром йогуртов и кетчупов, уходя в отшельничество, как бы мы сказали, «чистого искусства»?

Итак, допустим следующую аксиому – реклама это и есть самое современное, официально признанное во всем мире, глобальное искусство цивилизации всеобщего потребления, нуждающейся, как в воздухе, в идеологической подпитке зрителей гипнозом красивых упаковок, дымящихся блюд, идеальной кожи и стройной фигуры. Почему же тогда это не признается как искусство? Чтобы окончательно не шокировать человечество, уже итак «подсаженное» на спокойную умиротворяющую музыку супермаркетов и пляшущих шоколадок на экране, и не желающее быть уличенным в самообмане? И, конечно, глобальные брэнд-менеджеры тоже не согласны разуберечь в этом миллиарды, ждущие новых запахов, коллекций и модернизированных кошачьих туалетов. А зачем тогда всякие там разные непонятные и никому не нужные акционисты и видео-артисты с той же «Манифесты»? Скорее всего, для того, чтобы человечество все-таки было в курсе, что последователи Веласкеса и Эль Греко вот «эти», а не «те» танцующие шоколадки на экране, который как окно в прекрасную жизнь...

Подобная расстановка в мире прекрасного существует до тех пор, пока существует текущая дислокация экономических сил. За экономическими силами следуют силы идеологические. Сегодня экономический, как и идеологический центр по производству всего модного и прекрасного находится по ту сторону океана, и все меж собой тихо решили, что эта система незыблема и будет стоять вечно. Безусловно, искусство всегда тянулось в такие центры в ожидании поддержки и директив. Допустим такую мысль: политическое фиаско по строительству демократий и написанию Конституций, как и огромный бюджетный дефицит, даст о себе знать в самом ближайшем будущем. Что далее? Если последняя политическая сверх-сила потерпит крах, что случится с искусством, на которое именно этой системой последние пятьдесят лет выделялись огромные средства? Что сможет заполнить вакуум сети грантодателей, фондов, спонсоров, филантропов и галерей, которые зачастую выполняли двойную функцию? И если случится этот самый вакуум в «прекрасном», может ли получиться так, что прекрасное наконец одержит верх над идеологически и экономически подходящим?

Абстрактный метод и диалог

Иная цель творчества в XX веке предполагала и совершенно иные особенности внутренней структуры произведения, где поня-

тия пространства, времени, ритма, а также позиции автора претерпевают значительные изменения. Художники обращаются к «зауми», к синтезу художественных средств, к иной динамике и пространственному построению, но их основной задачей была передача идей, стоявших «за рамками» понимания, которые художники интуитивно проецируют на картинную плоскость, пользуясь той свободой, которую открывал авангард в начале XX столетия.

Абстракция всегда пыталась как бы выйти за рамки искусства к некой иной области человеческой деятельности, в которой сопрягается, с одной стороны, бессознательное творчество (сродни шаманским практикам язычества), а с другой – интеллектуальное (сфера метафизики и философии). Художественная абстракция – способ творческого мышления. Психологически и содержательно она была совершенно новым витком культуры, отделившим XX век от предыдущих столетий, несмотря на то, что беспредметная живопись не изобрела собственного изобразительного языка, что во многом и было причиной столь быстрого «истощения» этого направления. Она лишь использовала абстрактный метод художественного мышления, существовавший ранее как художественный прием и проявлявшийся, когда художник передавал изобразительными средствами информационные смыслы, выходящие за пределы материальной реальности.

Абстрактный способ мышления, в качестве скрытого процесса передачи неизвестных реальности смыслов, существовавший на протяжении столетий, становится художественной реальностью в XX веке и воплощается в художественной практике как беспредметная живопись, которая трактовала его как своеобразную концепцию.

В довоенной России абстрактный метод как специфический способ искусства прошел путь от зарождения, стремительного развития, кульминации, (в «Черном квадрате» К. Малевича как первом концептуальном произведении, соединившем абстракт и философию), до растворения в прикладных жанрах и промышленном дизайне. Более того, новая культурная политика в начале XX века в России способствовала пониманию абстрактного искусства как комплекса «художественных матриц», неких формул, которые могли бы нести не только эстетическую функцию, но и реализовать обыкновенно несвойственные искусству задачи.

История абстрактного искусства – это история отражения одной из проблем художественного творчества в целом: проблемы

«выражения невыразимого», стоящей у основания понимания абстрактного метода художественного мышления. «Выражение невыразимого» – это традиционно религиозный метод передачи смыслов завуалированно, использующийся в искусстве там, где информация должна считываться бессознательно, посредством художественного воплощения (исламская каллиграфия, иконопись). С абстрактным методом художественного мышления, а через него с проблемой «выражения невыразимого» мы сталкиваемся в передаче художником базовых основ мироздания в самом близком человеку творчестве – прикладном (орнамент). Если вспомнить, что основная идея средневекового искусства была «искусно скрывать истину, чтобы скрывая высказать и утаивая выявить ее», то абстрактное искусство тоже пытается выявить скрытое внутри мира и человека, лишь слегка приоткрывая, намекая на тайны творения. В середине 20-х годов К. Малевич изрекает свое знаменитое «Бог не скинут», и уточняет: «... религия – высшая точка легкости как состояние вне материи, существующее, где материя исчезает в духе, в душе, образе. Это последнее техническое состояние перед беспредметностью /.../ о-художествить все равно что о-божествить, о-святить /.../ категории искусства стоят первой ступенью после религии, они от наития и вдохновения души. Дух произведения – их образ»⁵.

Проявление абстрактного метода в изобразительном искусстве XX века таково, что мы можем предположить существование матрицы, присутствующей в художественном сознании и появляющейся в те моменты, когда автор пытается передать информацию, выходящую за рамки прямой изобразительности и художественного опыта. Круг проблем, которые мы наблюдаем в данном случае, во-первых, ставит нас перед сопряжением интуитивной компоненты художественного творчества и философии; во-вторых, особенную роль художественный метод играет в промышленном искусстве и дизайне, где происходит соединение художественного произведения как уникального творения и схем, способных к моментальному распространению и воздействию. Иными словами, это система передачи базовых «формул» художественного мышления, которая предполагает огромную информационную насыщенность изображения. Здесь мы сталкиваемся опять с абстрактным методом мышления, пользуясь которым художник передает информацию, выходящую за рамки изобразительности. Именно сравнения с математическим кодом, а не обвинения в оппозиции,

здесь справедливы, так как произведение беспредметного искусства является проводником тех знаний и процессов, которые человеку еще предстоит для себя открыть.

Принципиальным отличием процесса восприятия абстрактного произведения от произведения, выполненного в рамках другого художественного метода, является его установка на свободную смысловую интерпретацию его зрителем. При этом каждый раз происходит рождение нового проекта путем взаимодополнения мыслей автора и воспринимающего. И изначальная установка на работу воображения зрителя, на соучастие как основополагающего действия в самом существовании картины, являются основным отличием беспредметной живописи от любого другого визуального искусства. Пространство абстрактной картины – пространство искривленное, деформированное, не имеющее глубины, и поэтому не «втягивающее зрителя» в себя, будоражащее, ставящее человека перед выбором: либо отказаться от взаимодействия с картиной, либо воспринять предлагаемый им диалог, в котором зритель становится «не только читающим, но и читаемым». Пространство абстрактного произведения – это пространство воображения воспринимающего человека. В абстрактном произведении мы наблюдаем внутреннюю установку произведения искусства на сотворчество человека, воспринимающего искусство. Иными словами, стандартная позиция «художника-зрителя» претерпевает трансформацию в сторону создания между автором, который не скрывается более за портретируемыми образами реальности, и человеком, воспринимающим искусство «коммуникативного коридора», или пространства, где происходит сам процесс творения.

Таким образом, фактически решая пространственные задачи, беспредметная живопись впервые в истории обострила вопрос о месте человека в системе искусства. Истинно то, что искусство, объявившее свободу от мира изображений в живописи, машинально рассчитывало на такое же свободное, творческое восприятие у зрителя. «Воображение – это способность творить образы, выходящие за пределы реальности, загибающие реальность. Это сверхчеловеческая способность. А человек является человеком в той степени, в какой он сверхчеловечен»⁶. И этот парадокс явился одним из основополагающих столпов его доктрины. Искусство, подобное диалогу-спору, двустороннему размышлению в общем коммуникативном пространстве, где

художник лишь обрисовывает тему размышления, заставляет задуматься над совершенно иной задачей искусства, возникшего на рубеже XIX–XX веков, с позиции человека, живущего в начале третьего тысячелетия. Подобная работа произведения искусства – это диалог далеко не художника и не картины со зрителем, а взаимодействие пространства, первоначала мира с человеком посредством художественного произведения. Мартин Хайдеггер в одной из своих работ писал: «...творение дает Богу пребывать, оно само есть Бог»⁶, что значит: внутренний диалог, спор в абстрактном произведении позволяет истине войти в мир человеческих отношений и существовать в нем. Поэтому, рассматривая развитие абстрактного метода, выкристаллизовавшегося в столетнее развитие абстрактного искусства, многие отмечают его инаковость среди направлений может быть более значимых, более того, понятых и услышанных в XX столетии. Эта непохожесть и нестандартность формы беспредметного произведения для изобразительного искусства открыли дорогу для многочисленных трактовок этого явления: от информационно-математических (Ю. Злотников) до понимания абстракции как реализации в двадцатом столетии романтической утопии (С. Батракова), тогда как очевидно, что это явление невозможно трактовать в терминах изобразительного искусства вообще.

Примечания

1. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html/> (дата обращения: 11.10.2001).

2. Там же.

3. Бахтин М.М. Искусство и ответственность. URL: <http://philosophy.ru/library/bahtin/otv.html> (дата обращения: 7. 08. 2005).

4. Салливан Люк. Рекламная пауза. Откровения креативного директора. Руководство по созданию грандиозной рекламы от неоднократно призера «Каннских львов». URL: http://dimitry-neskazhu.narod2.ru/chitalnii_zal/reklamnaya_pauza_lyuk_sullivan/ (дата обращения: 12. 02. 2005).

5. Малевич К.С. Черный Квадрат. URL: <http://www.rulit.net/books/chernyj-kvadrat-get-207246.html> (дата обращения: 22. 05. 2008).

6. Там же.

7. Хайдеггер Мартин. Исток художественного творения. URL: http://viscult.ehu.lt/uploads/Heidegger_ursprung.pdf (дата обращения: 19.05. 2008).

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

УДК – 316.343.652(47)

*А.А. Коновалов,
З.З. Азнаурова,
(г. Нальчик)*

ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Особенности исторического развития России наделили отечественную интеллигенцию (начала XX века) собственными уникальными характеристиками, во многом отличными от характеристик западных интеллектуалов. Для изучения феномена российской интеллигенции нам представляется особенно важным учитывать ее самосознание, что означает необходимость повышенного внимания не только к «объективным тенденциям» развития исследуемого слоя, но и к рассмотрению способов и форм ее собственной самооценки и самовосприятия¹. Ряд современных ученых считают, что сущностная черта интеллигенции – это способность к самопознанию и самосознанию, а не просто способность человека мыслить и знать что-либо о внешнем мире². Категория самосознания интеллигенции представляет собой способ осмысления совокупности ее статусных позиций в обществе и осознания ее роли в качестве субъекта социального действия. При этом важно отметить особую проблематичность изучения самосознания интеллигенции, так как оно не едино, а распадается, дробится на несколько частей.

Весьма интересен подход Д.С. Попова, определяющий сознание российской интеллигенции конца XIX – начала XX века как некую модель, «идеальный тип» (по М. Веберу), при этом Д.С. Попов наделяет интеллигенцию следующими чертами:

- Гипертрофирование духовно-нравственного аспекта жизни как радикально противоположного всему материальному в

мире (не принято обсуждать материальный достаток, богатство считается неприличным);

- Нравственные и просветительские достижения рассматриваются как самодостаточные, бескорыстное служение абстрактной идее, истине;
- Система сострадания и жертвенности, «долг перед народом»;
- Культивирование идей дисбаланса, неравновесности, критического неприятия внешних социальных условий, оппозиционность по отношению к власти;
- Радение за все человечество, ощущение своей собственной, личной ответственности за историю, за все, что происходит в мире³.

Таким образом, самоидентификация российской интеллигенции, как правило, проявляется через рефлексию относительно места, роли, предназначения ее в жизни и несет в себе указанные черты.

Размышляя о социокультурном облике российской интеллигенции, Е.С. Элбакян выделяет как особую черту способ самоидентификации интеллигенции. В каждую эпоху у каждой социальной группы существует определенная форма самоидентификации, которая часто носит ситуативный характер и не всегда адекватна. Вместе с тем, изменение самоидентификации влечет эволюцию самосознания социальной группы. Говоря о самоидентификации российской интеллигенции, Ю. Давыдов замечал: «В целях прежней самоидентификации интеллигенция начинает настаивать... в первую очередь на своей антирелигиозности. Но... с этим дело не получается. Интеллигентность начинает размываться религиозностью самого разного типа, которая, так сказать, проникает в ее собственный состав. Остается одно – интеллигенция начинает противопоставлять себя по-прежнему народу»⁴. Проблема взаимоотношения интеллигенции и народа поднималась и активно обсуждалась в начале XX века известными философами, историками, общественными деятелями. В частности крупный философ Ф.А. Степун подчеркивал, что «на протяжении всей своей жизни русская интеллигенция защищала не столько ближайшие, насущные интересы народа, сколько свои представления о них. Эти представления о реальных интересах народа были не всегда реальны, что в достаточной степени объясняется тем, что интеллигенция народную нужду всегда видела издали, на горизонте западноевропейских идеологий и в глубине своей беспокойной совести»⁵.

Следующая черта свойственная интеллигенции – элитарная идеология и психология, которая определяется как: а) утверждение, что господство элиты интеллигенции сущностно необходимо; б) сознание принадлежности к избранным; в) чувство ответственности за обеспечение благоденствия народа; г) ощущение тяжкого бремени этой ответственности, а также осознание трагичности положения интеллигенции, вынужденной принимать решения за других. Интеллигенция лишена практицизма, присущего другим общественным группам, что отрывает ее от реальности. Она представляет собой «свободно парящую» социальную группу и часто ищет средства от общественных потрясений не в мире практических действий, а в мире иллюзий и идей. Поэтому в качестве следующей черты российской интеллигенции можно назвать эскапизм – уход в мир отвлеченных идей и утопических проектов. Подобная ситуация рождает политическое отчуждение интеллигенции. Опираясь абстрактными понятиями, строя идеологические модели полного преобразования всей системы общественных отношений, пытаясь отыскать вечные ценности для народа и указать пути их достижения, интеллигенция стала играть роль главной оппозиционной и критической общественной силы⁶. Из этого следует, что интеллигенции свойственны, с одной стороны, народолюбие, служение народу, чувство вины перед ним, с другой – социальная дистанция, элитарная психология, навязывание определенных идей, иллюзий, социальное мифотворчество.

Дифференцируя либеральную и радикальную интеллигенцию начала XX века согласно их ценностным ориентирам и установкам можно выделить общие и особенные черты. Так, например, либеральная интеллигенция в лице партии кадетов отставила замену самодержавия парламентаризмом, но без применения насилия. Они «исходили из общечеловеческих этических принципов, поскольку считали, что разрушительным идеям социализма необходимо противопоставить идеи о незыблемости нравственных начал, безусловной ценности человеческой личности как таковой, общенародном (надклассовом) характере православной религии и национальной культуры»⁷. Таким образом, определяющими ценностными ориентирами либеральной интеллигенции выступают толерантность, критичность ума, альтруистическая этика.

Радикально-революционная интеллигенция, чей образ был создан «Вехами», включала следующие черты: фанатичность, состоящая в безусловной преданности делу служения народу, в принципиальности, доходящей до догматизма. С.Л. Франк описал это качество как «аскетизм в личной жизни, утилитарная мораль в сфере общественной, традиционный атеизм и материализм в области религии и философии, и, главное, непримиримый радикализм, решительный разрыв с широкими общественными кругами во всех понятиях, стремлениях и действиях – таков исторический тип мировоззрения русской идейной интеллигенции. Это мировоззрение образует ее религию, ее святыню, и все что ему противоречит, отскакивает от русского интеллигента с почти физической неизбежностью»⁸. Слова С.Л. Франка относятся не ко всей интеллигенции, а к оппозиционной ее части.

Оппозиционность радикальной интеллигенции, по мнению С.Л. Франка, состояла в «отщепенстве, отчуждении от государства и враждебности ему», в отличие от либеральной интеллигенции, которая была склонна к конструктивному сотрудничеству с государством. Оппозиционность, как сущностная черта радикальной интеллигенции, перерастает в беспочвенность, отрыв от национальных традиций. Беспочвенность обусловлена тем, что «интеллигенция – порождение взаимодействия западного социализма с российскими условиями культурного, экономического и политического развития»⁹.

Деспотичность и насилие по принципу «цель оправдывает средства». Беззаветно преданный своему делу интеллигент, по словам С.Л. Франка, действует с аскетической суровостью к себе и другим, с фантастической ненавистью к врагам и инакомыслящим.

Альтруистическая этика – «почти религиозная жажда служения и подвига»¹⁰, руководство во всех делах «сердцем и совестью», а не личной выгодой или общепринятыми правилами и образцами. Все это вместе взятое, по словам Ф. Степуна, – устремленность к идеологическим горизонтам, погруженность в глубины покаянной совести, направленность воли к положительному устройству не сегодняшнего, но лишь завтрашнего дня, привычка мыслить и предпочитать свое положительное дело как разрушение уже сделанного и положенного – естественно способствовало развитию в русской интеллигенции идеологической дальнорзости и эмпирической близорукости¹¹.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что способность к самосознанию и осмыслению судеб народа, критическое отношение к власти имманентна интеллигенции так же, как творчество и духовная свобода. Из этого следует, что жизнедеятельность интеллигенции – это непрерывающийся процесс самосознания, самоидентификации, формирования новых символов и механизмов собственного миропонимания и мироотожествления в качестве реальной общественной силы.

Примечания

1. Попов Д.С. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 20 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-samosoznaniya-sovremennoi-rossiiskoi-intelligentsii-traektorii-transformatsii> (дата обращения: 29.06.2012).
2. Смоляков Л. Об интеллигенции и интеллигентности // Коммунист. 1988. № 16. С. 69.
3. Попов Д.С. Указ. соч.
4. Цит. по: Элбакян Е.С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 83.
5. Степун Ф.А. Чаемая Россия. Спб., 1999. С. 31.
6. Элбакян Е.С. Указ. соч. С. 85.
7. Ширинянц А.А., Ширинянц С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997. С. 118.
8. Франк С.Л. Интеллигенция и освободительное движение // Полярная звезда. 10 февраля. 1906. № 9. С. 649.
9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. URL: <http://www.vchi.net/vchi/index.html> (дата обращения: 30.06.2012).
10. Степун Ф.А. Указ. соч. С. 33.
11. Там же. С. 31.

З.М. Кешева,
(г. Нальчик)

ТУРИЗМ КАК ОБЪЕКТ БРЕНДИРОВАНИЯ И ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В условиях глобализационных процессов современные локальные общества, к каковым относится и население КБР, стали испытывать как проблемы этнического самосохранения, так и трудности в поиске конструктивной модели экономического и культурного развития. Опыт развитых стран и локальных обществ свидетельствует о том, что в решении этих двух проблем ключевое место занимает создание позитивного, привлекательного образа, или бренда. В условиях смены парадигм антропогенной цивилизации и формирования информационного общества, одним из ключевых факторов социального и культурного развития, как на глобальном, так и на локальном уровнях, становится курортно-рекреационный комплекс и весь корпус сопутствующих ему проблем.

В настоящее время туризм является одной из наиболее мощных, динамично развивающихся и высокодоходных отраслей мировой экономики, выступает в числе важнейших факторов социально-культурного развития территорий, способствующих повышению уровня и качества жизни населения. Развитие туризма, проявляющееся в его многоотраслевом характере и тесной факторной взаимозависимости практически со всеми сферами жизнедеятельности, позволяет использовать туризм в качестве действенного инструмента стимулирования социально-экономического роста на национальном и местном уровнях.

Северный Кавказ – одно из самых привлекательных для туризма мест в России. Этнографический туризм имеет хорошие

перспективы стать одной из визитных карточек Кабардино-Балкарии. В силу географического положения и исторической миссии республика способна стать главным этнокультурным центром всего Северного Кавказа. Согласно некоторым гипотезам, горы современной Кабардино-Балкарии – один из древнейших очагов евразийской цивилизации, о чем свидетельствуют многочисленные каменные дольмены, которые исследователи сравнивают с английским Стоунхенджем. До сегодняшнего дня в высокогорье остались традиционные балкарские аулы, которые представляют бесспорный интерес для туристов, ищущих экзотических впечатлений¹.

Основным туристским богатством КБР являются ее природно-климатические условия и, прежде всего, уникальные ресурсы горных районов, предопределяющие их использование в рекреационных целях. Существенным дополнением к природно-климатическим ресурсам выступают туристские ресурсы историко-культурного характера. В качестве наиболее значительных исторических памятников можно выделить склеповые могильники XII–XIII вв. (район с. В. Чегем), Башню Балкаруковых XVII в. (с. В. Чегем), средневековое городище Джулат, курганные могильники эпохи бронзы и раннего железа, средневековую на скальную лестницу Битиклеи и др.²

В течение XX в. в Кабардино-Балкарии работали крупные научные экспедиции. Именно в Нальчике восемьдесят лет назад начал свою профессиональную биографию академик-востоковед Б. Пиотровский. В 2008 году Министерство культуры России выделило средства по федеральной целевой программе на исследование одного из крупнейших памятников археологии Каменномоетского могильника. Первые находки сделаны здесь еще в 1829 году. В 1947 начаты планомерные археологические работы, которые продлились до конца 80-х годов. Плато, на котором находится могильник, разрушается: реки Малка и Кичмалка подмывают берег, и некоторые древние погребения обрушились с частью берега. Не способствует сохранению памятника археологии и то, что дома жителей построены на территории могильника. Исследование Каменномоетского могильника вошло в федеральную целевую программу «Культура России», рассчитанную на 2006–2010 годы. Уже первый археологический сезон дал результаты, не исключающие продления этой программы. В результате раскопок в Каменномоетском в 2008 году в Национальный музей КБР передано 418 предметов.

Еще один историко-культурный памятник, который может в перспективе войти в программу этнокультурного брендинга КБР является замок Джабо-къала. Он находится в Хуламо-Безенгийском ущелье на правом берегу реки Черек, неподалеку от ныне необитаемого поселка Джабоевский – около 4,5 километра к северо-востоку от современного села Безенги. Есть основания полагать, что замок находился вне черты поселений, обособленно от них, поскольку поселок Джабоевский был основан только в XIX веке, когда замок был давно необитаем. Следовательно, несмотря на сходство названий замка и поселка, между ними нет никакой связи. Наименование замка «Джабо-къала» лишь фиксирует его местонахождение.

Крепость сооружена на склоне горного массива, на высоте приблизительно 180–200 метров над уровнем реки. В этом месте склон прорезан сложной системой скальных выступов; верхний ярус одного из таких выступов послужил и своеобразным фундаментом, и стройматериалом для сооружения крепости. Высота этой скальной платформы-фундамента местами достигает 6–7 метров – ясно, что без приставной лестницы проникнуть в крепость было невозможно.

Помимо обособленной хозяйственной постройки комплекс состоит из четырех пристроенных вплотную друг к другу сооружений различной этажности, вытянутых в один ряд с запада на восток. Общими для всех построек признаками являются возведение их на известковом растворе из необработанной скальной породы, взятой здесь же, со скального выступа, и применение штукатурки. Более тщательной обработке подверглись лишь камни, оставляющие обрамление бойниц. Джабо-къала представляет собой значительный интерес и в будущем может стать одним из посещаемых туристами этнокультурных объектов Кабардино-Балкарии. Замок Джабо-къала входит в восьмерку памятников археологии КБР, исследование которых финансируется федеральным центром. Проведены археологические исследования на большей части комплекса и архитектурные обмеры с использованием лазерной техники.

Для успешного продвижения туристического продукта необходимо создание привлекательного образа КБР. Особая роль в этом процессе принадлежит СМИ, освещающим вопросы этнокультурного развития. С начала 90-х годов XX века практически повсеместно в России отмечается перманентное увеличение

реестра соответствующих этнических печатных изданий. Большой вклад в создание позитивного образа Кабардино-Балкарии вносит издательство Марии и Виктора Котляровых. Оно функционирует с 1992 года и за это время выпустило более двух тысяч книг. Последние 5 лет Котляровы занимаются в основном изданием книг о Кабардино-Балкарии – путеводителей, фотоальбомов, сувенирных изданий и научных исследований. Одним из проектов, предложенных Котляровыми, является организация музея каменной истории под открытым небом. Подобные музеи успешно функционируют в Японии (музей камней), Англии (мегалитическое сооружение Стоунхендж), Перу (так называемое плато Наска), на острове Пасхи (музей статуй). Создание музея каменной истории, по мнению авторов проекта, не только привлечет туристов, но и сделает более содержательным их времяпровождение. Подобного музея нет не только на Северном Кавказе, но и в Российской Федерации в целом.

Специфика подобного рода музеев не требует капитального строительства, уничтожения зеленых насаждений, изменения существующего ландшафта. Каменные экспонаты устанавливаются прямо среди деревьев, между которыми разбиваются пешеходные тропинки, которые при необходимости могут быть оперативно ликвидированы без малейшего вреда экологии самого участка.

В республике немало каменных артефактов, датированных миллионами лет до нашей эры («яйца динозавров», моллюски, морские ежи и т.д.), которые могут войти в экспозицию музея. Здесь же можно собрать и так называемые писаницы – рисунки охрой древних художников. Видится уместным разместить в музее и христианские памятники средневековья, мусульманские памятники XVII–XVIII веков, находящиеся ныне вне захоронений. Могут найти место в музее и другие памятники, снесенные в силу разного рода причин. За весьма короткий промежуток реально собрать несколько десятков экспонатов, а со временем их количество будет только расти, делая музей все более привлекательным и посещаемым.

Нельзя не обратить внимания и на такой ресурсный потенциал этнокультурного туризма Кабардино-Балкарии как ее национальные особенности. Этот ресурс целенаправленно в республике практически не используется. Между тем в развитых туристских странах и центрах национальный колорит, элементы

национальной культуры и быта выступают необходимым атрибутом туристского обслуживания. Для КБР использование данного потенциала развития туризма особенно важно, учитывая богатство и яркую индивидуальность национальных традиций и обычаев народов республики. Изделия, изготовленные народными умельцами, будут весьма востребованы у туристов, стремящихся увезти на память о пребывании в Кабардино-Балкарии какой-либо сувенир.

К сожалению, сегодня в республике сохранились далеко не все виды традиционного искусства. Среди тех, что являются не только достоянием прошлого, но живут и поныне, можно назвать старинный кабардинский вид промысла – плетение ковриков из болотной травы – ардженов³. В данное время ассортимент предметов, выполненных в технике плетения из болотной травы, расширился, но по-прежнему, центральное место занимают арджены. Это не только циновки, но и дамские и хозяйственные сумки, образцы посуды, салфетки. Древняя же техника сохранилась в неизменном виде.

Арджен у адыгов – вещь многофункциональная: он сопровождал его от рождения до смерти и был одним из главных атрибутов жизни. Свои первые шаги дети совершали по циновке. Арджен украшал стены жилища, оживляя колористическую гамму интерьера. Любое семейное торжество было связано с этими предметами, их использовали также в качестве моделльных ковриков, на них вешали оружие и музыкальные инструменты.

Появление у кабардинцев и адыгейцев искусства плетения циновок не было случайным. Территории, которые они населяли, были покрыты болотной травой – рогозом, так что проблем с сырьем никогда не возникало. Да и сама технология изготовления и станки были достаточно просты, но требовали сосредоточенности в работе. И конечно же, в первую очередь мастерице (раньше плетением ардженов занимались в основном женщины) необходим был художественный талант, т.к. прежде чем начать плести арджен, надо было придумать его рисунок и композицию, которые бы тонко подчинялись фактурным возможностям рогоза.

Всплеск интереса к ардженам возник в 80-е годы прошлого столетия. Одним из энтузиастов, увлекшихся плетением циновок, стал Замудин Гучев, которому удалось привлечь внимание к угасающему промыслу. Он организовал студию по плетению

ардженов при Дворце пионеров в Нальчике. В 1993 году в республиканском центре эстетического воспитания детей имени Жабига Казаного была организована студия по плетению циновки «Арджен». Ежегодно в студию зачисляются около 40 слушателей, обучение длится 3 года.

Также в республиканском центре эстетического воспитания детей имени Жабига Казаного была организована студия золотного шитья. По инициативе этнографа Азретали Кишева, увидевшего в Ленинграде золотошвейную выставку, в 1984 году 6 девушек командировали на пять лет в Торжок учиться золотошвейному мастерству. Вернувшись на родину, они стали обучать желающих этому сложнейшему виду народного декоративного искусства. Для вышивки используются нитки двух видов: рабочая – вошенная хлопчатобумажная нить – остается на изнанке, а на лицевой стороне – золотистый или серебристый люрекс. Настоящую золотую нить, содержащую 3–8% золота или серебра, раньше выпускал московский монетный двор: плоскую, граненую, крученную, канитель. Сейчас вышивают гладью непосредственно по ткани. Золотым шитьем украшают одежду, аксессуары, косметички, декоративные подушки. Распространенный мотив вышивки – тамга (родовой символ)⁴.

Таким образом, в настоящее время, когда в первую очередь должна учитываться экономическая целесообразность, сохранение и развитие национальной этнокультурной традиции на первый взгляд может показаться той областью, где всякие вложения и инвестиции являются одной из форм благотворительности. Однако практика показывает, что при грамотном подходе традиционная культура способна становиться не только частью национального наследия, но и весьма удачной и привлекательной основой для развития экономики и бизнеса в сферах этнотуризма и этнокультурного брендинга. Возможно создание историко-этнографических музеев-заповедников, воссоздание в примыкавших к феодальным резиденциям оборонительно-жилых постройках этнографических деревень с комплексом экскурсионных услуг, проведение праздников, конных путешествий по ущельям. Как следствие – сохранение традиций и культуры и создание сотен рабочих мест в районах с переизбытком трудоспособного населения.

Примечания

1. *Проценко Н.И.* Бренд по наследству. Эксперт-Юг. 2010. № 16–17.
2. *Кушхабиев В.В.* Принципы и методы управления развитием регионального туризма в Кабардино-Балкарской республике. Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1994.
3. *Аппаева Ж.* Сияние красок арджена. Северный Кавказ. 2010. № 23–24.
4. *Белых Н.* Адыгский веер похож на флажок. Газета Юга. 2002. № 22 (432).

Н.В. Варивода,
(г. Нальчик)

**СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1920-х гг.**

В период проведения либеральных реформ и обновления всех сфер жизни общества все большее внимание обращается на культурную составляющую. Овладение новыми коммуникационными технологиями, преодоление кризисных явлений напрямую связано с дальнейшим повышением образовательного и культурного уровня населения, культуры каждой отдельно взятой личности. Вопросы повышения культурного и образовательного уровня требуют целенаправленных усилий государственных и общественных институтов. Наблюдается необходимость более внимательного отношения власти и общества к социально-культурной сфере, принятия комплексных долговременных программ по преодолению негативных явлений в культурной жизни российского общества, активизации усилий по формированию моральных и духовно-эстетических ценностей.

Рассматривая первоочередные задачи современной российской культуры, вполне логичным представляется обращение к предшествующим этапам этого процесса, аккумулирующего в себе бесценный исторический опыт. Современное общество требует свободной от еще недавно господствовавших идеологических схем оценки роли и места этого исторического периода в культурной жизни региона. Изучение социокультурных процессов в Кабардино-Балкарии в 1920-е гг. позволяет выявить локальную специфику культурных процессов, лучше понять истоки современного кризисного состояния культуры в целом.

Одну из основных проблем российской школы до революции сформулировал П.Н. Милюков: «Политическая роль, более или менее открыто навязанная школе, роковым образом парализовала производительность ее работы. Из боязни передовых идей и сильных характеров школа систематически занималась искоренением всяких идей и обезличением индивидуальности»¹. Многие упреки Милюкова относительно результатов работы школы большевики, по сути, разделяли. Но улучшить производительность работы школы они хотели на базе собственной идеологии. «Старым» осталось отношение новой власти к школе: преобладание политических задач над образовательными задачами. Это и составляет главную проблему периода.

Школьное образование в Кабардино-Балкарии строилось в соответствии с основополагающими документами партии и правительства, в частности, декретом ВЦИК «О единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г., постановлением Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», от 31 октября 1918 года². Основным принципом советской школьной системы был принцип связи ее с политическими, экономическими и культурными задачами социалистического общества. Советская школа была общедоступной, бесплатной, светской и политехнической. Вместо одноклассных приходских начальных училищ, одноклассных и двухклассных сельско-общественных училищ, частных одноклассных училищ, церковно-приходских училищ и реального училища создавалась единая трудовая школа в составе двух ступеней; первая – для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс) и вторая – от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс)³.

В 1918 году в округе был создан отдел народного просвещения. Начавшаяся Гражданская война сорвала выполнение поставленных Нальчикским окружным отделом просвещения грандиозных задач по народному образованию. Лишь в 1920 году, после окончания Гражданской войны, удалось приступить к строительству новой школьной системы.

Требовалось одновременно решить множество сложных проблем – восстановление школьных зданий, подготовка национальных педагогических кадров, создание и издание учебников на родных языках. С 1920 года во всех селах Кабардино-Балкарии стали открываться школы на родных языках. Под школы приспособлялись национализированные дома, на краткосрочных кружках готовились педагогические кадры из кабардинцев и балкарцев⁴.

Были мобилизованы все силы и ресурсы области, однако без центральной власти невозможно было осилить многие задачи. Центр регулярно оказывал помощь денежными средствами, учебно-методической литературой и др. в деле организации советской школы на местах. С 1926 года началось строительство новых типовых школьных зданий, ремонт и достройка новых корпусов силами самого населения. Бывали случаи, когда на местное население временно возлагались все расходы на содержание школ, за исключением расходов по оплате жалованья учителям⁵.

К 1922–1924 гг. обозначился существенный рост школ. В небольшой степени этому способствовала новая экономическая политика. В Кабардино-Балкарии в 1922–1923 гг. было 94 школы с 5759 учащимися. В 1928 году Кабардино-Балкария довела общий контингент учащихся всех школ до 12,5 тыс. человек⁶.

В 20-е годы XX века развитие народного образования и школьного дела было тесно связано с языковым строительством. Советское государство и партия придавали огромное значение задаче построения национальной письменности для народов, которые не имели ее до революции. В 1920 г. Т.А. Шеретловым был выработан кабардинский алфавит на арабской графической основе, по которому шли занятия до 1923 г. Ряд ученых поставили вопрос о замене арабского письма латинским. Развернулись острые научные дискуссии лингвистов о целесообразности латинской графики для бесписьменных народов. Вместе с тем, некоторые ученые отмечали недостаток латинского алфавита – малочисленность букв и предлагали усовершенствовать арабский алфавит, в частности, его орфографию. Однако последнее слово осталось за партийными органами, поскольку они стремились вырвать мусульманское население из-под влияния ислама. Замена арабской графики на латинскую имела политическую подоплеку – разорвать связи с культурным кругом ислама, облегчить общение новой власти с населением. Национальная письменность в Кабардино-Балкарии утвердилась на основе латинской графики в 1924 году (Т.А. Шеретлов, Б. Хуранов, Т. Борукаев и др.), что собой знаменовало коренной перелом в школьном строительстве⁷. Родной язык в балкарской школе изучался по учебнику Г.Д. Алиева, который был первой попыткой грамматической систематизации родственных карачаевского и балкарского языков. Национальная газета «Карахалк» стала выходить на трех языках – русском, кабардинском и балкарском.

Советская власть проводила политику, направленную на разрушение системы мусульманского образования. Так, относительно религиозных школ председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б. Калмыков отмечал: «...необходимо, чтобы дети наши обучались не в арабских школах, которые не только бесполезны, но и вредны, а в наших, советских школах. Лишь в этих школах наши дети и взрослые получают такие знания, которые нам требуются для строительства коммунистической жизни»⁸. Власти всячески способствовали их сокращению и соответствующей агитацией добивались их окончательного разложения.

Количество мусульманских школ постепенно сокращалось и в 1926 г. в области насчитывалось 10 медресе с числом учащихся в них до 100 чел. и до 100 низших арабских школ, в которых обучалось до 1000 чел.⁹.

Переход к нэпу не помог избежать множества трудностей в процессе создания системы школьного образования в Кабардино-Балкарии. В первой половине 20-х годов школьное строительство сопровождали постоянные эксперименты. Зачастую это выражалось в насаждении в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных, ведущих фактически к разрушению школы. Это усугублялось экспериментами по смене графической основы письма, борьбой с защитниками мусульманской системы образования, арабского алфавита. Это создавало трудные условия для формирования современной системы народного образования.

Общей чертой национальных школ региона было то, что они были в большинстве сельскими. Школы были на 80 % размещены в непригодных для школ избах, сакях и т.п. и только 20 % имели специально выстроенные помещения, но и они далеко не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к новой школе¹⁰. Из-за необходимости использовать детей на сельских работах занятия обычно начинались поздней осенью и заканчивались в середине весны. Так, в докладе заведующего облОНО Х.М. Камбиева говорится: «Беда в том, что население до сих пор еще не осознало вполне значения просвещения, если в школе занятия начинаются с 1 сентября, то начинают собираться только в ноябре, декабре и даже в январе. С апреля месяца начинают уже уходить»¹¹.

В целях прекращения отсева учащихся и достижения нормальной продолжительности учебного года Президиум ЦИК КБАО в 1926 году установил, что учебный год в школах должен

заканчиваться первого июня. По решению VI съезда Советов КБАО (1927 г.) создавались окружные и сельские комиссии, которым поручалось комплектование школ учащимися. VI съезд Советов признал также необходимым шире привлечь советскую общественность к популяризации школы среди населения. Для обеспечения фактической доступности обучения создавался особый школьный фонд помощи детям бедноты.

Горское население привыкло оценивать полезность обучения суммой формальных знаний и навыков, которые дети могут применить в хозяйстве. Ставя школе столь узкие утилитарные цели, горцы в последние годы стали замечать, что дети выходят из школы с пониженным запасом формальных знаний сравнительно с запасом формальных знаний дореволюционной школы. Отмечаются случаи, когда учащиеся, пробыв в школе I ступени 6–7 лет и все еще пребывая в 4-й группе, не умели ни читать, ни писать ни на родном, ни на русском языках. Такая школа вызывала к себе глубоко отрицательное отношение со стороны населения¹².

Кроме общих причин такой ситуации: недостаток зданий, отсутствие или недостаток учителей и учебников для обучения на материнском языке, отмечалось, что выход искался в том, чтобы обучение велось на русском языке детей, этого языка не знающих. Такая практика, квалифицируемая как нарушение «золотого правила» научной педагогики о необходимости вести занятия в начальной школе на родном языке, давала «печальные результаты». В итоге отмечалась задержка нормального хода занятий детей, что не может не задерживать их развития. Большинство учителей не проходили никакой подготовки, поэтому отличались очень низкой квалификацией. Шел массовый отсев учащихся. В профессиональном отношении начальная школа не справлялась не только с возложенными на нее политико-идеологическими обязанностями, но и со своей главной обязанностью: подготовить детей к переходу в следующую ступень – среднюю, или, как ее называли, школу II ступени.

Одной из особенностей рассматриваемого времени стало то, что школа принимала активное участие во всех агитационных и пропагандистских акциях, сопровождавших посевные, уборочные, избирательные и другие кампании. Выше мы уже упоминали, что основным принципом советской школьной системы был принцип связи ее с политическими, экономическими и культурными задачами социалистического общества, что мы и

можем наблюдать на данном примере. Участие в тех или иных кампаниях не должно было влиять на качество работы самой школы. Однако оно было крайне низким.

Что же касается большевистской идеи создания единой трудовой школы, ее практического отражения в программах ГУСа, то сами программы в такой ситуации оказались слишком сложны не только для горского учительства с его низкой квалификацией, но и для сравнительно высококвалифицированного русского учительства.

Осуществление соединения обучения с производительным трудом становилось практической задачей. Однако, несмотря на совершенно правильный тезис о том, что производительный труд учащихся должен быть тесно связан с обучением, в названном документе, как и в опубликованных одновременно с ним «Основных принципах единой трудовой школы», содержалось ошибочное положение, заключавшееся в том, что все преподавание в новой школе должно строиться на производительном общественно необходимом труде самих учащихся. Это положение легло в основу схем комплексных программ единой трудовой школы, составленных научно-педагогической секцией Государственного Ученого Совета (ГУСа) осенью 1922 года¹³.

Вытекавший из комплексных программ метод так называемого объединенного (беспредметного) преподавания не обеспечивал вооружения учащихся знанием основ наук. Отрицательный результат этого метода усугублялся тем, что у самих учителей не было ясного понимания путей вооружения учащихся прочными и глубокими знаниями. Насаждение метода проектов вело к разрушению классно-урочной системы обучения. Группы (классы) практически заменялись звеньями (бригадами), которые должны были самостоятельно выполнять то или иное задание. Руководящая роль учителя в обучении отрицалась. Ему отводилась роль консультанта и приемщика зачетов. При таком методе обучения учащиеся вместо точно очерченного круга систематизированных знаний получали клочкообразные сведения по тому или иному учебному предмету. «С постановкой родного языка в школе неблагополучно, – писал в журнале «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» один учитель. – На язык смотрят, как на что-то второстепенное... нежизненное, далеко стоящее от производственных задач школы, от трудовой деятельности человека. Заброшенность этого участка на школьном фронте – факт

неоспоримый... Растерянность учителя перед комплексной системой сыграла тут большую роль»¹⁴.

Между новой комплексной системой преподавания и старой предметной системой не оказалось никаких точек соприкосновения. Бесконечные эксперименты усиливали недоверие родителей, заставляли обращать их взоры на параллельно действующие мусульманские школы.

Политика решать все сложнейшие проблемы одновременно – и менять графическую основу, и вводить новые принципы работы школы, и бороться с мусульманскими школами – привела к тому, что к рубежу 20–30-х годов вскрылись большие проблемы в качестве обучения. Значительные количественные достижения по культурному строительству не были закреплены качественными показателями: низкий общеобразовательный уровень знаний окончивших школы, значительный процент отсева и второгодничества учащихся, неудовлетворительная работа по составлению учебников, отсутствие на национальных языках педагогической и методической литературы, медленные темпы развертывания повышенного образования. В 20-е годы XX века повышенное образование, то есть школы с 5–9 классами и школы с профессионализированными 8–9 классами, в области развивалось слабо. Имел место большой разрыв между численностью учащихся в начальных школах и в пятых-девятых группах школ повышенного типа. Это объяснялось следующими причинами: незначительным количеством учащихся, оканчивающих школы I ступени (начальные школы зачастую являлись трехлеткой и лишь немногие из них имели выпуск), а также почти полным отсутствием национальных кадров и учеников на родном языке для повышенной школы. Однако интересы дальнейшего развития народного образования требовали сосредоточить внимание на расширении сети школ повышенного типа. По данным школьной переписи, проведенной на Северном Кавказе 15 декабря 1927 года, в Кабардино-Балкарии насчитывалось 5 семилеток, 1 девятилетка¹⁵. Следовательно, школы повышенного типа в Кабардино-Балкарии в 20-е годы XX века развивались слабо и отставали от потребностей развития хозяйства и культуры области.

Учитывая достигнутый рост сети школ, улучшение экономического состояния области, а также переход на плановое школьное строительство, Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) и облисполком в соответствии с директивами XV съезда партии

приняли постановление о проведении всеобщего обязательного начального обучения в Кабардино-Балкарии. Его завершение намечалось на 1932–1933 учебный год. Для выполнения поставленной задачи требовалось: дальнейшее увеличение численности школ I ступени; проведение планового школьного строительства; достижение установленной продолжительности обучения в начальной школе; расширение подготовки педагогических кадров, особенно из числа лиц коренных национальностей (кабардинцев и балкарцев); создание национальных учебников.

Таким образом, процесс создания системы школьного образования в Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период сопровождался большим количеством проблем и трудностей. Но важно то, что, несмотря на это, постепенно в сознании населения утверждалось понимание необходимости современной системы школьного образования.

Примечания

1. Цит. по: Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Нальчик, 2004. С. 271.
2. Герандоков М.Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1917–1940 гг. Нальчик, 1975. С. 70.
3. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30-е гг. XXв.). Нальчик, 1964. С. 95.
4. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918–1941гг. Сборник документов и материалов. Нальчик, 1980. Т. 1. С. 32.
5. Там же. С. 40.
6. Шибзухова Х.Х. Становление и развитие советской культуры Кабардино-Балкарии в 1920-х гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. URL: <http://www.diser.kbsu.ru> (дата обращения 10.02. 2012).
7. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918–1941гг. С. 53–54.
8. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1983. С. 729.
9. Мукожев А.Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы Советской власти. URL: <http://www.djeguako.ru> (дата обращения 24.09.2012).
10. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. 1918–1941 гг. С. 78.
11. Там же. С. 76.
12. Мамсиров Х.Б. Указ. соч. С. 274.
13. Копачев И.П. Указ. соч. С. 119.
14. Там же. С. 125.
15. Шибзухова Х.Х. Указ. соч.

*К.А. Гедгафова,
О.А. Жанситов
(г. Нальчик)*

ФОРМИРОВАНИЕ НЕТИПИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В КАБАРДИНСКОМ И БАЛКАРСКОМ ОБЩЕСТВАХ В УСЛОВИЯХ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Согласно изначальному классическому определению «клан» подразумевает род или родоплеменную группу, связанную хозяйственными и общественными узами. Кроме этого признаками клана являются наличие иерархических отношений, обычаев кровной мести, института выборов старейшин, неписаных законов¹. Перечисленное в немалой степени объясняет природу возникновения кланов и клановых отношений. Так, кабардинское и балкарское общества по своей структуре являлись иерархическими, живущими по древним неписаным законам, с традициями кровной мести и выбором старейшины.

С развитием классовых отношений чисто этнографический подход в определении «клана» претерпевает изменения. Теперь клановые отношения рассматривают как систему общественной взаимопомощи и самоорганизации людей, позволяющей выжить им в неблагоприятных социальных условиях². В таком случае к клану могут примыкать и лица, не состоящие в прямом родстве с лидером. Вхождение в клан может осуществляться и на основе традиции общего происхождения, землячества, а также взаимных интересов и обязательств.

После окончания Кавказской войны Кабарда и Балкария официально вошли в состав Российской империи. В связи с введением российских административно-политических институтов управления и хозяйствования, по времени совпавших с перио-

дом «Великих реформ» царского правительства (Крестьянская, Земельная, Военная реформы), возникла необходимость решить сословный и земельный вопросы горцев. Комиссия, созданная для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей (1871 г.), выявила правомерность существования высших привилегированных сословий (князей и дворян) как у кабардинцев, так и у балкарцев. Между тем таковыми были признаны не все категории дворян этих обществ. Данное обстоятельство вызвало раскол в иерархической структуре кабардинской элиты и способствовало разрушению механизма соподчинения (вассалитета). Кроме того освобождение от воинской повинности (всех категорий княжеско-дворянского сословия), лишение рабочей силы в виде крепостных и отказ в наделении землей дворян III и IV степеней, не признанных привилегированными сословиями, привели к нивелированию их юридического статуса в обществе. Под воздействием модернизации они были вынуждены искать «социальные лифты» для определения своего нового статуса. Так же обстояло дело с балкарской аристократией.

По социальному статусу кабардинская и балкарская аристократия считала себя равной российской. Однако царская администрация не желала наделять ее политическими правами и, не возводя в российское дворянство, пыталась ограничиться предоставлением статуса привилегированных сословий в своих обществах, чтобы дать им возможность поступить на военную службу и определять детей в кадетские корпуса. Это способствовало возникновению социально-правового дуализма (наличие двойной структуры в стране и отсутствие у кабардинцев и балкарцев тех же прав, какими обладало русское население), что, в свою очередь, мешало формированию единого гражданского общества, т.к. де-юре и де-факто народы, живущие в Российской империи, делились на «своих» и «чужих».

Указанные обстоятельства в немалой степени способствовали образованию кланов, на что обратил внимание Н. Буткевич: «...С падением значения дворянства среди горцев Северного Кавказа начинает сильно возрастать влияние враждебного нам и этому дворянству сословия мулл и хаджи, и дворяне, оставленные нами, чтобы не лишиться последней точки опоры между соплеменниками, идут рука об руку с муллами. Последствием такой политики явилось появление дворян-хаджи, при мечетях начинается обучение арабской грамоте и число их заметно увеличивается»³.

В свою очередь духовенство имело собственные основания для союза с представителями аристократии: оно также не было причислено к сословию российского духовенства (хотя Н. Буткевич называет их сословием) и его статус, также как у дворян, имел юридическую силу лишь в пределах своих обществ. Кабардинское и балкарское духовенство не владело земельным и иным видом собственности и полностью находилось на содержании сельских обществ. Всем магометанским духовным лицам империи назначали определенный оклад от казны для того чтобы запретить всякие поборы с населения. Но в Кабарде и Балкарии этого не произошло, так как духовенство не было признано сословием⁴, что делало его статус в социальной структуре населения Российской империи совершенно неопределенным.

Лишив духовенство возможности получать образование за рубежом (в силу неопределенности их положения в социальной структуре российского общества) и создать собственное Духовное управление в Терской области, власть способствовала его консолидации с аристократией, которая чувствовала себя ущемленной в результате имперских реформ. А если учитывать то, что большинство духовных лиц Кабарды и Балкарии были выходцами из простого сословия (крестьянства)⁵, то наиболее политически и идеологически грамотная часть из них, объединяясь с аристократией, создавала мощную идеологическую угрозу для царского правительства.

Кабардинское и балкарское общества в пореформенный период смогли приспособить прежние виды деятельности к требованиям рынка. Так, например, скотоводство и коневодство приобрели признаки профессионального занятия. И этим видом деятельности в пореформенное время занимались не только представители привилегированных сословий, но уже и представители простого народа. В связи с этим формировалась группа по профессиональному признаку (предприниматели). Если в самом начале XX века в Нальчикском округе числилось 286 крупных коннозаводчиков, то в 1914 г. – уже 430⁶.

Серьезным препятствием для развития этого вида производства была нехватка горных пастбищ для всех коннозаводчиков и скотопромышленников. Напомним, что в Кабарде и Балкарии земля объявлялась царским правительством собственностью казны. Поэтому ни простой народ, ни представители высших сословий не могли решать вопрос землепользования самосто-

тельно без согласительного регламента центральной власти. Следует отметить, что к 1911 г. лишь третья часть коневодов владела хуторскими участками на Золке. Поэтому мелкие скотопромышленники и коннозаводчики (преимущественно не из привилегированных сословий) не выдерживали конкуренции и вытеснялись с рынка. Таким образом, зарождалась экономическая конкуренция, когда на получение выпасных участков претендовали, прежде всего, наиболее обеспеченные. Оказавшись в столь жестких рамках конкурентной борьбы в занятии, являющемся чуть ли не единственным источником существования в округе, скотопромышленники стали использовать все возможности, чтобы остаться на плаву. На волне столыпинской аграрной реформы, которая предоставляла крестьянам право пользования общинными землями, наиболее влиятельная в экономическом плане часть, сговорившись между собою, стала распространять слухи, о том, что якобы из Петербурга получена телеграмма о передаче крестьянских земель кабардинским коннозаводчикам из привилегированных сословий. С этой целью 24 апреля 1913 г. в Нальчике был созван съезд доверенных представителей от сельских обществ Большой и Малой Кабарды. Князья и помещики (имеющие солидные дивиденды от сдачи земли в аренду и продажи скота), составлявшие подавляющее большинство делегатов съезда, без какого-либо давления со стороны подписали прошение от имени «кабардинского народа» о передаче пастбищных угодий крестьян коннозаводчикам, а представителей крестьян заставили подписать прошение под давлением и угрозой. В приведенном случае представители наиболее обеспеченной части населения (сельская буржуазия), преследуя общие экономические интересы, объединились в клан. Но данная незаконная инициатива была пресечена мятежом крестьян, вошедшим в историю под названием «Зольское восстание 1913 г.», аналогичные события произошли и в балкарских обществах.

Еще одним свидетельством зарождающихся новых форм клановых отношений является жалоба жителей одного из балкарских обществ начальнику Нальчикского округа с просьбой снять вновь переназначенного депутата этого общества с занимаемой должности за спекуляцию землей. Как свидетельствовали заявители, на 1 июня 1910 года были назначены торги для раздачи покосов по участкам в этом обществе, но жителей общества об

этом не уведомили. Торги были проведены без них, и участки проданы барышникам, в числе которых был и сын депутата, в связи с чем заявители просили освободить данного депутата от занимаемой должности «ввиду того, что он в прошлом году поступил недобросовестно и неправильно»⁷.

Здесь очевидны использование народным избранником родственных связей, служебного положения, пренебрежение интересами определенных групп населения в угоду интересам других групп, с целью получения экономической выгоды, что является одним из составляющих элементов клановости. Данный факт открывает другую форму клана – сговор определенной группы населения, имеющей капитал, с должностным лицом с целью получения экономической выгоды, с использованием родственных и земляческих отношений.

Эти примеры являются также доказательством нарастания процесса бюрократизации в этих обществах под влиянием экономической модернизации.

Борьба за право обладания ограниченными национальными ресурсами также способствовала стремлению использовать традиционные этнические связи в достижении своей цели. Первые попытки местного самоуправления и автономного управления земельными и природными ресурсами, шедшие вразрез с законами Российской империи, отмечены в следующем примере. В период промышленного роста в стране (1880–1890-е гг.) у кабардинцев и балкарцев возрос интерес к освоению горнозаводской промышленности. Так, балкарец Исхак Муллаев из Хуламского общества затеял длительную переписку с правительством, чтобы добиться разработки ископаемых Балкарии. На эти цели он готов был внести обществу очень большую по тому времени сумму – 10000 рублей. Ему удалось добиться в 1906 г. от выборных Безенгиевского общества исключительного права на «изыскание на всех общественных землях всякого рода полезных ископаемых»⁸, однако царское правительство в лице Терской администрации отклонило договоры предпринимателя с обществом, ссылаясь на то, что «земля не составляет собственности кабардинских и горских обществ и находится в пользовании у этих обществ, благодаря чему недра земли принадлежат не им, а казне»⁹. Такие ограничительные меры способствовали не только торможению промышленного развития Кабарды и Балкарии, но и обострению этнических отношений, росту этнофобии

из-за неравноправия этнических групп в реализации экономических притязаний на имеющиеся в регионе ресурсы (теория конфликтной модернизации У. Коннора). В данном случае показан пример объединения интересов выборных депутатов балкарского общества с представителями своего же этноса против несовершенств законодательства царской власти, ограничивающего право этнических меньшинств распоряжаться своими национально-территориальными ресурсами (иными словами, образование клана по приобретению этносом прав на ресурсы своей «малой» родины). Такой вид (групповая солидарность по принципу: «мы представители одного народа, поэтому должны поддерживать своих») объединял весь народ, т.к. речь шла о праве обладания природными и земельными ресурсами и возможности распределять их по своим местным законам. Подобная схема объединения возможна при жесткой централизации власти в государстве и отсутствии равных прав всех граждан по национальному и пространственно-географическому признакам.

Сама монархическая власть, несмотря на провозглашенный курс модернизации, крайне не желала убавления своего веса и влияния в регионе. Все еще существующая на ментальном уровне сословная дискриминация, мешающая воплощению реформаторских задумок в жизнь, разделение народов империи на русских и инородцев отягощала положение обществ присоединенных «окраин».

Происходил процесс маргинализации кабардинского и балкарского обществ, поскольку в рамках империи они имели неравный с русским населением национальный, конфессиональный и социальный статус. Это мешало развитию процесса социальной мобильности и интеграции этих народов в Российскую империю.

Присутствие фактора «свои – чужие» в экономической, социальной, национальной и конфессиональной политике царского правительства способствовало нарастанию ксенофобских настроений со стороны русской части населения, и заставляло горцев искать опору в групповой (клановой) солидарности этнических групп, как единственно возможной форме отстаивания национальных интересов.

Примечания

1. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Юссен Б. Родство искусственное и естественное. Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы. М., 2000.
2. Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 284, 285, 364; Лукин А.В. Демократия или кланизация // Полис, 2006 № 3; Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 335–337.
3. Буткевич Н. Мусульманский вопрос на Северном Кавказе (23 ноября 1877 г.) // ЦГА РСО. А. Ф. 12. Оп. 8. Д. 401. Л. 1–2.
URL: <http://www.circassiangenocide.org/tree/1/year/1877/show/421> (дата обращения 18. 04. 2012).
4. ЦГА КБР. Ф. Р–195. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.
5. Там же. Ф. И.–26. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–14 об.; Ф. Р–195. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.
6. Мужев И.Ф. Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1952. Т. 7. С. 101.
7. Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.) / Под ред. Е.О. Крикунова. Нальчик, 1962. С. 254.
8. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 611. Л. 45–45 об.; Д. 639. Т. 2. Л. 199–200; Д. 673. Т. 1. Л. 4, 21–22.
9. Документы по истории Балкарии... С. 268.

УДК – 801.73:101.1

М.А. Хоконов,
(г. Нальчик)

МИФ О ГЕРМЕСЕ ИЛИ ЛОГОС ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

*Философия не возникает из мифа.
Она возникает из мышления в мышлении.
Но мышление есть мышление бытия.
Мышление не возникает.
Оно есть, поскольку есть бытие.
Но падение мышления в науку и веру
есть злая судьба бытия.
М. Хайдеггер*

Гермес – бог герменевтики, бог синтеза и диалога миров, бог-хитрец. Он – Меркурий, средневековый царственный Гермес-Трисмегист, психопомп, обманщик, мистагог. Это все он, один и тот же любимец олимпийских богов, которые увидели в этом забавном юнце все самое «человеческое, слишком человеческое».

Гермес – психопомп: он сопровождает души умерших людей в царство Аида. Этот пареброс (сопроводитель) говорит людям: «Мой свет побеждает всякий свет, и моя добродетель превосходит все добродетели. Я рождаю свет, но и тьма произошла из моей природы». Гермесу привычна атмосфера быстрых движений, направленных на разрушение общепринятых границ и правил, он не боится строить иллюзии, «наступать на горло собственной песне». Его не пугает драматическая смена направления своего движения, он свободно чувствует себя в диалектике этого мира. Для Гермеса мир – это то, что всегда подлежит не освоению, а пониманию. В этом смысле он противоположен Аполлону, одному из онтологических символов метафизической гармонии мирского и вселенского. Аполлон, каким его увидел молодой Ницше, и

Аполлон, каким он явился из недр народной греческой эстетики, – это лики одного универсального образа, являющего себя через архетипические модуляции творчества и высшее понимание духовности как некой соразмерности человеческой калокагатии и космического Логоса. Гермесу предназначено не в пример Аполлону действовать, а не быть высшим мерилom величественной и неизменной красоты и порядка Крониона. Гермес и Аполлон взаимно обмениваются рядом важнейших функций или делят их между собой. Согласно мифу, случайно (ибо все случайные находки посылаются Гермесу) найдя черепаху, Гермес впервые изготовил из ее панциря семиструнную лиру и пел под ее аккомпанемент. Аполлон уговорил его отдать ему лиру в обмен на коров. В придачу Гермес вручил Аполлону свою свирель, за что получил от того золотой жезл и был им научен искусству гадания. В этом и состоит суть диалектики Гермеса и Аполлона. Гермес увидел в музыке источник, впервые открывший ему божественный язык творчества, который обладает непостижимой силой вырывать существование богов и людей из безликости Хроноса. Но он стал пастырем людей, передав все Аполлону, а тот превратил музыку в бессмертное искусство. Пастырь, призванный Аполлоном быть кормчим разума и понимания божественных речей, не может быть богом путей, если у него нет кадуцея, чудесного посоха, архетипического символа мудрости и знания. Эпистофа Гермеса на этом не заканчивается.

Согласно античным мифам, Гермес являлся людям, чтобы возвещать и истолковывать им волю богов. Он был богом красноречия и руководил некоторыми популярными видами предсказаний. Случайно найденные сокровища были его даром, и ему приписывалась функция бога удачи. Кроме того, Гермес был для древних греков богом дорог и путей, охранителем путешествующих, покровителем музыкального творчества. Как пишет известный российский философ Е.Н. Шульга, «само имя «Гермес» хранит в себе следы фетишистской архаической древности, о чем свидетельствует, например, другое древнегреческое слово – «герма» (herma), т.е. «камень», «скала»¹.

Автор в своей работе приводит исторически подтвержденные сведения об одном событии, случившемся в Древней Греции. Данное событие и есть явное свидетельство того, каким ореолом сакральности, культурной значимости были окружены гермы. Правовые документы Афин начала V века сохранили упо-

минания о громком судебном процессе, связанном с массовым актом вандализма по отношению к гермам. Осквернение герм с изображением бога Гермеса произошло в Афинах незадолго до отхода афинского флота на Сицилию в 415 году до н.э. Руководитель военно-морской экспедиции Алкивиад был обвинен в святотатстве, многие афиняне были осуждены как злоумышленники и богохульники, а их имущество конфисковано. Причиной этих суровых наказаний, как мы полагаем, был не только факт бесчеловечного осквернения и разрушения этих сооружений. Гермес символизировал не только теистическую, культовую сторону духовной жизни афинян. Его аполлоновское начало, сопряженное с народным пониманием божественной функции Медиатора как охранителя странствий, путешествий был особо актуален в религиозном сознании греков с начала Великой колонизации (VII в.). Гермы, возникавшие в Греции, а так же в колониях, дали и имя богу Логоса – Гермес.

С именем Гермеса связывались человеческие сновидения – Гермес был богом сна и греки жертвовали ему последнее возлияние перед сном. В древние времена сновидениям, как можно было убедиться, уделялось очень большое внимание. Образы сновидения казались реальным посланием из другого мира и рассматривались как наиболее важные предзнаменования. Для человека, видевшего сон, истолкование событий и символов сновидения приобретало ценность и значение известий потустороннего, прежде всего, божественного происхождения. Другими, такими же по степени важности, были разве что птицы, чье вездесущее и непредсказуемое появление трактовалось примитивным разумом как послание самого Зевса.

Эти мифологические реминисценции позволяют нам приоткрыть завесу и над одной важной проблемой уже современного гуманитарного знания, а именно – взаимосвязи фундаментальных архетипических персонификаций и научного творчества. Дело в том, что З. Фрейд, сделавший основной акцент на анализ бессознательных процессов человеческой психики и тем самым выведший психологию сознания на метапсихологический уровень, давал оценку сновидениям как в целом «царственной дороги к бессознательному». Это первые элементы герменевтико-мифологических аллюзий великого психолога, о вторых речь пойдет чуть ниже.

Загадочно-мистическое и таинственно-символическое, что окружало древнего грека, все умение прочитывать, анализировать, соотносить ситуативно понимаемое с опытом, а затем понимать знаки и символы, категории и понятия, вознесшие греческую мысль до высочайших вершин диалектического и метафизического с рождением чистой, свободной философии, – все вплеталось в миропонимание этого народа, способствовало формированию образа мира, для которого герменевтический подход представлялся естественным актом творческого сознания и понимания. И здесь следует обратить внимание на место Гермеса в интеллектуальной жизни Средневековья.

Средневековая мистическая и философская мысль увидела в Гермесе идеальный образ ученого-мыслителя, владеющего тайнами египетских мистерий и вавилонской жреческой мудрости. Согласно герметической и розенкрейцеровской философии, в них сконцентрировался весь гигантский опыт эзотерического знания древних цивилизаций, а Имаго (образ) самого Гермеса, реинтерпретированное в различных гностических, неоплатонических концепциях, стало органической частью средневековой христианской метафизики и психологии. Психе и Логос Гермеса – это неисчерпаемая философская тайна не только для ряда античных мыслителей, средневековых алхимиков и мистиков, подготовивших почву для последующего обособления герменевтического знания в качестве особого искусства толкования мысли, «мышления о мышлении». В природе Гермеса они увидели нечто большее, чем просто мифологическое посредничество между богами и людьми или его дар прояснения божественного языка.

Самое первое упоминание о Гермесе Трисмегисте (Меркурии) мы находим в трактате Цицерона «О природе богов», где сообщается, что в истории античности было пять Меркуриев, и Меркурий, которому поклоняются фенеты (жители города Фенея в Аркадии), как говорят, убил Аргуса, по этой причине бежал в Египет и сообщил египтянам законы и письменность. Египтяне называют Гермеса Тотом, и так же называется у них первый месяц в году. В работах св. Августина Гермес Трисмегист известен как весьма древний автор ряда «герметических» произведений, в подлинности которых не сомневались и такие представители ранней Еκκλησιαστικой Πατέρες, как Василий Блаженный, Амвросий Медиоланский, Григорий Богослов. Климент

Александрийский упоминает 36 книг Гермеса, заключающих в себе всю египетскую философию из которых, 6 книг по медицине, две книги с музыкой и гимнами, и 4 книги Гермеса о звездах.

Мы видим, что жизнь Гермеса в культурной памяти народов выходит далеко за границы его присутствия в экзегетических поисках теологов и мелькания в бесконечных критических чтениях филологов-классиков XIX столетия.

Так, в культурологической ветви психоанализа образ Гермеса фигурирует как универсальный культурный символ духовного исцеления. Он – мифологический образец, настоящий факел на пути самопознания и самоактуализации личности. Здесь мы вновь обращаемся к мифологическим аллюзиям психоанализа и психоаналитической интерпретации культуры.

В книге «Исцеляющий вымысел» известный психоаналитик, один из видных учеников К. Юнга Дж. Хиллман писал: «Юнговский способ изложения психоаналитических работ находился под покровительством Гермеса в нескольких отношениях: интерес к пограничным состояниям психики, внимательное отношение к алхимическим тайнам психики и герменевтическое исследование границ психологии. Более того само творчество Юнга имеет герменевтический смысл»². Оно и понятно: поиск душевных, ментальных проблем личности в архетипическом психоанализе – это глубинная герменевтика психогенеза в таких измерениях, как, например, динамика индивидуальных психологических символов, стадии психической индивидуации, скрытые под гигантским бессознательным и сознательным опытом человека, юнгианский анализ сновидений и т.д. С точки зрения самого К.Г. Юнга, впервые использовавшего термин «герменевтика» в его междисциплинарном значении, сущность герменевтики заключается в нанизывании на данную символом аналогию субъективных аналогий, приходящих пациенту на ум в процессе аналитического сеанса, а затем объективных аналогий, которые аналитик черпает из сокровищницы приобретенных им знаний. Тем самым психоаналитический дискурс обращается к онтологической реконструкции субъективности. Но следует отметить, что психоанализ идет к онтологии субъективности путем критики сознания: «интерпретации снов, фантазмов, мифов, символов, какие предлагает психоанализ, суть своего рода оспаривание претензий сознания быть источником смысла»³. Психоанализ говорит об «утраченных объектах, которые надлежит оты-

скасть символически»⁴, это, на наш взгляд, является условием для создания герменевтики, освобожденной от предрассудков Его, где проблематика рефлексии преодолевается в проблематике существования.

Таким образом, психоаналитик в терапевтической деятельности совершает эпистрофос, то есть интеллектуальное возвращение к образу бога толкования: он интерпретирует сновидения и индивидуальные вытесненные переживания личности с помощью особой речевой технологии (у З. Фрейда – гипноз и катартический метод, а у К. Юнга – словесно-ассоциативный анализ), а затем вторично подвергает анализу полученный текст с помощью объективных научных знаний о психике.

Видные представители психоаналитической герменевтики А. Лоренцер, Ю. Хабермас, П. Рикер и ряд практикующих аналитиков считают, что психоанализ является интерпретационной дисциплиной и включает в себя систему инструментальных технических приемов, позволяющих раскрывать глубинные связи и структурные отношения, лежащие в основе бессознательно-го мышления и поведения человека.

Психоаналитическая интерпретация – движение от скрытого к явному, перевод с языка бессознательного на язык сознания, выведение говора вытесненных влечений, некий психический катарсис. Заметим еще раз, что психоаналитический подход к изучению психических феноменов был назван учителем Зигмунда Фрейда, известным австрийским психиатром начала XX века Иозефом Брейером «катартическим методом». Психоаналитическая философия, таким образом, – это герменевтика сознательных и бессознательных сторон социокультурного бытия человека, способ толкования духовного мира. Психоаналитическая рефлексия рассматривает мысли как чистые потенции трансформации в образы, а они, в свою очередь, описываемы словами. То, что скрывает символ, и то, что стоит за образной систематикой сновидений – вот конечная цель психоаналитической герменевтики бессознательных структур психической реальности. В этом смысле герменевтика классического психоанализа во многом преемственна к философским идеям немецкого мыслителя XIX века В. Дильтея относительно природы понимания. Согласно философу, глубочайшим способом проникновения в смысл самого человеческого существования, понимания его экзистенции является интуиция. Интуиция – это

тончайший и неподвластный рассудку язык жизни, сакральная близость мира и человека, фундаментальная возможность личности схватывать Бытие.

Таким образом, видно, что Бог ума и речи Меркурий-Трисмегист играет особую роль в процессе воссоздания цельности личности. В психоаналитической практике, а точнее – в теории личности архетипического психоанализа, высшей целью становления субъективной реальности и психической интеграции является достижение Самости, внутреннего психического баланса между архетипическим и сознательным. Известно, что в сновидениях многих людей, а также в мифологии и фольклоре всех народов мира нередко встречаются архетипические образы разума-помощника, проводника в неведомые и забытые сферы внутреннего мира. Они, как это легко заметить, относятся к архетипу бога разума. Умирает человек телесно – Гермес уводит его душу в царство смерти, умирает человек символически, становится на путь самопознания, отчуждая от себя все то, что было до сих пор привычным, принималось им как свое назначение – он и здесь рядом с ним. Тьма космической смерти как будто видна в легком полете этого вечно юного бога, но он, вечно возрождающееся в разных эпохах дитя Просвещения, побеждает забвение пробуждением в сердцах людей желания к познанию. А дитя, как писал в своем бессмертном «Так говорил Заратустра» Фридрих Ницше, «...есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения»⁵.

Вспомним Сизифа. Он – сын бога, повелителя всех ветров Эола в древнегреческой мифологии. Говорят, что и тогда, когда мрачный Танатос пришел к нему, чтобы забрать его в печальное царство Аида, Сизиф обманул смерть и заковал его в оковы. И Сизиф, и Гермес – порождение греческой аполлонической и дионисийской духовности, агональности, то есть внутреннего противоборства рационального и иррационального в эллинском культурном космосе. Гермес славится знанием дорог, путей, тропинок, он знает, куда они могут привести. Он несет свет божественного разума людям, он сам этот Разум, находящийся в постоянном поиске и сомнениях на пути к пониманию. В этом же и заключается его же трагический обман: Гермес убеждает нас в том, что только разум, и только он приносит человеку истину и делает его свободным. По этому поводу уместно обратиться

к платонической традиции понимания герменевтической сущности поэзии и философии.

Платон в диалоге «Ион» пишет, что истолкователями богов являются поэты. Великий мыслитель в свои юные годы очень сильно увлекался поэзией, и, естественно, после встречи с Сократом и последующего раскрытия своего незаурядного философского таланта он всегда стремился к максимальному сближению поэзиса и того «искусства разума и поиска истины», названного им Философией, Любовью к Высшей Мудрости. Лишь поэзия, согласно мыслителю, высвобождает творческую природу человека, подобную божественному промыслу и поэтому становящуюся вечной и до конца непостижимой. Сама философия поэтизирует о загадках бытия, оно первопоэтично в своем вопрошании о нем. Поэзия – это язык богов, проясняемый поэтом через его понимание и высвобождение в нашем человеческом языке. При этом происходит само-открытие личности как одновременно познающего и творящего существа. Поэты – первые творцы единой картины бытия, в которой сущее раскрывается в мифологическом охвате созерцаемого, чувственного, «мир как представление», говоря на языке А. Шопенгауэра. Традиция понимания самой герменевтики как единства интеллектуального и художественного творчества впервые была заложена выдающимися древнегреческими поэтами Пиндаром и Эсхиллом. Они называли толкователей эпических текстов «Илиады» «герменевтиками». По сути, это были первые профессиональные учителя, воспитатели и одновременно профессиональные комментаторы древних текстов, мифопоэтического наследия. Необходимость в подобном профессиональном истолковании была обусловлена тем, что произведения Гомера сочетали в себе сразу несколько аспектов, трудных для восприятия непосвященных или мало образованных людей. Но Платон отдалил герменевтику от ограниченной и замкнутой техники интерпретации художественных текстов, связав воедино миф и логос в структуре нового, сократического способа философствования – диалога.

Начиная с платонической философии, определившей герменевтику как «художественную реинтерпретацию божественного логоса», сама герменевтика еще больше отдаляется от сугубо технологической экстра-текстуальной функциональности, приближаясь к своей будущей эссенциальности – Гермenevтика становится не пост-дискурсом, а автономным и с методологической

и с дисциплинарной точек зрения дискурсом. Она приводит к появлению общей проблематики понимания. На наш взгляд, самым важным аспектом генезиса философской герменевтики стало то, что она устанавливала всеобщий исторический детерминизм между пониманием и интерпретацией. Та или иная интерпретация, какой бы она не была системно организованной, первичной, никогда не формируется без инкорпорации во все стадии «герменевтического круга» уже имеющихся в арсенале исторического бытия универсальных способов, средств, приемов понимания, приобретающих, если воспользоваться выражением В. Гегеля, «квинтэссенцию своего времени». Речь идет о мифе, аллегории, метафорах, аналогиях, символах.

Об этой связи интерпретации, взятой в строгом смысле как толкование текста, с пониманием, трактуемым в широком смысле как постижение знаков, свидетельствует одно из традиционных значений самого слова «герменевтика», которое восходит еще к Аристотелю, к его труду «Об истолковании». Аристотель закрепляет за *hermenéia* статус когнитивного и рефлексивного характера, фактически превращая его в означиваемый дискурс.

Понимание и самопонимание, как это можно увидеть на примере герменевтической культурологии психоанализа, ставятся в ряд важнейших общегерменевтических задач, причем возможность их осуществления во многом опосредована знаком, текстом, символом, метафорой. Понимание, согласно современному французскому философу П. Рикеру, это способность производить в себе работу структуризации текста, а объяснение – операция второго порядка, которая срастается с пониманием. Это – прояснение кодов написанного, произнесенного. Итак, понимание – это деятельность, которая протекает в мышлении субъекта, и оно представляет собой нахождение различных уровней прочтения текста, его вторичную сигнификацию. То есть это поиск направлений и смысловых узлов текста, путь реципиента от структуризации к освоению авторского замысла. Этот путь от начала до конца сопровождаем мифо-логосом самого Гермеса.

Классическое аттическое изображение Гермеса... Каково оно? Мы видим бога, воплотившегося в прекрасно сложенное человеческое тело, молодого, более того – вечно юного бога с жезлом-кадуцеем в одной руке, а в другой – белый свиток с божественными письменами. Гермес истолковывает устную или письменно фиксированную речь небожителей, он одновремен-

но философ и поэт, ученый и мудрец, архетип абсолютного познания. Понимание в деле Гермеса – это взаимопонимание, взаимодоговаривание между людьми и богами. Понимание в свете герменевтического искусства – это то, что делает знание частью нашей внутренней культуры, предполагая при этом диалогичность его как процесса. В диалоге мы переплетаемся с языком: мы чувствуем, как бьется сердце языка, и как слова, выстраивающиеся в цельные предложения, соединяют нас, людей, узами сталкивающихся мыслей. Интертекстуальный диалог, в котором происходит встреча не только проясняемых структур текста, но и различных субъективных реальностей – вот где протекает процесс, который принято называть в классической герменевтике «герменевтическим кругом».

Предпонимание – вживание в «ткань» текста, системы позиции – понимание – конечная интерпретация – таковы основные звенья герменевтической цепочки, в которой понимание – это предельно всестороннее освоение того или иного содержания текста или речи. Интерпретация в герменевтике направлена на раскрытие смысла текста как сообщения, а в семиотике как науке о знаковой природе культуры – на расшифровку кода. В герменевтических концепциях К. Ясперса и Г. Гадамера интерпретация получает статус категориальности, а понимание переносится в область онтологии, а именно – онтологии культуры. Интерпретации порождают не только определенные границы понимания, но и значительно раздвигают горизонты, если можно так выразиться, экстатизируемой реальности, создавая при этом условия «инаковости» текста. Каждый герменевтический круг оставляет след, составляющий опыт предпонимания. Шаги Гермеса в рефлексии философа никогда не остаются незамеченными. Бог разума и понимания всегда рядом с тем, кто в вечном пути к Истине и Высшей Мудрости.

Древние эллины, странствуя по горным тропам, козьим тропинкам, мало исхоженным дорогам, часто оставляли на их обочинах всякие яства, чтобы уставший путник, который мог бы отправиться по тому же пути, смог утолить свой голод. Каждый, кто клал еду, оставлял и небольшой камень на этом месте, и возникающая при этом куча камней могла указывать, что странник не сбился с намеченного пути. Так возникали гермы. Но существует еще более интересная история, согласно которой гермы обозначали границы участка, определенной территории, а что

еще более необычно – гермы ставились на местах, где люди погибали внезапно по необъяснимым причинам, оставаясь вдали от родных мест, дома.

В первом, вышеуказанном случае можно предположить, что путник после трапезы благодарил бога и продолжал далее свое странствие. Спустя некоторое время подобные кучи становились многочисленными, и могли попадаться путникам сотнями, сложенными из еще большего количества камней. И поэтому гермы получили уже другое название – гермайон, место, где обитает сам дух Гермеса, покровителя дорог и путей. Так и в самой герменевтике: первый проект интерпретации текста на пути к его пониманию – это тот уровень истолкования, в котором диада «Гермес + Интерпретатор» входит в пространство текста. Первичное истолкование философского, научного, архивного, исторического текста – это культурный набросок его смысла, который, безусловно, носит конверсивный характер. Это во многом предвидение текста, при котором необходим пересмотр, ревизия понятого. Следующие проективные модели понимания намного ослабляют силу отчужденности текста. Тогда многие предрассудки, ошибки и заблуждения подвергаются переосмыслению при условии, если интерпретирующий погружается во все структуры текста, его культурные предпосылки, дух времени созданного нарратива, биографию и авторскую психологию. Ход герменевтического дискурса, как это видно из традиции герменевтической философии, во многом трансисторичен.

Внутренняя логика генезиса герменевтики как искусства, а не техники понимания и интерпретации, ее вовлеченность в онтологию субъективной реальности в культуре порождает в ней качество универсальности, что особо ярко прослеживается в работах одного из основоположников современной герменевтики Г.-Г. Гадамера. Понимание, согласно мыслителю, обуславливает уровень нашей общей культуры, вне понимания не существует самого человека как культурного существа. *Zoon Hermenevtikon* – так можно тогда называть человека в его родовом, культурном значении, подразумевая под этим его изначальную бытийную нацеленность на истолкование всего существующего и созидаемого им. В таком ракурсе анализа герменевтической культуры мышления не следует забывать о том, что диалог и в божественном искусстве самого Гермеса, и в чисто герменевтическом дискурсе – это фундаментальный способ со-бытия рационально-

логического и иррационального во всех историко-культурных процессах. Этот диалог – время прочтения Гермесом людям божественных посланий, их истолкования, момент мысленного единства богов и людей.

Это со-бытие, в котором всегда сохраняются горизонты культурного бытия прошлого. Известный американский мыслитель Людвиг Витгенштейн в работе «Логико-философский трактат» писал о том, что в со-бытии объекты сцеплены друг с другом, как звенья в цепи. В со-бытии объекты определенным образом соотносятся друг с другом. Мир – целокупность существующих со-бытий. Герменевтический диалог протекает как на уровне коммуникации с интерпретируемым, так и в конечной, ретрансляционной деятельности интерпретатора. Диалог поэтому всегда предполагает со-бытие в здесь-ситуативном срезе, в котором понимание как таковое происходит только через язык, он и определяет постановку всех герменевтических проблем. Понимание – это путь мышления от простого присвоения знания к осознанию полноты (то есть окружению его сознанием, его актами) смыслового бытия объекта.

Так Сократ вел своих собеседников к философии, истине и мудрости, и в диалоге каждый мог найти свой путь к ним или приобщиться к их миру. Диалектика, способ существования самой диалогичности спора, а майевтика – это удивительное искусство рождения нового знания, и конечная его герменевтика – вот те тропы, по которым Сократ вел людей к истине. Позже в «Метафизике» Аристотеля герменевтическое мышление получило статус категориальности, а референции понимания становились частью онтологического. Не далека и та эпоха, когда пространство разума, открывшееся светлому гению греческого народа, сменил другой тип мышления. Гермес, его быстрота ума, стремительность, обращенность к Природе останутся позади. «Весна средневековья», которая принесла засилье схоластической мысли, подарило другое ремесло мыслителям и богословам. Оно зовется экзегетикой, теологической техникой интерпретации Священного Писания, техника весьма строгая, каноничная, не терпящая никаких отступлений. Вся истина мироздания заключена в Библии, и поэтому только экзегеза библейских текстов является «божественнейшей наукой» (см. «Сумма против язычников» Фомы Аквинского). Спустя несколько столетий история порождает феномен философского скепсиса: на небосклоне ев-

ропейской культуры появляются Бенедикт Спиноза и Вольтер, философия культуры которых стала прологом собственно филологической герменевтики, опять воссоединившейся с поэзисом и критикой социальной реальности.

Художественное воображение, неповторимый духовный мир личности, этнические традиции, произведения поэта или мыслителя, развитие эстетического сознания – вот некоторые разрозненные факты культуры, сквозь которые всегда должен проходить дух Гермеса, для того чтобы почувствовать единую ткань культуры, ее внутреннюю ценностную однородность и определить место человека в ней как существа понимающего и созидającego. Стало быть, понимание и самопонимание – это основные элементы существования человеческого сознания. Герменевтическая культура позволяет человеку постигать не только собственные духовные возможности, но и создает дополнительные научные возможности реконструирования исторического опыта.

Таким образом, философский Гермес – это бог, совершивший эпистрофос, то есть вернувшийся к нам и ставший теперь путником между текстом и мыслителем. Философ, видящий все глобальное пространство исторического развития как поле неугасимого юношеского порыва разума к метафизическим основаниям сущего, всегда пытается понять то, что творит Гермес, становясь, таким образом, его Апостолом. Гермес в мифе похищает трезубец Посейдона, эгиду самого Зевса... Этот бог – вор, трагический символ Разума, вор, совершающий «преступления» во имя Истины.

Примечания

1. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. С. 171.
2. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб.: БСК, 1997. С. 46–47
3. Там же.
4. Там же.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 66.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

УДК – 398:94(=352.3)

Ф.А. Озова
(г. Черкесск)

МУХАДЖИРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЧЕРКЕСОВ*

Фольклор хранит этническую информацию на уровне темы, идеи, стиля. В отдельных случаях он выступает и как структурный элемент этнической информации. Важнейшей частью фольклора черкесов, истоки которого прослеживаются с мифо-эпических времен, являются историко-героические песни. Они наиболее полно и верно отражают отличительные свойства народного характера и имеют значение исторического документа¹. Именно благодаря историческим песням в Черкесии на протяжении веков сохранялся огромный пласт исторической информации. Фольклорно-эпическая традиция продолжает и поныне оставаться важным этноконсолидирующим фактором черкесской нации.

Известно, что у черкесов были профессиональные барды – *geguako/джэгуаклуэ* (черк.). Они занимали в обществе уникальное место, пользовались не только всеобщим уважением, но и обладали статусом неприкосновенности². Подобно кельтским друидам *geguako* выступали хранителями легенд, обычаев, истории и законов народа³. Сохраняя через песенную традицию историю народа, они создавали новые произведения о важных событиях и героях. Знание исторических песен являлось для каждого дворянина неременной необходимостью⁴. В период Кавказской войны, когда институт *geguako* практически был уничтожен, многие песни стали слагаться обычными людьми,

* Статья является расширенным текстом доклада // Конференция «Черкесский вопрос: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии». Москва. МГИМО. 24 марта 2011 г.

пытавшимися через творчество выразить свою боль от переживаемых драматических событий.

Не могло не отразиться в песнях народа такое событие в его истории как мухаджирство* – массовая депортация с исторической родины. Эта тема нашла отражение в одном из видов историко-героических песен черкесов – «гъыбзэ»⁵. По определению А.-Г. Кешева гъыбзэ – скорбная песнь-воспоминание о каком либо бедствии, постигшем весь народ, часть его или отдельного человека⁶. В переводе на русский язык слово «гъыбзэ» обнаруживает вариативность толкования: язык плача, плачевная песнь, песнь-плач. Песни-плачи появились в народном творчестве в XV в. Скорее всего, они были связаны с османской экспансией в Черкесию, оккупацией части ее причерноморских территорий в последней четверти указанного столетия⁷. Черкесский историк-этнограф XIX в. Хан-Гирей писал, что «...плачевные песни имеют собственный характер, отличаясь вообще таким печальным напевом, так что, слушая их, невольно чувствуешь какую-то тоску и сильное соболезнование к людям, которых не знаешь»⁸.

Существует огромное количество документов, раскрывающих трагедию мухаджирства. Но историко-героические песни 1860–1900-х гг. незаменимы при воссоздании духа эпохи, внутреннего мира человека того времени, его мировосприятия. Песни доносят до нас живое дыхание времени, позволяют увидеть события тех далеких лет как бы изнутри, глазами жертв беспрецедентной трагедии мухаджирства.

Одна из песен мухаджиров была издана впервые в 1896 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Она была записана в г. Зугдиди Кутаисской губернии со слов старика-армянина Меликома Петросова Келикиана, долгое время (1840–1864 гг.) жившего среди черкесов⁹.

В силу известных идеологических причин тема Кавказской войны и ее трагические последствия в советский период замал-

* Термин «мухаджирство» (араб. «мухъэджыр» – переселенец, эмигрант), употребляемый в советской и российской историографии, по своей семантике не вполне отвечает вкладываемому в него понятию, так как имеет смысловой оттенок добровольности переселения или эмиграции. Наиболее соответствующий термин – «тахъджыр» – выселение, вынужденное переселение [Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора. История и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала, 2001. С. 4]. Полагаем, что он правомерно будет востребован в будущем универсальном исследовании, которого ждет трагедия черкесов. Мы же, следуя традиции, придерживаемся термина «мухаджирство».

чивались и не были официально представлены практически нигде. Это, в первую очередь, касалось исторических фактов и исследований по ним. Многие же старые песни хранились устно в народе. Впрочем, насколько нам известно, было одно исключение из этого правила в 60–е гг. прошлого века. Тогда на радио Карачаево-Черкесской автономной области было записано несколько куплетов одной из самых мощных по эмоциональной силе воздействия на слушателей исторических песен о черкесском исходе в Османскую империю – «Дорога в Стамбул» в исполнении народного певца Рамазана Даурова (1962 г.)¹⁰. С тех пор она стала исполняться на радио, затем – на телевидении, а также – концертах не только в Карачаево-Черкесии, но и в Адыгее и Кабардино-Балкарии.

В 1967 г. в г. Нальчике в ходе фольклорной экспедиции З.П. Кардангушев записал гыбзэ «Сетования уезжающих в Стамбул». Она была посвящена последней массовой эмиграции кабардинцев в Турцию во главе с Таусултаном Анзоровым (1905–1906). Впервые была опубликована в 1990 г.¹¹

Фольклорно-этнографические экспедиции в Турцию в последние годы дали возможность собрать уникальные тексты и вернуть черкесам Кавказа, как множество старых песен, так и новые варианты бытовавших здесь текстов. Историко-героические песни-плачи о Кавказской войне и об изгнании составляли большую часть зафиксированных текстов. Эти экспедиции показали: фольклор диаспоры – это живой организм, пока еще менее чем в черкесской метрополии подверженный инокультурному влиянию. Фольклорные тексты, бытующие у старшего и среднего поколения, представляют собой первичный пласт, усвоенный по традиционной модели устной передачи – от старших – младшим, по трансляционным каналам типа хьэщIэщ (гостевая), джэгу (игрище), жэщ дэс (обряд проводывания больного), щIыхьэху (обряд взаимопомощи соседей)¹².

Необходимо отметить высокий уровень аутентичности сохранившихся текстов. Это связано, прежде всего, с особенностями черкесского языка. Как отмечал писатель XIX в. А.-Г. Кешев, краткая выразительность стиха песен была обусловлена духом черкесского языка. Стих состоял большей частью из 2–3 слов и как бы отлит наподобие изречения, пословицы, что способствовало его быстрому и прочному запоминанию. Благодаря широко применявшимся в черкесской народной поэзии приемам,

таким как аллитерация и тоническое стихосложение (предыдущая рифма находится в созвучии с последующей), тексты песен достаточно точно сохранились в тех размерах и в тех словах, как были сложены изначально¹³.

На сегодняшний день опубликовано более десятка песен о трагедии депортации черкесов с Кавказа, среди них – «Песня о выселении горцев в 1864 г.», «Дорога в Стамбул» (несколько вариантов), «Песня адыгов, покидающих Родину» (2 варианта); «Покидаем Родину»; «Гыбза (гыбзэ) мухаджиров»; «Хажретская песня о переселившихся в Турцию», «Сетования уезжающих в Стамбул»; «Адыгский стяг»; «Исход в Стамбул»; «Песня о Карсе»; «Давайте вернемся на родину»¹⁴.

В этих песнях отражены ключевые для понимания проблемы мухаджирства темы. Интересно, что черкесский фольклор указывал, что сама идея выселения черкесов с Родины за море возникла в России, олицетворением которой в песне выступают солдат, казак. В песне «Приход русских» говорится: «среди мусульман ты забросил мысль о переселении за море»¹⁵.

Один из доминирующих образов – это образ утрачиваемой родины. В песне «Исход в Стамбул» поется:

Наши корни, харайда,
К Кавказу великому восходили.

Здесь же:

По лучшей из земель, си уарайда,
Наши адыги ходили.

В песне «Адыгский стяг» отразился образ единой родины:

Нашу родину единую, о горе,
Оставив за спиной,
О, едем, едем,
В Стамбул переселяемся¹⁶.

Символами единой родины предстают в этой песне черкесский стяг и национальный костюм:

О, адыгский костюм, о горе,
Золотом осыпан,
Эта рассыпавшаяся родина

Нам сердце разбила
О, едем, едем.
В Стамбул уезжаем, о горе¹⁷.

«Песня адыгов, покидающих родину» представляет уже другой образ родины – родина превратилась в пустыню.

Ор', давайте же жить, кому пустыня <стала> жильем...
Давайте же воевать, у кого воевать <стало> в обычае¹⁸!

Удивительно, что образ Черкесии как пустыни и самоотверженный героизм ее защитников нашли отклик в военных мемуарах многих русских офицеров и солдат, воевавших в 1860-е гг. на Кавказе¹⁹. Так, один из очевидцев писал: «...Западный Кавказ был обращен в безмолвную дикую пустыню. Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил»²⁰.

Другая проблема, которая нашла свое отражение в этих песнях – причины выселения. Вот как это проступает в сборнике «Адыгские песни времен Кавказской войны». «Гыбза мухаджиров» определяет несколько причин исхода. В первую очередь – это военная экспансия царских войск:

Великие князья российские на Кавказ зарятся,
Мужеством это считая, войной на нас идут...
Какое несчастье – исход за море,
Несчастье, выпавшее на нас, душу нам гложет
Тех, кто нам это устроил, – сотня миллионов.
Тех, кому устроили, – одной горсти нет²¹.

В фольклоре зафиксировалось, что трагедия народа была вызвана военно-колониальной политикой царизма, сопровождавшейся истреблением селений, аннексией земель, уничтожением системы жизнеобеспечения народа (угон скота, вытравливание полей, уничтожение запасов продовольствия и фуража, приведение в негодность источников воды, экономическая блокада), насильственным выселением из обжитых веками земель. Тема насилия звучит в этих песнях рефреном. Как писал Л.Г. Лопатин:

тинский, анализируя черкесские исторические песни, «главным образом черкеса побуждает взяться за оружие стеснение в пользовании землею – отнятие у черкесов не только плоскости, но и горной полосы»²².

<С тех мест>, где мы жили, харайда,
Изгоняют нас силой...²³
С родины, о горе, увозят нас,
кровавые слезы проливающих...²⁴

Или:

Ор, в день, когда казаки поганные у нас отбирают
Землю, которую мы всю жизнь обживали,
И лошадей, которых мы всю жизнь разводили,
С газаватом давайте погибнем²⁵!

Или:

Русские нас притеснили:
Душ пятьсот погибло!
Евдокимов генерал
Нас бедных нас окружил!
Абадзехи возвратились (пришли),
Русским глаза вытравили (наперекор).
Подобной битвы никогда я не видел;
Михаил пришел с войском:
Наше дело в упадок пришло;
Пойдем, пойдем в Стамбул,
Султана Меджида низам²⁶!

Другая причина войны и выселения просматривается в песне «Исход в Стамбул», где порядок, существовавший в черкесском обществе (<Наши>суды добрые, харайда) противопоставляется завоевательной политике царизма.

Те, кто обычаи устанавливает, харайда,
На три стороны расселяются,
Жерди гнутые, харайда,
На границах наших земель втыкают. <...>
Когда выступали против них, харайда,
Всему краю угроза возникла²⁷.

В отдельных песнях («Покидаем Родину»; «Гыбза (гыьбзэ) мухаджиров»; «Сетования уезжающих в Стамбул») в лице неких

Андзорова, Пшиунова Кази, Машуко Гузера, «Хаяювых хаджи старого» показана та неприглядная роль, которую сыграли некоторые черкесские феодалы и «священнослужители» в депортации народа.

Мужчины, продажные |среди нас| – какие ненасытные,
Со скотскими рылами, <они> продают наши земли.

Припев

Недоученные муллы наши проповеди ложные читают,
Твердя, что для нас стараются, вред нам приносят.

Припев

Лицемеры наши, о горе, строят из себя святош,
Прикрываясь Божьим именем, вконец нас разоряют²⁸.

Как известно, выселение черкесов в Османскую империю осуществлялось только морским путем из портов: Тамань, Анапа, Константиновский, Новороссийск, Туапсе, Сочи, Адлер, Хоста. В опубликованных по этой теме исследованиях число изгнанников колеблется от 500 000 до 2 750 000. Депортация с первых же дней сопровождалась массовой гибелью людей. Число погибших в ходе переселения составило порядка полумиллиона человек²⁹. Морская дорога с Кавказа в порты Османской империи, полная чрезвычайных лишений, занимала в лучшем случае (на пароходе) 3–4 дня³⁰. В фольклоре она стала синонимом величайшего несчастья, горя. Чаще всего к ней применялся эпитет «проклятая»³¹. Те, кто отправлялся в нее, уже оплакивались на родине.

Наши отцы-матери старые (ya) нас живых оплакивают.
Нас, себя оплакивающих, с родины увозят.
На родине, что мы покидаем, люди нас оплакивают (жи),
Рыдающих, нас к кораблю подвозят³².

Можно сказать, что изгнание с родины было для черкеса смерти подобно, т.к. согласно морально-правовому кодексу Адыгэ Хабзэ, по которому Черкесия жила долгие века, остракизм применялся к правонарушителям, достойным смертной казни³³. Писатель, В.И. Немирович-Данченко, основываясь на свидетельствах очевидцев этих событий, отмечал: «Жить вдали от родины казалось горцам хуже самой смерти. Когда, во время

последующих выселений, горцы сходились к устьям рек, то в их нестройных, обезумевших от горя, молчаливых толпах почти во все не было женщин и детей. Оказалось, что во время этого истребительно-поступательного шествия русских войск развернутым фронтом они вымерли от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Умирали от голода, замерзали, сходили с ума толпами. Находили сотни совершенно одичавших людей»³⁴. Генерал Р.А. Фадеев в своих «Письмах с Кавказа» отмечал, что генерал Евдокимов сказал как-то ему: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве Великий князь и я этого не знаем?»³⁵. Чрезвычайным трагизмом полны описания морского пути в песне «Гыбза мухаджиров».

Наши доски с мертвецами, к спинам привязанные,
Отобрать <и выбросить в море> грозя, нас стращают.
Волны суровые бьются о брюхо корабля,
Погибшие рыбы бьются по бокам <корабля>³⁶.

«Наши доски...» – этот образ был рожден реалиями и был связан с традицией никогда не оставлять тела своих соотечественников без погребения. Известно, что даже с поля брани, рискуя жизнью, черкесы забирали тела погибших³⁷. Во время плавания изгнанники не хотели бросать в море тела умерших, как того требовали перевозчики. «Чтобы трупы не были выброшены насильно, некоторые привязывали их себе на спину. А, в крайнем случае, укрепляли на доске, чтобы тело не утонуло, и спускали на воду, надеясь, что когда-нибудь его прибьет к берегу и кто-нибудь похоронит его в земле»³⁸. До сих пор многие из черкесов не едят рыбу, выловленную в Черном море.

Другой образ, нашедший отражение в этих песнях – это образ чужбины – «страны несчастья». Она неприветлива, ее символы – холодная зима, свист ветра, бесплодные земли, на которые были поселены черкесы после ада в лагерях беженцев. Историк Н. Бэрзедж пишет: «Земли Чаршамбы, Бафры, Чукурова ныне считаются самыми плодородными в Анатолии. Покоящиеся в этой земле останки погибших черкесов – страшное свидетельство непомерной цены этого плодородия...»³⁹.

Многое на чужбине было трагично, непривычно. Однако черкесы понимают, что они здесь только лишь вынужденные переселенцы – «Мы ведь мухажеры»⁴⁰. Больше всего их, даже в

эти трагические дни, беспокоит внутреннее состояние их этнической общности. На родине они боролись, исповедуя, что честь дороже жизни, на чужбине они остерегаются потерять нравственные устои, веками питавшиеся канонами Адыгэ Хабзэ.

О, не ведающие этикета,
<Наш> народ разлагают⁴¹.

«Хажретская песня о переселившихся в Турцию» предостерегала соотечественников от выселения с Кавказа, указывая на страдания и невзгоды уехавших⁴².

Трагизм в этих песнях подчеркивается некоторыми скупыми штрихами, которые говорят о том, что в жизни черкесов-изгнанников не осталось места для простых человеческих радостей.

А, мое ружье грозное, о горе,
В грудь мою попадает.
Ту, что в сердце мое запала,
На родине милой оставив,
О, едем, едем,
В Стамбул уезжаем, о горе⁴³.

Однако, несмотря на, казалось, безысходность положения, магистральной нитью через эти фольклорные тексты проходит идея о воссоединении народа.

Адыгский стяг, о горе,
На ветру развеивается,
Самим Аллахом великим
Пусть нас, <развеянных> воссоединит...
(«Адыгский стяг»)

Аллах единый да принесет нас друг к другу...
(«Покидаем родину»)⁴⁴

Песня «Давайте вернемся на родину» призывает:

На нашу адыгскую родину давайте возвратимся,
На нашу адыгскую родину давайте возвратимся.
Наши сердца, наши души мы тебе жертвуем,
Наши сердца, наши души мы тебе жертвуем⁴⁵.

Таким образом, можно заключить, что в фольклоре черкесов тема мухаджирства занимает значительное место. Вызывает интерес то, что народ, переживая эту трагедию, указал на многие

причины, приведшие его к изгнанию из Отечества. Первое место в этом ряду занимают военно-колониальные методы завоевания Черкесии, которые были трансформированы в ходе последних лет войны в крупномасштабную политику целенаправленного насильственного изгнания с родных земель всего, в том числе и гражданского, населения Западной Черкесии; в чрезмерные требования к побежденной стороне.

В связи с разделенным положением черкесского народа мы сегодня не можем говорить о единой черкесской литературе. Однако можно утверждать, что в основе развития художественного литературного процесса, как в автономных образованиях на исконной территории, так и в диаспоре лежит единая фольклорно-эпическая традиция⁴⁶. Темы, отраженные в историко-героических песнях гъыбзэ нашли свое дальнейшее развитие в черкесской литературе. Осмысление темы мухаджирства – магистральная проблема десятков произведений писателей и поэтов черкесского происхождения, проживающих более чем в пятидесяти странах. Поэтому ограничусь тем, что выделяю те работы, в которых тема мухаджирства нашла свое наиболее яркое развитие.

Процесс художественного освоения проблемы мухаджирства происходил как через прозаические формы, такие как исторические романы, повести, поэмы, драматические произведения, так и через поэзию.

В творчестве А.П. Кешокова (1914–2001), народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького, лауреата Государственной премии СССР, Героя Социалистического труда, тема мухаджирства нашла отражение в романах «Сабля для эмира» (1981) «Корни» («Лъапсэ») (1991).

Событиям последних лет Кавказской войны посвящена повесть «Громовый гул» (1985) М.Ю. Лохвицкого (Аджук-Гирей) (1922–1989). Эта повесть стала результатом историко-художественного осмысления социально-политических, нравственно-культурных условий жизни шапсугов в период депортации 150-летней давности⁴⁷. На судьбе автора повести черкесская трагедия 1860-х гг. сказалась самым непосредственным образом. Дед М.Ю. Лохвицкого Закир Аджук-Гирей, черкес-шапсуг, будучи 12-летним мальчишкой, остался сиротой после гибели всех

родных при взятии и сожжении родного аула. Он был усыновлен в 1864 г. поручиком И.А. Пригарем и крещен в церкви Туапсе, получив имя Захарий, отчество и фамилию крестного отца штабс-капитана П.Д. Лохвицкого.

Талантливые произведения писателей Адыгеи Феликса Чужако «Сказания о железном волке» (1993) и Нальби Куека (1938–2007) «Черная гора» (1997) о событиях Кавказской войны, о том, как они находят отклик в современной жизни. В повести «Черная гора», как и во многих произведениях черкесской литературы, посвященных осмыслению событий Кавказской войны и мухаджирства, рефреном проходит мысль, что жизнь на чужбине бессмысленна: «Чужая земля, чужие люди, чужая жизнь...». Предпочтительнее остаться на Родине, даже на погибель, нежели жить в изгнании⁴⁸.

Первым драматическим произведением, посвященным мухаджирству, явилась трагедия З.А. Аксирова (1921–1995) «С восходом солнца» («Дыгъэр къыщыкъуэкӀым», 1963), выдержавшая несколько постановок в Кабардино-Балкарском республиканском театре им. А. Шогенцукова.

Из писателей диаспоры значительное внимание этой проблеме уделил Мухадин Кандур (Иордания), известный как писатель, режиссер, сценарист, продюсер. Недавно он был принят в Союз писателей Российской Федерации. Его перу принадлежат исторические романы: трилогия «Кавказ» (1995) и «Черкесы. Балканская история» (1995). Благодаря М. Кандуру, имеющему кинематографический опыт работы в Голливуде, тема мухаджирства прозвучала в кинематографе в полнометражном художественном фильме на черкесском языке «Черкес» (режиссер – М. Кандур, оператор-постановщик – Н. Трухин, 2010).

Необходимо выделить талантливого исторический роман потомка мухаджиров, уроженца Ливана, молодого писателя (род. в 1967 г.), автора многочисленных поэм, эссе, новелл, ответственного за литературную рубрику в нескольких французских журналах, лауреата ряда литературных премий, Александра Нажжара «Изгнанники Кавказа» (1995). Название романа говорит само за себя, он освещает события Кавказской войны и выселения черкесов за пределы Кавказа, их скитания на чужбине. Герои романа несчастны, потому что лишены своей Отчизны. Ключевая фигура романа – библиотекарь Кайсар, увлеченный разведением почтовых голубей, с болью заявляет, что его настоя-

щее никогда не было для него источником гордости, что он всегда был счастлив прошлым, в котором и не жил...⁴⁹.

Тема мухаджирства получила значительное развитие в поэмах и стихотворениях черкесских поэтов. Среди отечественных авторов – А. Шогенцуков, А. Шортанов, М. Бемурзов, А. Кешоков, А. Гадагатль, И. Машбаш, Б. Утижев, М. Нахушев, К. Дугужев, А. Аков, А. Ханфенов, Х. Бештоков, В. Абитов, Х. Абитов, Л. Балагова, Л. Губжоков, С. Хахов.

Творчество поэтов и писателей диаспоры и, в частности, их произведения, посвященные проблемам мухаджирства, проанализированы в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как Иззет Айдемир (Турция), Шаукет Хавжоко (Иордания), Озбек Батырай (Германия, Республика Адыгея), М. Хафицэ, А. Хакуашев, Л. Балагова, Х. Тимижев, Х. Баков, З. Бакова (Кабардино-Балкарская Республика), Л. Бекизова, Х. Хапсироков, М. Абдокова (Карачаево-Черкесская Республика)⁵⁰. В 1991 г. в г. Черкесске под патронажем Российской Академии наук на базе Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института была проведена международная конференция «Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения», внесшая заметный вклад, в частности, и в изучение художественного осмысления темы мухаджирства в литературе черкесских диаспор в различных странах мира⁵¹.

Переведены на черкесский и русский языки многие стихи зарубежных черкесских поэтов, подавляющая часть которых посвящена проблеме мухаджирства. Горечь чужбины, зов родины, мечта о возрождении черкесского народа – основные темы поэзии Мухарама Чурай (Турция), Пиче Гуноко (Турция), Исмаила Хана (Турция), Эргуна Бабыг (Турция), Мажды Хавжоко (США), Дурии Кардан (Турция), Яшара Баг (Турция), Жамала Апазао (Турция), Ишдат Чипа (Турция)⁵². Вот несколько характерных цитат.

Джэнк Авджы (Турция):

Кровь застыла в груди,
От Кавказской войны,
Невозможно забыть
Две жемчужных слезы⁵³.

Поэт Эргин Гунджер (Турция) задается вопросом:

Светает, тает полумесяц,
А думы об одном:
Неужто я убит Кавказскою войной? –
Рассвет молчит...⁵⁴

Прошли многие десятилетия, сменилось несколько поколений, но, несмотря на достаточно благополучную адаптацию черкесов за рубежом, потомки мухаджиров продолжают осознавать себя изгнанниками, иностранцами и даже чужаками:

Мухаджирство – большое несчастье,
Безъязыкость еще страшней.
Наша доля жить без участия
И страшиться речи своей...
Предки наши, лихие горцы,
Обитали в дивном краю
Нам чужбина – колодец соленый,
Не испить нам воды в раю...
Но во сне я Отчизну вижу,
И мечта моя там цветет.
Как осеннее небо, выжжена
Жизнь, что в землю слезами уйдет.
Вот и солнце уходит за горы,
Трепещу от холодного ветра.
И спасает меня от горя
Лишь стихов цветущая ветка...⁵⁵

Черкесы зарубежья, как и полтора столетия назад в гыьбзэ, ныне в своих стихах взывают к Всевышнему (Бабыг Эргун (Турция), «Последняя просьба»):

На чужбине рожденный,
Я умру от тоски.
Но адыгский народ,
Мой Аллах, сохрани⁵⁶!

Радостью и счастьем наполнены стихи Эльдара Цурмита, вернувшегося на историческую Родину:

Счастлив безмерно, вернувшись на Родину!
Я был мухаджиром, но словно в цепи закованным.
Вдыхаю твой воздух вольный, о, Родина!
И обращаюсь со словом к тебе, очарованный...
Адыгея, светлая моя Родина⁵⁷!

Работы российских и зарубежных черкесских литераторов, посвященные проблемам мухаджирства, часто печатаются в литературном журнале «Դաւթի Երկեր» («Эльбрус»). Над темой мухаджирства работают и публицисты. М. Хафицэ, автор документально-публицистических книг «Черкесы в Израиле» (1999), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Звезды бледнеют на чужбине» (на черк. яз) (2006), является учредителем и издателем газеты «Черкесское зарубежье».

Книга очерков и эссе «Вечные странники» (2002) писателя и журналиста Х. Кауфова посвящена трагическим последствиям Кавказской войны, истории черкесской диаспоры за рубежом и повествует о горячей любви потомков мухаджиров к родине своих отцов – Кавказу.

Асфар Куек издал свои путевые очерки «Дороги адыгов» (2005), посвященные адыгским диаспорам Турции и Иордании.

За последние годы на киностудии «Черкесия-фильм», основанной членом Союза кинематографистов РФ А. Нагаплевым, было снято два научно-популярных исторических фильма «Черкесия» (2007) (режиссер – Х. Дауров, операторы: М. Зенковский, В. Афанасьев), «Черкесия. Адыгэ Хабзэ» (2009) (режиссер – Ю. Нехай, оператор – А. Никанов) и документальный фильм «Черкесия. Чужбина» (2011) (режиссер – В. Микеладзе, оператор – А. Никанов).

Журналистская и кинематографическая публицистика, посвященная проблемам диаспоры, показывает, что черкесам, благодаря их ментальной толерантности, удалось успешно адаптироваться в чужих обществах, добиться уважения народов, среди которых они живут. Однако уже на протяжении полутора столетий им приходится прилагать неимоверные усилия для сохранения своей идентичности, языка и самобытной культуры. Об успехах этих усилий не приходится говорить...

Таким образом, можно сказать, что темы Кавказской войны и мухаджирства, горестной судьбы народа и думы о его будущем были и остаются актуальными для нескольких поколений черкесов как исторической родины, так и зарубежья. Тема мухаджирства, нашедшая свое отражение в черкесском фольклоре еще в 1860–1900 гг., в XX и XXI вв. продолжает оставаться одной из ключевых в черкесской литературе. Она осмыслена в творчестве значительного числа черкесских авторов XX в. Их произведения пронизаны страданием за трагическую судьбу своего народа, они

свидетельствуют, что отдаленные психологические последствия черкесской трагедии XIX в. по сей день продолжают терзать болью новые поколения черкесов: как потомков изгнанников, так и потомков тех, кто остался тогда на исторической Родине. И, несмотря на прошедшие полтора столетия, черкесы продолжают остро переживать расчлененность своего народа. Сегодня особенно отчетливо осознается, что один из древних народов мира как никогда близок к исчезновению в результате ассимиляционных процессов, как на родине, так и в диаспоре. Очевидно, что единственный путь сохранения этого этноса лежит через его воссоединение и возрождение на отчей земле Кавказа.

Примечания

1. Кешев А.-Г. (Каламбий). Характер адыгских песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX– начала XX века / Сост. и вступ. ст. А.И. Алиевой. Нальчик, 1979. С. 326; Тыркуем ис адыгэхэр. Ёрыуатэр // Фольклор адыгов Турции (на адыг. яз.). Майкоп, 2004. С. 16.
2. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 25–60.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977. С. 28.
4. Хан-Гирей С. Классификация адыгских народных песен // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / Сост. и вступ. ст. А.И. Алиевой. С. 321–322.
5. Помимо многочисленных гыбзэ известна и небольшая музыкальная композиция для национальной гармоник, называемая «Къафэ Чабакхан» («Чэбэхан и къафэ»). Ее перед выселением в Турцию сочинила и оставила своим соотечественникам бжедутская девушка Чабакхан. Она исполняется до сих пор и отличается высоким трагизмом звучания.
6. Кешев А.-Г. (Каламбий). Характер адыгских песен... С. 339.
7. Любопытно отметить, что жанр плачей существовал и в византийской литературе. Известны плачи в связи с захватом Константинополя и Византийской империи турками-османами в 1453 г. – История Византии // Гл. 13. Основные причины падения Византии и последствия турецкого завоевания. URL: (дата обращения: 15. 07. 2012).
8. Ашхотов Б.Г. Песня-плач в адыгском музыкальном фольклоре. К вопросу классификации жанров // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: материалы междунар. научно-теоретической конференции (28–31 октября 1997). Черкесск, 1999. С. 201; Хан-Гирей С. Классификация адыгских народных песен... С. 318–319.

9. Гроздов Хр. Абадзехский говор. 13. Песня о выселении горцев в 1864 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1896. Вып. 21. Отд. 2. С. 268–269.

10. Фонотека Государственной телерадиокомпании Карачаево-Черкесии. Исп. Р. Дауров, запись 29. 06. 1962 г. Обработка С. Сидакова.

11. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. Героические величальные и плачевные песни // Сост. В.Х. Баранунов, З.П. Кардангушев / Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1990. С. 440–441.

12. Тыркуем ис адыгэхэр. Юрыуатэр // Фольклор адыгов Турции (на черк. яз.)... С. 15.

13. Кешев А.-Г. Характер адыгских песен... С. 325, 332.

14. Гроздов Хр. Абадзехский говор. 13. Песня о выселении горцев в 1864 г. // СМОМПК. Вып. 21. С. 268; Адыгские песни времен Кавказской войны // Отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005. С. 347–354; 390–410; Тыркуем ис адыгэхэр. Юрыуатэр // Фольклор адыгов Турции... С. 121, 122, 125–138.

15. Тамбиев П.И. Адыгские тексты // СМОМПК. Вып. XXV. Тифлис, 1898. Отд. III. С. 62, 66.

16. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 402, 403.

17. Там же. С. 397, 398, 399.

18. Там же. С. 348.

19. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 247; Тхамокова И.Н. Военные мемуары об окончании Кавказской войны и выселении западных адыгов в Турцию // Мир культуры. Вып. I. Нальчик, 1990. С. 168, 169.

20. Служивый. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901. С. 125.

21. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 353.

22. Лопатинский Л.Г. Предисловие к адыгским песням, напечатанным в СМОМПК // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века. Нальчик, 1979. С. 356.

23. Там же. С. 403.

24. Там же. С. 394.

25. Там же. С. 348.

26. Гроздов Хр. Абадзехский говор. 13. Песня о выселении горцев в 1864 г. // СМОМПК. Вып. 21. С. 268.

27. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 402.

28. Там же. С. 353, 354.

29. Бэрэдж Н. Изгнания черкесов. Майкоп, 1996. С. 160, 162.

30. Переселение кавказских горцев в Турцию // Московские ведомости, 1864. 5 мая. № 99. С. 3 // Туганов Р.У. Мухаджиры. (По страницам русской и зарубежной печати) // Мир культуры. Вып. I. Нальчик, 1990. С. 174.

31. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 398.

32. Там же. С. 394.

33. Архив института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научно-го центра Российской академии наук (Архив КБИГИ). Ф.1. Оп. 5. Д. 26. Л. 32.

34. *Немирович-Данченко В.И.* Рыцари гор. Избранные произведения в двух томах. Нальчик. 1998. Т. 1. С. 428.

35. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ... С. 229.

36. Адыгские песни времен Кавказской войны. С. 354.

37. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 219.

38. Там же. С. 354.

39. *Бэрэдж Н.* Изгнания черкесов. С. 141.

40. Адыгские песни времен Кавказской войны. С. 397–399.

41. Там же. С. 398.

42. Там же. С. 390–391.

43. Там же. С. 398.

44. Там же. С. 351, 397.

45. Там же. С. 397, 351, 409, 410.

46. *Бекизова Л.А.* Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения // Материалы международной научной конференции (14–19 октября 1991 г., г. Черкесск). Черкесск, 1993. С. 44.

47. *Лохвицкий М.Ю.* Громовый гул: (Повесть). Поиски богов: (Роман). Нальчик, 1994. URL: <http://ru.wikipedia> (дата обращения: 15.02. 2011).

48. *Кук Н.С.* Черная гора. Майкоп, 1997. С. 80–81.

49. *Нажжар А.* Изгнанники Кавказа. Нальчик, 2002. С. 11.

50. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 770; *Балагова Л.Х.* Адыгская литературная диаспора. История. Этнодуховная идентичность. Поэтика. М., 2009; *Абдокова М.Б.* Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья // Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик. 2009.

51. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения // Материалы международной научной конференции (14–19 октября 1991 г., г. Черкесск). Черкесск, 1991.

52. *ХьэфIыцIэ М.* ХамэшIым вагъуэхэр щоужых (Звезды бледнеют на чужбине). Налшык, 2006. С. 279–338; Грусть моя и боль моя // Сост. В. Абитов. Черкесск, 2008. С. 33, 47, 48, 54, 55, 58; *Абдокова М.Б.* Солнечные слезы. Нальчик, 2010. С. 246, 251, 252–253, 270, 271–275.

53. *Абдокова М.Б.* Солнечные слезы... С. 254.

54. Там же. С. 281.

55. Там же. С. 277.

56. Там же. С. 247.

57. Там же. С. 276.

А.С. Мирзоев,
(г. Нальчик)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Черкесы и родственные им абхазы и абазины – одни из древнейших народов с самобытной национальной культурой. Их историческая родина – Центральный и Северо-Западный Кавказ располагается на стыке цивилизаций – европейской (западной) и азиатской (восточной). Корни их этнической культуры уходят в глубь тысячелетий, а сама она заметно отличается как от западной, так и от восточной. Европейские путешественники в разное время посетившие Кавказ, были поражены и восхищены характером этой цивилизации и народом, ее создавшим.

Польский офицер Т. Лапинский, проживший среди западных черкесов с 1857 по 1859 год, имевший возможность, так сказать, изнутри ознакомиться с их общественным бытом, отметил несколько характерных особенностей черкесского общества: «... характер их цивилизации: сохранение их личного достоинства и независимости, сердечность их семейных уз, привязанность к родине, благородная храбрость и при этом отвращение к ненужному кровопролитию, их преимущественное занятие земледелием и их равнодушие к торговле»¹.

Удивление вызывало то, что ценности, свято почитаемые черкесами, давно стали для европейцев анахронизмом, и ближайшие аналогии увиденному на Кавказе можно было найти только в раннесредневековой или античной истории.

Так, швейцарец французского происхождения Фредерик Дюбуа де Монпере в описании своего путешествия на Кавказ, совершенного в 1831 году, сообщает: «Нынешнее состояние Чер-

ксии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской средневековой аристократии или героической аристократии античной Греции»².

Тот же автор отмечает и другую особенность исторического развития адыгов, а именно, чрезвычайный консерватизм и устойчивое воспроизведение на протяжении многих столетий одних и тех же форм общественной жизни, институтов, обычаев, традиций, этических ценностей. Но он не дает объяснения этому феномену, кроме как связывая его с замкнутостью и труднодоступностью черкесского общества для чуждых цивилизационных влияний. Последнее было следствием географических условий занимаемой ими страны и воинственности народа³.

Воинственность черкесов, известная еще из античных источников, целенаправленно культивировалась в их обществе, но при этом сочеталась с чрезвычайно сложной системой традиций, этикета, которая облагораживала эту черту народного характера, ритуализовывала ее, что в конечном счете привело к созданию рыцарского воинского этоса со своей самобытной культурой.

Все кавказцы отличались своей воинственностью и свободолюбием, но только к черкесам, даже со стороны их врагов, применялся эпитет «благородные»⁴. У многих русских офицеров, служивших на Кавказе в период его завоевания, была в ходу устойчивая формула «горское рыцарство»⁵.

Среди дореволюционных исследователей, обративших внимание на эти особенности адыгской культуры, был Адыль-Гирей Кешев, который в одной из своих работ писал: «Условиями своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военно-республиканских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинственный дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства как у адыге. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев»⁶.

Аналогичные суждения высказывают и современные исследователи, в частности американский ученый-лингвист Дж. Коларуссо считает, что «у черкесов сложная военная культура с элементами аристократизма и основами демократии»⁷.

Воинственность, подразумевающая любовь к воинской славе, соединенная с благородством (этика войны) и аристократическим этикетом (внешние атрибуты поведения) – основные составляющие рыцарства как исторического явления.

В Европе, по мнению некоторых исследователей, в частности, Жана Флори, рыцарство как идеология сформировалась в XII веке. И как любое историческое явление, пережив периоды расцвета и упадка, спустя два столетия сошло с исторической сцены, став сюжетом рыцарских романов, исторических преданий и легенд⁸.

Нужно отметить, что черкесы внесли свою лепту в формирование восточного рыцарства, зародившегося в феодальном султанате Египта и Сирии. Одним из первых и ярких его представителей являлся основатель династии Айюбидов ал Малик ан-Насир Салах ад-дин (Саладин), правивший Египтом с 1169 по 1193 год⁹.

Начиная с правления Саладина черкесские мамлюки служили телохранителями и гвардейцами султана, а со временем узурпировали власть и основали свою черкесскую династию мамлюкских султанов (1382–1517 годы)¹⁰. Вместе с черкесами на мусульманский Восток была привнесена их рыцарская воинская культура. XV век можно считать для черкесов «золотым» веком: они правили всем мусульманским Востоком, а на их родине – Центральном и Северо-Западном Кавказе была установлена гегемония черкесской аристократии под предводительством легендарного Инала.

Политическая гегемония, основанная на военной мощи, сопровождалась и культурной гегемонией. Широкое распространение черкесской культуры среди соседних народов происходило не путем насильственного насаждения, а в результате добровольного заимствования, связанного с престижностью материальной и духовной культуры адыгов.

Восприятию и тиражированию черкесской аристократической культуры способствовали такие традиционные кавказские институты как аталычество, куначество, гостеприимство, а также брачные связи между элитами северокавказских этносов.

Подобно тому как на протяжении нескольких столетий для европейской аристократии, включая русскую, все французское – язык, мода, правила поведения – являлось обязательным атрибутом престижности и элитарности, так и для всех народов Северного Кавказа за образцовый принимался черкесский этикет

и его наиболее аристократический кабардинский вариант. И по сей день в среде кавказских народов бытует множество пословиц, поговорок и преданий на эту тему.

Современные ученые при описании культуры феодальной Кабарды применяют эпитеты «куртуазный»¹¹ и «комильфотный»¹², подчеркивая аристократизм и изысканность материальной и духовной культуры кабардинцев.

Для исследователей рыцарства вызывает вопросы не только сам факт существования этого явления на Кавказе исключительно у черкесов, но и его столь позднее бытование. На западе изживанию культуры рыцарства с конца XIV века способствовали два фактора: развитие капиталистических отношений и формирование регулярных армий. В XIX веке, когда во всем мире, особенно в сфере политики, царил дух жесткого прагматизма и цинизма, идеология рыцарства продолжала культивироваться в Черкесии. Современным историкам известны персоналии и биографии последних рыцарей Кавказа – героев Кавказской войны Кучука Аджигиреева, Мухамат-Аша Атажукина, Кизильбеча Шеретлокова, Казбека Канокова, которые закончили свой жизненный путь на воинском поприще в 30–40-х годах XIX века.

Характеризуя черкесское общество XIX века французский автор О. де Гель пишет: «Черкес благородно представляет на Кавказе последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков»¹³.

Черкесский этикет (адыгэ хабзэ) и выросший на его основе рыцарский кодекс «уэркь хабзэ» являются культурной моделью, созданной под сильным влиянием военизированного быта, характерного на протяжении длительного периода времени для общественно-политической жизни Черкесии.

Анализ рыцарского этикета адыгов проведенный Б.Х. Блажновым выявил его типологическое сходство с этикетом восточных народов (китайцев, японцев), с одной стороны, а с другой – с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. К примеру, то, что делает схожим с японским кодексом «бусидо» – это предписываемое черкесским кодексом «уэркь хабзэ» внешне спокойное перенесение страданий, презрение к смерти, чрезвычайная скромность и вежливость. Но то, что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане он стоит ближе к этикету западноевропейских рыцарей¹⁴.

Такое соединение, синтез культурных моделей был трудно-объясним для европейцев. Так, Э. Спенсер в 30-х годах XIX века посетивший Черкесию, отмечал: «Реальный факт заключается в том, что жители этой части Кавказа ... сейчас представляют странную аномалию народа, сохраняющего значительное количество рыцарских обычаев и манер, которые отличали воинов средних веков, в соединении с манерами Востока и их собственной природной горской простотой»¹⁵.

Учитывая ту значительную роль в межкультурном диалоге Запада и Востока, которую, в силу своего географического положения выполнял Кавказ, данный факт проще всего было бы объяснить внешними цивилизационными влияниями. Можно в этой связи вспомнить Великий шелковый путь, проходивший в древности через Северный Кавказ, по которому вместе с торговыми караванами перемещались не только предметы материального характера, но также культурные ценности и идеи.

Тем не менее, несмотря на отдельные черты сходства адыгского этикета как с западной, так и с восточной моделью соционормативной культуры, он имел, по нашему мнению, местное происхождение. У многих народов в прошлом воинственность была сопряжена с жестокостью. У черкесов воинственность была соединена с благородством. Говоря об этих качествах, прославивших черкесов в истории, необходимо отметить, что у них эти черты национального характера имели внутреннюю взаимосвязь. В развитии, актуализации этих качеств, особенно первого, несомненно, значительную роль играли постоянная угроза внешней экспансии и политическая нестабильность. В этом отношении можно сказать, что «высокая этикетность кавказской культуры – оборотная сторона ее воинственности»¹⁶. Но на наш взгляд, эти факторы не были определяющими. Причины следует искать не во внешних условиях, а внутри духовно-нравственной культуры адыгов, в механизме культурной самоорганизации. Большинство авторов, которые интересовались феноменом черкесской храбрости, воинской доблести, благородства, указывает на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания, которая создана на основе «адыгэ хабзэ», является его основой.

«Адыгэ хабзэ», по мнению Б.Х. Бгажнокова, является морально-правовым кодексом, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. Идеологической базой синтеза и организацион-

ного единства обычного права и этикета является традиционная этика – «адыгагъэ»¹⁷. Функционирование адыгства как этической системы предполагало постоянное взаимодействие и слаженную «работу» всех основополагающих базовых ценностей, ее составляющих. «Помехи» в одной из них неизбежно приводят к ошибкам в нравственном мышлении и поведении. К примеру, неадекватные понятия о совести способны блокировать проявления человечности или мужества, недостаток мужества – спровоцировать действия, противоречащие чести...»¹⁸. Адыгство являлось внутренне согласованной системой принципов культурной самоорганизации личности и общества, системой этической рационализации мира¹⁹. Но в адыгской культурной традиции этническая идеология является одновременно этической идеологией²⁰. Это была культурная модель, которая рассматривалась адыгами как идеальная и у них была глубокая потребность, как отмечал дореволюционный русский этнограф Л.Я. Люлье, на уровне «инстинкта» следовать ей²¹. Несоблюдение этого образа жизни рассматривалось как утрата этнической идентичности. Именно этим объясняется героическая самоотверженность, с которой черкесы отстаивали столетиями свою национальную независимость. Стремление к свободе, а стало быть, к сохранению своей самобытности, своих морально-этических ценностей было преобладающим мотивом в жизни народа, легло в основу его менталитета.

Многие авторы, характеризуя черкесов, отмечали, что по нраву они мягки и миролюбивы, и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность²². Фундаментальные принципы адыгской этики: человечность, почтительность, честь, совесть адыги распространяли и на военную сферу, считая недопустимым войны без правил, без соблюдения этих принципов²³. Во время войны адыги считали для себя неприемлемым убийство детей, женщин, стариков, посягательство на жизнь и человеческое достоинство военнопленных, пытки и физические наказания, сжигание домов, посевов, вырубку садов, уничтожение культовых сооружений, приведение в негодность источников. Даже во время столетней Кавказской войны, в ущерб себе, черкесы стремились быть верными тому духу рыцарской чести, который жил в их крови и отражался в их действиях²⁴.

Таким образом, развитая соционормативная культура адыгов, распространяющаяся в том числе и на военную сферу, на-

личие множества моральных, нравственных и других норм, регулирующих положение человека на войне, позволяет говорить о присущей черкесам развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном, смысле этого слова.

В основе любой цивилизации лежат базовые ценности, прежде всего духовного порядка. Материальные основы, такие как способ производства, культура первичного производства, система жизнеобеспечения, уровень развития технологий также накладывают отпечаток на культурное своеобразие той или иной цивилизации.

Неслучайно некоторые современные российские исследователи сравнивают Черкесию с таинственной Атлантидой²⁵. Черкесия как страна исчезла с исторической карты во второй половине XIX века в результате военно-политической катастрофы. По меркам истории произошло это сравнительно недавно, тем не менее ученые сегодня не могут утверждать, что эта цивилизация достаточно изучена.

Действительно, в истории черкесов много белых пятен.

Современной науке: археологии, истории, лингвистике известно, что адыги, абхазы, абазины и исчезнувшие убыхи являются одними из известных древних народов. В III тысячелетии до н.э. родственные им хатты и каски создали цивилизации и государства в Малой Азии. Благодаря обнаруженным письменным памятникам ученые-лингвисты установили родство хаттского и адыго-абхазского языков²⁶.

К сожалению, наука пока не располагает аналогичными письменными источниками кавказского происхождения. Можно предположить, что в древности у предков абхазо-адыгов была письменность, но они ее утратили. О черкесах говорят, что это народ, у которого есть история, но нет своих историков. Все, что известно о древней истории черкесов – это то, что о них писали представители других народов. Больше материалов дает археология: археологические майкопская культура и дольменная культура, существовавшие одновременно с переднеазиатской хаттской культурой, свидетельствуют о том, что проживавшие на Северо-Западном и Центральном Кавказе предки черкесов также находились на достаточно высоком уровне культурного и технологического развития. Достаточно отметить, что древнейшие в мире центры металлургии находились в Передней Азии и на Северо-Западном Кавказе. Такие же древние культурные тра-

диции имели здесь земледелие, садоводство, животноводство и коневодство. Адыги были не только храбрыми и отважными воинами, но и прекрасными земледельцами. После изгнания черкесов с Кавказа в результате Кавказской войны их древняя агрокультура была безвозвратно утеряна. Несмотря на поддержку государства, из-за утери агрокультурных навыков аборигенов, новое население так и не смогло освоить завоеванные территории.

По всей видимости, в адыго-абхазской культуре много пластов-уровней и в зависимости от конкретных исторических условий тот или иной пласт (культурная тема) становился доминирующим. В раннее и позднее средневековье и до последних дней независимого существования основная базовая личность адыгского общества – это воин, а доминирующая тема – военная культура (милитаризованный быт). В целом это можно сказать обо всей северокавказской культуре, которая определяется как культура воинская.

Для черкесов всегда были чрезвычайно значимы ценности национальной (коллективной) свободы и независимости. В этом плане она имеет сходство с культурой Востока, для которой характерен приоритет интересов коллектива над интересами отдельной личности. Но традиционная черкесская культура может трактоваться и как культура индивидуалистическая – в смысле значимости ценности индивидуальной свободы и прав человека. Традиции, обычаи и рыцарский этикет черкесов направлены на сохранение чести и достоинства каждого человека независимо от его социального статуса. Последнее, а именно индивидуализм, более характерно для западной культуры.

Говоря о черкесской цивилизации и культуре можно выделить следующие особенности:

- в своей основе она не воинственна в том смысле, что не испытывает потребности к социально-географическому расширению: присоединению новых территорий, покорению других народов. Целя своей свободы как высшее благо, она не стремится к порабощению других;

- традиционная воинственность – явление вторичное по отношению к более древним слоям культуры. Это качество, выработанное условиями исторического развития, призвано было сохранить и защитить ядро национальной культуры, базовые этнические ценности. Культура стала милитаризовываться со временем, но она не была такой изначально;

– она самодостаточна и консервативна, а сами черкесы довольны собой и своим образом жизни. Этот ментальный архетип нашел свое отражение в языке абхазо-адыгов. В одном из своих литературно-философских эссе С. Лакоба отмечает, что в абхазском языке «пять прошедших, одно настоящее и два будущих времени. Не является ли эта система своеобразным шифром народа ... видимо, абхазы, отдавая предпочтение прошлому, никогда всерьез не относились к настоящему, но в них всегда теплилась надежда на будущее»²⁷. Задача черкесской культуры в воспроизведении прошлого и перенесении его в будущее как идеальной модели;

– она закрыта, независима и невосприимчива к внешней силе. Открытая система и вторжение чуждых цивилизационных влияний ведут к разрушению этнических традиций и культуры (что и произошло в результате Кавказской войны);

– характер цивилизации и культуры определяются ментальностью народа, ее создающего. «Народ не только приспосабливается к условиям своего бытия, но и сам приспосабливает их к своему характеру»²⁸.

– характер народа (ментальность) как и характер отдельного человека складывается раз и навсегда. При этом менталитет может эволюционировать, но в определенных границах, выход за которые означает фактический крах и разрушение данного этноса²⁹. Менталитет черкесов отличал психологический консерватизм, цельность мировосприятия³⁰.

Исходя из всего вышеизложенного возможно ли утверждать, что черкесская (шире кавказская) культура была полностью закрыта и невосприимчива к инокультурным влияниям? Надо заметить, что в истории редко встречаются такие полностью изолированные общества (например, цивилизация инков в Южной Америке в доколумбову эпоху). Кавказ и его автохтоны, находясь на стыке Европы и Азии, на пути миграционных потоков, завоевательных походов и интенсивных торговых связей, не могли избежать внешних влияний.

Когда мы говорим о замкнутости и самодостаточности цивилизации и культуры, имеются в виду следующие обстоятельства:

– черкесская культура не воспринимала внешней силы, ей нельзя было навязать чуждые ценности, но для идей, не представляющих угрозы собственной культуре, это было открытое общество;

- отбор и селекция привносимых ценностей осуществлялись самими черкесами;
- быстрее и легче воспринимались ценности материального характера, нежели духовного;
- духовные ценности (в том числе религиозные) могли восприниматься только добровольно, если они не входили в явное противоречие с традиционными ценностями;
- для нежелательных цивилизационных влияний существовала система институтов (механизмов) препятствующих их проникновению.

Возьмем для примера такой яркий и самобытный институт, как гостеприимство. Гостеприимство у черкесов всеми авторами XIX века характеризуется как самая высокая добродетель народа. Специалисты же по соционормативной культуре относят гостеприимство к основополагающим принципам адыгского этикета. Однако, как тонко подметил Н.И. Кубов, «данный институт охранял не столько гостя, сколько служил механизмом изоляции той инородной картины мира и тех инородных установок, носителем которых являлся гость. Данный социальный институт способствовал мягкому вживанию иноэтнических россыпей в адыгскую среду с последующей их ассимиляцией. Предельно вежливая изоляция гостя исключала непредсказуемость поведения личности»³¹.

Статус гостя носит двойственный характер. С одной стороны, гостю рады, ему оказывают почести, его личность священна и неприкосновенна, безопасность гостя – вопрос чести хозяина и всей общины. В то же время на гостя наложены некоторые ограничения: он должен соблюдать правила приличия, предписываемые гостю и не допускающие какое-либо вмешательство в дела семьи, его принимающей.

Иностранец не мог, не рискуя стать военнопленным, посетить Кавказ, если у него не было кунака (друга), который, с одной стороны, брал его под свое покровительство, а, с другой – нес за него ответственность перед своим обществом. По мнению многих этнологов и историков (Я.В. Чеснов, Е. Дж. Налоева), чем древнее население данной территории, тем больше его традиционность и этикетность.

Очевидно, для того чтобы возникли сложные уникальные традиции, обычаи и этикет, и для того чтобы они (например, гостеприимство) развились до уровня священного, культового характера, необходимы следующие условия:

- длительное компактное совместное проживание этнического массива (близкородственного) на определенном геополитическом пространстве (Центральный и Северо-Западный Кавказ);
- самодостаточность данного этноса – социальная, экономическая, культурная, политическая (следствием самодостаточности является консерватизм национальных традиций и общественных институтов);
- высокое этническое самосознание самого этноса.

В результате взаимодействия этих и некоторых других факторов сформировалась древняя самобытная культура и цивилизация черкесов.

Примечания

1. *Липинский Теофил*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 18.
2. *Монпере Фредерик Дюбуа*. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму // Тебу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. Т. 1. С. 140.
3. Там же. С. 111, 140.
4. *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Нальчик, 2001. С. 100.
5. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Т. 1. С. 445.
6. *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен // Каламбий. Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 222.
7. *Коларуссо Д.* Сейчас изучаю синтаксис черкесского // Газета Юга. 2012. № 4.
8. *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 21.
9. *Босфорт К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 94.
10. Там же. С. 100.
11. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 2009. С. 282.
12. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. С. 88.
13. Цит. по: *Унежев К.Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 150.
14. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 23.
15. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 21.

16. Барцыц М. Международное гуманитарное право и традиционные нормы войны у абхазов // Традиции разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Ереван, 2001. С. 72.
17. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 6.
18. Там же. С. 19.
19. Там же. С. 9.
20. Там же. С. 77.
21. Люлье А.Я. О гостеприимстве у черкес // Кавказ. 1985. № 7. С. 34.
22. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 20–21.
23. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. С. 78.
24. Кешев А.-Г. Чучело // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. Краснодар, 1986. С. 276.
25. Гордин Я.А. Кавказская Атлантида – 300 лет войны. М., 2011. С. 385.
26. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 81, 86.
27. Лакоба С. Крылились дни в Сухум-Кале. Сухум, 1988. С. 41.
28. Микава Л. Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Ереван, 2001. С. 103.
29. Там же.
30. Гордин Я.А. Указ.соч. С. 386.
31. Кубов Н.Ч. Полифункциональность института гостеприимства адыгов // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 2001 г. 20–23 сентября): тезисы докладов. М., 2001. С. 135.

В.А. Фоменко,
(г. Пятигорск)

ТЕРРИТОРИЯ И РАССЕЛЕНИЕ АДЫГОВ В ДРЕВНОСТИ*

Адыги (кабардинцы, черкесы и адыгейцы) говорят на языках западнокавказской группы, имеющей очень архаичные черты в фонетике и морфологии¹, указывающие на их давнее родство с народами нахско-дагестанской группы². Адыги – потомки древнейшего населения региона. Сомнения в том, что предки адыгов с глубокой древности жили на Северо-Западном Кавказе и в более восточных районах Предкавказья по меньшей мере нелогичны. Есть фактические основания относить начало формирования антропологического типа меотов (предков адыгов) и соответственно этнокультурной специфики местного населения Северо-Западного Кавказа к рубежу эпох палеолита и мезолита (12–10 тыс. лет назад)³.

Адыги и родственные им убыхи, абазины и абхазы вероятно до конца III или середины II тыс. до н.э. имели общий языковую основу. В III и II тыс. до н.э. абхазо-адыгские племена занимали обширную территорию, которая включала предгорья Северного Кавказа и значительную часть Анатолии (Малая Азия). Родственными абхазо-адыгам были племена хаттов и касков, проживавшие в III–II тыс. до н.э. в Малой Азии. Хатты, обладавшие высокой культурой, приняли участие в образовании могущественного ближневосточного Хеттского царства (II тыс. до н.э.). Однако к середине XVII в. до н.э. хаттский язык был вытеснен хеттским (индоевропейским)⁴. Возможно этнически близкими адыгам были и ближневосточные племена хурритов.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Древняя и средневековая культура адыгов».

Племена касков или кашков, известные по письменным источникам, жили по соседству от хаттов на северо-востоке Малой Азии со II по начало I тыс. до н.э. и вероятно говорили на родственном хаттам языке. Этноним каска (кашка) близок к средневековому названию адыгов – касоги.

Согласно одной из гипотез часть хаттов и касков не позже III тыс. до н.э. заселили восточное Причерноморье и Прикубанье. В результате смешения с культурой местного (вероятно родственного) населения Закубанья здесь в III тыс. до н.э. сложилась яркая майкопская культура⁵. Во второй половине III тыс. до н.э. племена майкопской культуры заселили предгорья Северного Кавказа от Таманского полуострова до приморского Дагестана⁶. Следы влияния высокоразвитой майкопской культуры прослеживаются в Приазовье и на востоке современной Украины⁷.

Важно, что майкопской и новосвободненской культурам в Закубанье и в более восточных районах Предкавказья предшествовала высокоразвитая культура эпохи энеолита, что подтверждает гипотезу о значительной роли северокавказского населения в генезисе майкопской культуры⁸.

Протоадыгская этническая принадлежность майкопской археологической культуры Северного Кавказа эпохи бронзы (III тыс. до н.э.) признается многими исследователями⁹. Следует заметить, что попытки связать памятники майкопской культуры с другими этносами, например тюркскими, оказались несостоятельными¹⁰. Интересно, что основная территория, занимаемая майкопскими и близкими им новосвободненскими памятниками¹¹ в III тыс. до н.э. совпадает с границами Черкесии в период ее расцвета¹².

В III–II тыс. до н.э. на Западном Кавказе развивалась дольменная археологическая культура. Наиболее обоснованной гипотезой этнической интерпретации культуры строителей дольменов является адыго-абхазская¹³. Строители мегалитических (дольменовидных) гробниц и в эпоху ранней бронзы (новосвободненская культура) и в эпоху средней бронзы (дольменная культура) проникали в более восточные области Предкавказья – Притеречье и Пятигорье. Так, на территории Нальчика¹⁴ и в его окрестностях (Кишпек¹⁵, Нартан¹⁶) изучены монументальные дольменовидные подкурганые гробницы, а в районе Железноводска упоминаются классические плиточные дольмены¹⁷.

В эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) территория Прикубанья частично была охвачена т.н. прику-

банским очагом¹⁸ металлургии и металлообработки¹⁹. Археолог Е.П. Алексеева считала, что памятники прикубанского очага на Северо-Западном Кавказе оставлены местным населением, в том числе и предками адыгов²⁰. Ее коллега А.Л. Нечитайло выделила особую прикубанскую культуру эпохи поздней бронзы и раннего железного века²¹. Исследователи прикубанской культуры подчеркивают ее связь с более ранней т.н. северокавказской культурой II тыс. до н.э. и предполагают, что в пределах прикубанской культуры в начале I тыс. до н.э. сложилась культура племен меотов и синдов – прямых предков современных адыгов²². Выделяется особая протомеотская группа памятников, которая вероятно сложилась на основе прикубанского очага металлургии и металлообработки бронзы²³. Эта группа памятников или особая культура существовала на Северо-Западном Кавказе в период перехода к раннему железному веку. Протомеотские памятники занимают область от берегов Черного моря на западе до среднего течения Кубани на востоке. Развитие протомеотской группы памятников привело к формированию меотской археологической культуры²⁴.

Протомеотская группа памятников теснейшим образом связана с памятниками предскифского времени Кабардино-Пятигорья (т.н. каменноостско-березовская или западно-кобанская группа памятников). Интересно, что и протомеотская и каменноостско-березовская группы памятников очень близки т.н. степной киммерийской культуре Северного Причерноморья. Оригинальную концепцию, объясняющую эту ситуацию, предложила в 70–80-х гг. XX в. археолог Н.Л. Членова. Она считала, что формирование каменноостско-березовской культуры (включающей протомеотские и западнокобанские древности) и родственных ей кобанской и колхидской культур происходило в позднейшую предскифскую эпоху (VIII–VII вв. до н.э.) как составляющей киммерийско-карасукской общности под влиянием производственных центров Западного Ирана (Луристан)²⁵. Таким образом, по Н.Л. Членовой протомеотские памятники были оставлены киммерийцами. Она считает киммерийцев прямыми предками абхазо-адыгов и прочно связывает с этим древним народом топонимы на «Гум» и этнонимы «кемурго» и «хомарра», распространенные на Северо-Западном Кавказе²⁶. Соответственно, древнейший, упоминаемый в письменных источниках, народ на юге Восточной Европы – киммерийцы – является одним

из предков современных адыго-абхазов²⁷. Концепцию Н.Л. Членовой полностью или частично поддерживали Д.Г. Савинов²⁸, Ю.Н. Воронов, И.В. Яценко²⁹, В.А. Фоменко³⁰. О происхождении адыгов от киммерийцев также писали Л.И. Лавров и Н.Г. Ловпаче³¹. Ю.Н. Вороновым была предложена гипотеза о том, что кобанская культура очень близка колхидской культуре (территория Абхазии и Западной Грузии) и их можно объединить в одну колхидо-кобанскую культуру³².

Следует отметить, что этнокультурным маркером киммерийской культуры справедливо считаются т.н. оленные камни³³ – стилизованные изваяния воинов-вождей. Интересно, что наибольшая концентрация таких изваяний на юге Восточной Европы зафиксирована на территории Кабардино-Балкарии (Кызбурун, Куба, Нижний Куркужин, Джылы-су и др.)³⁴.

Происхождение коренного населения Крыма VIII–III вв. до н.э. – тавров также возможно связано с киммерийцами. С таврами соотносят кизил-кобинскую культуру. Большинство ее памятников сконцентрировано в южной части Крыма³⁵. Кизил-кобинская культура своими чертами напоминает памятники т.н. кобанской культуры³⁶ (точнее каменноостско-березовской). В Крыму на Керченском полуострове известны погребения VI–IV вв. до н.э. в каменных ящиках, которые археолог А.А. Масленников выделил в особую культуру, возможно, родственную таврам и синдам³⁷.

Меоты, упоминаемые античными авторами, – собирательное название племен, живших возле Меотиды (Азовское море). Наиболее ранние сведения о меотах содержатся у авторов VI в. до н.э. Гекатея Милетского, Скилака Кариандского, Орфея Кротонского. Существуют разные варианты размещения меотских племен на современной карте. Однако вполне признано, «что синды занимали Таманский полуостров ... Далее к югу – до современного Новороссийска – жили тореты, в районе Геленджика – керкеты. Еще южнее на побережье проживали ахеи, а за ними на востоке – в глубине гор – зихи. К востоку от синдов примыкали пессы, населявшие левый берег Кубани до реки Афипса, которая служила границей с фатями. А между реками Кирпили и Кубанью проживали дандарии»³⁸. Страбон в «Географии» пишет: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие»³⁹.

По данным античных авторов, меоты обитали в основном вдоль Азово-Черноморского побережья Кавказа. Восточнее, возможно, также жили племена, родственные меотам. На севере меоты соседствовали с кочевыми племенами скифов и савроматов. Отдельная группа меотов населяла низовья Дона.

Начиная с предскифского времени, часть населения Прикубанья, Прикумья и Притеречья участвовала в т.н. переднеазиатских походах киммерийцев и ранних скифов, что в Закубанье привело к значительной социально-ранговой дифференциации в меотском обществе и возникновению курганных могильников местной военной аристократии (Уашхиту, Келермес, Костромская, Уляп и др.)⁴⁰. Келермесские курганы и близкие им «царские» некрополи скифо-сарматского времени принято связывать с адыгским этнокультурным массивом⁴¹.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. побережье Северного Причерноморья и Приазовья стало колонизироваться древними греками. Черноморские и азовские греческие города-полисы были торговыми, земледельческими и ремесленными центрами. К наиболее значительным центрам, располагавшимся в области расселения меотских племен, можно отнести города Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. В 480 г. до н.э. древнегреческие города, расположенные вблизи Керченского пролива, объединились в Боспорское царство. С 438 г. до н.э. по II в. до н.э. здесь правила династия Спартокидов. Существует предположение, что эта династия имеет синдо-меотское происхождение⁴². При представителе этой династии Левконе I (389–349 гг. до н.э.) к Боспорскому царству была присоединена Феодосия и другие богатые земли кавказского побережья (области расселения синдов, торетов, дандариев и псессов). Преемник Левкона I, Перисад I (351–309 гг. до н.э.) подчинил фатеев и досхов, и носил титул царя «всех меотов». Однако меоты зависели от боспорских правителей формально и сохраняли некоторую самостоятельность, выплачивая дань хлебом и другими продуктами, предоставляя воинов и не беспокоя купцов. Боспорское царство не всегда имело возможность контролировать ситуацию, и Страбон пишет, что «иногда то один, то другой народ отпадали от них»⁴³. Боспорские купцы создавали торговые пункты-фактории для улучшения торговли с меотами. Принято считать, что фактория у станицы Елизаветинской в среднем течении Кубани, возникшая в конце IV в. до н.э., была наиболее удаленным к востоку боспорским торговым

пунктом среди меотских племен⁴⁴. Однако памятники, связанные с влиянием Боспорского царства, фиксируются гораздо восточнее, в т.ч. и в окрестностях Ставрополя, а также южнее – в верховьях р. Калаус⁴⁵. Исходя из этого, можно предположить, что и меоты, без участия которых проникновение боспорских купцов на территорию Центрального Предкавказья вряд ли было бы возможно, также жили в западной и южной частях Ставропольской возвышенности.

Синды, видимо самые многочисленные из меотов, как известно, населяли Таманский полуостров. До начала IV в. до н.э. синды имели свое государство. В годы правления Левкона I Синдика была присоединена к Боспорскому царству. Столицей Синдики, скорее всего, был Синдик или Синдская гавань (с IV в. до н.э. – Горгиппия), находившийся на месте современной Анапы⁴⁶. Другим крупным археологическим памятником синдов считается Семибратнее городище, имевшее мощную систему укреплений. В окрестностях Анапы исследователями открыто значительное количество богатых и в значительной степени эллинистических курганов, связываемых с синдами. Курганы V–IV вв. до н.э., расположенные у Семибратнего городища, сооружены представителями синдской знати. Могильники рядового населения известны на территории Анапы и в ее округе (пос. Рассвет, Красная Скала, Воскресенский, Уташ и др.). Погребальный обряд синдов не отличается однообразием: грунтовые погребения под каменными вымостками, подкурганные каменные гробницы, каменные ящики. Археолог Е.М. Алексеева считает, что каменные ящики и некоторые другие погребальные конструкции из камня VI–V вв. до н.э. в окрестностях Анапы связаны с населением близким кобанской культуре⁴⁷. К югу от Анапы на месте прежнего обитания керкетов, торетов, ахеев и зихов также выявлены памятники местного населения. В районе Геленджика исследованы подкурганные дольмены VIII–VI вв. до н.э.⁴⁸, близкие классическим дольменам эпохи ранней бронзы.

Гуннское нашествие разрушило боспорские города. Погибло и само Боспорское царство. В значительной степени от кочевников пострадало население Таманского полуострова. Территория расселения меотов на равнинах Предкавказья значительно сократилась, в письменных источниках IV–V вв. исчезают названия меотских племен и общее имя «меоты» становится гораздо более редким. Однако чаще упоминаются, жившие в гористой

местности, джики / зихи, вероятно, менее других меотов затронутые волной гуннских орд⁴⁹.

Таким образом, исследования археологов и антропологов позволяют считать предгорья Северного Кавказа территорией проживания древнейших (12–10 тыс. лет назад) предков современных адыгов. Кроме того, данные археологии, письменных источников и палеолингвистики подтверждают, что в III и II тыс. до н.э. предки адыго-абхазов занимали часть Анатолии, а в начале I тыс. до н.э. вероятно составили ядро обширной киммерийско-карасукской общности. В античную эпоху территория расселения предков адыгов ограничивается Западным Кавказом, нижним течением Дона и, видимо, горным Крымом, хотя есть основания считать, что в степных, предгорных и горных областях Западного и Центрального Кавказа до эпохи позднего средневековья сохранялось значительное население по языку близкое к адыгам.

В отношении традиционно выделяемых исследователями этнических маркеров древнего адыгского населения Предкавказья – курганов и мегалитов (в т.ч. дольменов) можно сказать, что они вряд ли охватывали весь этнический массив. На примере дольменов хорошо заметно, что формировавшаяся в III тыс. до н.э. культура переживает эпоху расцвета во II тыс. до н.э., затем к концу того же тысячелетия угасает. В эпоху поздней бронзы и раннего железа дольменные (точнее дольменовидные) постройки в Прикубанье очень редки. И только в эпоху раннего средневековья традиция строительства дольменов возрождается, причем на весьма ограниченных территориях (например, в Верхнем Прикубанье⁵⁰). Дольмены, другие мегалиты, также как и крупные курганные насыпи, были, прежде всего, культовыми сооружениями, и их строительство было связано с распространением определенных культов среди части древнеадыгского населения. Тогда же были распространены менее трудоемкие и заметные грунтовые некрополи, состоящие из ям и каменных ящиков.

Примечания

1. Габуниа З., Тирандо Р.Г. Миноритарные языки в современном мире. Кавказские языки. М., 2002. С. 110–111.

2. Старостин С.А. Северокавказские языки // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001. С. 75–79.

3. Романова Г.П., Харитонов В.М. Морфологические особенности черепа человека из палеолитической стоянки в навесе Сатанай // Вопросы антропологии. М., 1984. № 73. С. 49; Аутлев П.У. К этногенезу адыгов // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 7.
4. Кереев Б.М. Ранний этап этногенеза адыгов // Адыгская энциклопедия. М., 2006.
5. Там же.
6. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
7. Нечитайло А.Л. Керамика майкопского типа в степной Украине как источник связей двух областей // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Геленджик, 1982.
8. Нехаев А.А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 19–20.
9. Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; Ловнач Н.Г. Истоки майкопской культуры, ее связь с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 34–36; Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004.
10. Марковин В.И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // Советская археология. М., 1990. № 4. С. 153–157.
11. Корневский С.Н. Указ. соч.
12. См.: Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. М., 1954. Вып. XX. С. 343–356; Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. № 11. С. 8–23.
13. Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. М., 1974.
14. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик, 1973.
15. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 164–173.
16. Благодарю Чеченова И.М. за предоставленные сведения о неопубликованных материалах раскопок кургана эпохи ранней бронзы у с. Нартан.
17. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005. С. 8–10.
18. Иногда употребляется термин прикубанская культура.
19. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.;–Л., 1951. Вып. 23.

20. Алексеева Е.П. Предки адыгов на территории Карачаево-Черкесии в древности и раннем средневековье // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.

21. Нечитайло А.Л. Памятники прикубанской культуры у истоков реки Теберды // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 124–133.

22. Кереев Б.М. Указ. соч.

23. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.;–Л., 1951. Вып. 23.

24. Анфимов Н.В. Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // Actes du VII-e congres international des sciences prehistorique et protohistorique. Prague. 1971. Т. 2. Р. 865–870; Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников) // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2004.

25. Членова Н.Л. Памятники I тыс. до н.э. Северного и Западного Ирана и проблема киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 323–340; Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.

26. Членова Н.Л. Оленные камни ... С. 83.

27. Членова Н.Л. Оленные камни ... С. 76.

28. Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72–94; Савинов Д.Г. Проблема оленных камней в историографическом аспекте // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 106–133.

29. Яценко И.В., Воронов Ю.Н. Рецензия на книгу: Н.Л. Членова. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984 // Вестник древней истории. М., 1991. № 1. С. 179–184.

30. Клычников Ю.Ю., Фоменко В.А. О происхождении некоторых форм керамики каменноостско-березовской группы (X–VI вв. до н.э.) // Вторая зональная олимпиада по археологии и краеведению. Грозный, 1990; Фоменко В.А. О своеобразии предкавказского звена киммерийско-карасукской общности // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Часть 2. С. 68–69; Фоменко В.А. О некоторых типах металлических украшений из каменноостско-березовских могильников Кисловодской котловины // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992; Фоменко В.А., Тульникова Е.П. О семантике геометрических и зооморфных изображений на оленных камнях из Предкавказья // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Армавир, 1994. С. 34–37.

31. Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 198–199; Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северо-восточном Причерноморье // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1987. № 2 (58). С. 80–87.
32. Воронов Ю.Н. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидо-кобанская культура) // VIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978.
33. Тереножкин А.И. Киммерийские стелы // Археология. Киев, 1978. Вып. 27 (на укр. языке).
34. Батчаев В.М., Керефов Б.М. Олений камень из Кабардино-Балкарии // Советская археология. М., 1980. № 3; Дударев С.Л. К вопросу о датировке второй нижнекуркужинской стелы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001; Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. С. 35–36, 46–47.
35. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Кизил-кобинская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 171–175.
36. Бобин В.В. Черты сходства культуры древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // История и археология Крыма. Киев, 1957. С. 54–60; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 248, 252, 269, 294.
37. Масленников А.А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // Краткие сообщения Института археологии. М., 1976. Вып. 145. С. 21–22.
38. Керефов Б.М. Указ. соч.
39. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1993. Т. 2. С. 271–272.
40. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997; Галанина Л.К. К Проблеме взаимоотношений скифов с меотами по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника // Советская археология. М., 1985. № 3; Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э. Некрополи у аула Уляп. М., 2005.
41. Анфимов Н.В. Курганы рассказывают. Краснодар, 1982. С. 59–62; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 56.
42. Максидов А.А. Адыги и народы Причерноморья. Нальчик, 2003. С. 23–32.
43. Латышев В.В. Указ соч. С. 272.

44. *Анфимов Н.В.* К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
45. *Край наш Ставрополье.* Ставрополь, 1999. С. 32–33.
46. *Кругликова И.Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1978. С. 11–15.
47. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 35–36.
48. *Аханов И.И.* Геленджикские подкурганные дольмены // Советская археология. М., 1961. № 1. С. 139–149.
49. *Керефов Б.М.* Указ. соч.
50. *Фоменко В.А.* Раннесредневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья (вопросы хронологии и культурно-этнической принадлежности) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. Вып. 4 (42). С. 59–65.

УДК – 94(44).044

*А.А. Татаров,
Ю.В. Бунькова,
(г. Нальчик)*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ ФРАНЦУЗСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА

*«Несколько вовремя отрубленных голов
надолго остановят врагов общества¹»
Ж.-П. Марат, 1790 г.*

Что такое французский революционный террор?

Великая французская революция, длившаяся с 1789 по 1799 гг., оставила после себя не только имена выдающихся политиков, общественных деятелей, не только замечательные идеи, ставшие фундаментом современных концепций, но и целый ряд спорных, нерешенных до сих пор вопросов, явлений, событий, являющихся объектом исследования исторической науки на протяжении уже более 200 лет. В этой статье мы хотели бы коснуться так называемого французского революционного Террора, исторического явления, далеко вышедшего за пределы своего названия.

В общем смысле террором можно считать физическое насилие, направленное на уничтожение и запугивание противников, чаще всего политических. Главное отличие одного террора от другого скрывается в корнях, т.е. в том, как и при каких условиях зародилось это явление. Очевидно, что рамки террора, как одного из проявлений Французской революции, не ограничиваются якобинским этапом революции², но именно в 1793–1794 гг. произошел наибольший размах этого явления (теперь с большой буквы – Террора), возведенного в статус орудия управления. Но

все начиналось с недовольства населения, переросшего в массовые убийства. В момент подъема народного террора революционная власть скорее содействовала укреплению последнего, нежели пыталась его остановить. По декрету 22–25 сентября 1792 г. было постановлено, что «народ имеет право выбирать судей из всех граждан без различия»³. А через месяц был принят декрет, по которому должность национальных комиссаров при уголовных трибуналах упразднялась, а функции комиссаров передавались общественным обвинителям⁴. Эти изменения в судебной системе развязали руки недовольному народу, что усилило натиск на имущие слои общества. Здесь скрывалась и выгода для власти, которая заключалась в превентивном ударе в адрес контрреволюции.

Символом Террора можно считать гильотину, но ее появление относится к джacobинскому периоду революции. Следует также помнить, что три главных органа государственного Террора – Комитет общественного спасения, Комитет общественной безопасности и Чрезвычайный (революционный) трибунал – появились до прихода якобинцев к власти. А. Собуль так писал о переходе к государственному Террору: «В нем по прежнему проявляется стремление народа защитить себя от враждебных действий аристократии и покарать своих врагов, но это стремление находится отныне под контролем правительства и повинуетя закону»⁵.

В марте 1793 г. был принят декрет, который можно считать отправной точкой государственного Террора (или просто Террора), список объектов которого через несколько месяцев начал включать в себя и революционеров. В Париже учреждался Чрезвычайный уголовный трибунал, ведению которого подлежали все контрреволюционные акты. В первой главе декрета отмечалось, что судьи будут назначаться Национальным конвентом. Разумеется, принятие декрета было предметом жарких дискуссий. «Вам предлагают декретировать установление инквизиции, в тысячу раз более ужасной, чем инквизиция, существовавшая в Венеции...»⁶, – так говорил жирондист Верньо о создании Чрезвычайного трибунала в марте 1793 г. Но система государственного террора все же получила свое оформление, ибо угроза контрреволюции весной 1793 г. достигла слишком опасной черты.

В сентябре 1793 года террор вступил в новую фазу своего развития. Позиция якобинцев в вопросе ужесточения борьбы с

внутренними и внешними врагами была высказана 5 сентября в Конвенте: «Пора уже, чтобы железный меч равенства прошел над всеми головами. Пора утратить заговорщиков. Законодатель, поставьте террор в порядок дня! (выделено нами – А.Т., Ю.Б.) Будем действовать революционно, так как наши враги замыслиают контрреволюцию»⁷.

17 сентября 1793 г. был принят поистине исторический декрет о подозрительных, к которым относились враги Республики – «сторонники тирании, федерализма и враги свободы»⁸. К этим людям могли относиться представители всех слоев общества. Позже постановлением Парижской коммуны к подозрительным могли быть отнесены и те, «кто во время собраний народа охлаждает его порыв возмутительными речами, шумными возгласами и угрозами» или те, «кто сожалеет об участии жадных фермеров»⁹ и т.д.

В начале 1794 г. в разгар политической борьбы Террор был использован против известнейших в то время революционеров; в первую очередь, речь идет об эбертистах¹⁰ и дантонистах¹¹. После физического уничтожения лидеров этих групп – Ж. Эбера¹² и Ж. Дантона¹³ – начался новый виток в развитии Террора. Теперь грозный триумvirат, включавший М. Робеспьера¹⁴, Л. Сен-Жюста¹⁵ и Ж. Кутона¹⁶ достиг апогея своего политического могущества. Террор усиливался, показателем чего являлись увеличение числа казней и упрощение приемов Революционного трибунала.

Когда же закончился Террор? 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.) произошел государственный переворот, результатом которого стали отстранение якобинцев от власти и казнь их лидеров. Последствием данных событий стало изменение направления развития революции, что конечно, сказалось и на Терроре. Среди заговорщиков-термидорианцев были вчерашние террористы; еще вчера они соглашались с необходимостью ужесточения режима (не только из страха перед Робеспьером, но и из выгоды – это давало обоснование необходимости покончить со всеми ужасами такого положения, т.е. развязывало руки для заговора против триумvиров), а теперь они использовали Террор против якобинцев. Возможно, именно тогда Террор, как уникальное явление, проникшее в умы и сердца миллионов французов, приобретает форму одного из инструментов политической борьбы и постепенно ослабевает.

Террор – утопичная политика или историческая необходимость?

В XX в. о Терроре долгие годы шла идейная борьба между историками «критического» (Ф. Фюре¹⁷, П. Генифе¹⁸) и «классического» (А. Матьеа¹⁹, А. Собуля²⁰) направлений, рассматривавших Террор под разными углами зрения. Приверженцы первого связывали Террор с попыткой сторонников Робеспьера реализовать средствами государственного принуждения утопическую схему совершенного общественного строя. «Классики» доказывали, что Террор стал порождением рокового стечения объективных обстоятельств, необходимым средством ведения внешней и гражданской войн, заставивших якобинцев прибегнуть к крайним формам насилия как к единственному средству спасти завоевания революции, а также Террор являлся инструментом социально-экономической политики. Обратимся к позиции Б. Бачко, которая не апеллирует к причинам и особенностям Террора, но подчеркивает очевиднейшее: «Неразрывно связанный с отправлением власти, Террор занял собой все политическое пространство и в рамках этой власти сразу же блокировал все дебаты о том, какой политический курс следует избрать»²¹.

Рассмотрим Террор с точки зрения Л. Сен-Жюста, известного революционера, страстного якобинца, приверженца крайних мер. «Монархия, ревниво оберегавшая свою власть, плавала в крови тридцати поколений; а вы, вы не решаетесь проявить суровость к горстке преступников?... Во Франции есть политическая клика, которая играет всеми партиями; она движется медленно. Если вы говорите о терроре, она взывает к милосердию; если вы становитесь милосердными, она прославляет террор»²², – говорил Сен-Жюст в докладе Конвенту в феврале 1794 г.

Террор получил у якобинцев этическую санкцию. В одной из своих речей, М. Робеспьер дал следующее этическое определение террора: «Террор – есть эманация добродетели; это не столько частное начало, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к насущнейшим нуждам отечества»²³. Как М. Робеспьеру, так и его сподвижникам несложно было запутаться в сложности собственных противоречий и в противоречиях собственной эпохи, этим и можно объяснить обращение к этике.

Нередко якобинские лидеры говорили о заговорах, которые вынуждали ужесточать режим. П. Генифе метко подметил, что мания заговоров была характерной чертой революционного менталитета. «В их существовании революционный разум, убежденный в собственной правоте и всеилии, находил удобный ответ на ту непостижимую для себя загадку, каковой для него являлось сопротивление, которое сама природа вещей оказывала его планам. Если Революция пользуется единодушной поддержкой народа, почему же она никак не увенчается успехом? Откуда берутся все эти вновь и вновь возникающие противоречия? Откуда все время на ее пути возникают новые препятствия, новые трудности, если не из-за происков врагов?»²⁴. С этой точки зрения, введение Террора, в то время когда серьезного заговора, по сути, не существовало, было ошибкой якобинцев-утопистов, стоившей десятки тысяч жизней.

Был ли заговор? Насколько обоснованно снизилась цена человеческой жизни? Не только пылкие речи якобинцев, но и факты склоняют нас к тому, что заговор, как реальная угроза, имел место быть. В июне 1793 г. 60 департаментов Франции поднялись против Парижа, армии германских правителей наводнили Францию на севере и востоке, Британия атаковала ее с юга и запада, страна была беспомощна и разорена. Но через четырнадцать месяцев вся Франция находилась под жестким контролем, оккупанты были изгнаны, а французская армия, в свою очередь, заняла Бельгию. Расходы на содержание армии увеличились, несмотря на нестабильность экономики. Для многих политиков в этих сложных условиях выбор был прост: либо Террор, либо гибель революции, распад национального государства.

По тонкому замечанию П. Генифе, «террор не был, как думали контрреволюционеры, прежде всего неизбежным следствием принципов 1789 г., равенства прав и суверенитета народа. Потребовалось, чтобы к потенциальным угрозам, заключенным в подобных устремлениях, добавились и другие факторы. Насилие, свойственное Революции с самого начала и сделавшее с самого же начала террор возможным, было обусловлено особенностями той системы, которую она должна была ниспровергнуть, чтобы утвердить свою легитимность»²⁵. Другими словами, Террор стал порождением и Старого порядка²⁶, и Революции.

Террор, разумеется, ассоциируется со своими жертвами. Мы располагаем противоречивыми данными и оценками современ-

ников о числе жертв и об оправданности смертных приговоров. По мнению Г. Уэллса, нет письменных свидетельств, что французские революционеры кого-то намеренно подвергали пыткам во время террора. «Несколько сотен французских дворян попали в яму, которую они сами вырыли для других. Это было трагично, но по масштабам всемирной истории это не было большой трагедией. Простой человек во Франции был более свободным, лучше обеспеченным материально и более счастливым во время «террора», чем в 1787 году»²⁷.

Данные от Д. Грира говорят о большом количестве жертв (35–40 тыс, без учета погибших в ходе вандейских войн) и о большом количестве умерших в тюрьмах (8–13 тыс. чел.)²⁸. Надо отметить и то, что Террор «был направлен не только против политической, но и против экономической контрреволюции: он широко применялся против спекулянтов»²⁹.

Логика объективного подхода к исторической проблеме исключает рассматривание Террора как сугубо отрицательного явления (это при том, что слово «террор» ассоциируется с чем-то ужасным). Очевидно, что это явление было возможным не только из-за воли небольшой правящей элиты, но и благодаря уникальному историческому климату – революционному. Сложно не согласиться с тем, что свою роль в создании условий для Революции и Террора сыграл Старый порядок. Революция осудила и лишила жизни самого короля, поэтому неудивительно, что цена человеческой жизни значительно снизилась на фоне новых идеалов и ценностей. Новое государство оказалось враждебной мишенью практически для всей Европы. Именно в условиях Террора, когда тысячи людей насильно лишались жизни, формировалась победоносная французская армия, которую ждали, как известно, большие успехи.

Примечания

1. Цит. по: *Гениффе П.* Марат – идеолог Террора // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 152.

2. Якобинский этап длился с 2 июня 1793 до 27 июля 1794 гг.

3. Декрет о смене административных, муниципальных и судебных властей 22–25 сентября 1792 г. // Документы истории Великой Французской революции. В 2 т. / А.В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 208.

4. Декрет об упразднении должности национальных комиссаров при уголовных трибуналах и передаче их функций общественным обвинителям 20–22 октября 1792 г. // Документы истории Великой Французской революции. С. 208.

5. Собыль А. От Террора к Консульству: национальная проблема и социальные реальности // Французский ежегодник 1971. М.: Наука, 1973. // URL: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm (дата обращения: 16.08.12.).

6. Принятие декрета о создании Чрезвычайного уголовного трибунала в Париже 10 марта 1793 г. // Документы истории Великой Французской революции. В 2 т. Т. 1. С. 210.

7. Речь представителя депутации от Якобинского клуба, пришедшей вместе с комиссарами 48 секций, в Национальном конвенте 5 сентября 1793 г. // Документы истории Великой Французской революции. С. 264.

8. Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г. // Документы истории Великой Французской революции. С. 265.

9. Постановление Парижской коммуны о том, кого считать подозрительными 19 вандемьера II г. (10 октября 1793 г.) // Документы истории Великой Французской революции. С. 266.

10. Эбертисты, возглавляемые Ж. Эбером, стремились к более решительной борьбе с контрреволюцией. Потерпели политическое поражение после неудачной попытки переворота. Примечательно, что Террор поглотил тех, кто выступал за его усиление.

11. Дантониисты – правое крыло якобинцев, выступавшее за смягчение революционного Террора и отмену максимума. Лидеры – Ж. Дантон, К. Демулен и др. Были ликвидированы в начале апреля 1794 г.

12. Жак-Рене Эбер (1757–1794) – один из самых радикальных якобинцев. После неудачной попытки переворота в марте 1794 г. был осужден и гильотинирован 24 марта 1794 г.

13. Жорж Жак Дантон (1759–1794) – одна из ярчайших политических фигур в эпоху Революции. Последний выбранный им политический курс предполагал ослабление Террора и уменьшение числа казней. Выдающиеся личные качества у него сочетались с распутством и продажностью. Дантон являлся, пожалуй, самым опасным соперником Робеспьера. Был обвинен в участии в политическом заговоре и казнен 5 апреля 1794 г.

14. Максимилиен Робеспьер (1758–1794) – один из популярнейших революционеров, лидер якобинцев. Противоречивая личность – с одной стороны, неподкупность и скромность в быту, с другой стороны, утопичность идей и использование крайних методов управления. Он достиг апогея могущества в начале 1794 г., но вскоре был свергнут в ходе переворота 27 июля (термидорианский переворот). Казнен на следующий день.

15. Луи Антуан Сен-Жюст (1767–1794) – сподвижник Робеспьера, талантливый оратор. После термидорианского переворота, как один из триумвиров, был отправлен на гильотину.

16. Жорж Кутон (1755–1794) – известный революционер, один из триумвиров. Был активным администратором, инициатором упрощения судопроизводства для ускорения вынесения смертных приговоров. Казнен термидорианцами 28 июля 1794 г.

17. Фюре Ф. Постигание Французской революции / Пер. с фр. Д.В. Соловьева. СПб: ИНАПРЕСС, 1998. // URL: <http://liberte.newmail.ru/L-Books/Furet.html> (дата обращения: 19.08.12).

18. Гениффе П. Французская революция и террор // Французский ежегодник 2000. М., 2000. // URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Genife-2000.html> (дата обращения: 04.08.12).

19. Матъез А. Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

20. Собуль А. Руссо и якобинизм // Французский ежегодник 1964. М., 1965.

21. Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS, 2006. С. 48.

22. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С. 112.

23. Цит по: Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения Робеспьера // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 289.

24. Гениффе П. Указ. соч.

25. Там же.

26. Термином «Старый порядок» в историографии нередко называют Францию до 1789 г.

27. Уэллс Г. Очерки истории Цивилизации. М.: Эксмо, 2004. С. 123.

28. Последствия революционного террора согласно подсчетам английского исследования Д. Грира (данные относятся к периоду с марта 1793 по август 1794 г.) // Документы истории Великой Французской революции. В 2 т. / А.В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 277.

29. Всемирная история в 10 томах / Глав. ред. Е.М. Жуков. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1956. С. 46. Т. 6.

*А.А. Коновалов,
А.Р. Атабиева,
(г. Нальчик)*

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА КАК АКТОР ПРОЦЕССА ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Проблема «Россия и Европа» является своеобразной константой русского общественного сознания, с особой остротой заявляющей о себе в переломные исторические периоды. XIX век в истории России является именно таковым.

Сегодня европейские эксперты (политологи, историки, философы) с осторожным оптимизмом видят в будущем Европы Россию как необходимую ее часть. Начиная с XVIII века Российская империя сама выступила инициатором процесса европеизации. Верховная власть, просвещенный слой общества, социально активные горожане в ходе культурного контакта с Европой не отказались от понимания идей и ценностей «неизвестной культуры», а, напротив, оказались способны принять, синтезировать и отреагировать на них.

Реформами Петра Великого (1672–1725) открывалась новая страница в истории Российского государства. Исчерпав свои исключительно национальные элементы, преодолев свою замкнутость, Россия стала частью Европы. Совершенное Петром не было историческим экспромтом, его реформаторская деятельность была «предсказана» насущными и неотложными государственными нуждами, основывалась на учете социально-экономического состояния страны и ее прошлого, она выражала те запросы российского общества, которые поставило перед ним время, и которые, так или иначе, в той или другой форме фиксировались сознанием передовых слоев российского общества.

Было положено начало секуляризации и институционализации отечественной культуры, развитию светского образования, культурному диалогу с Европой, что послужило базой для дальнейшего развития национального самосознания, для историко-философских моделей будущего России – в соответствии с ее новым положением в европейском цивилизационном процессе.

Существенное значение имел еще один момент. Реформы Петра сопровождались резким разрывом с традиционными формами быта, порой искусственным насаждением образцов западного образа жизни. Это с неизбежностью ставило вопрос об исторической роли России в контексте остро протекавшей и обсуждавшейся в общественной мысли борьбы старого и нового, традиций и новаций. Именно с этих позиций, под этим углом зрения в дальнейшем будут обсуждаться проблемы исторической миссии России и ее отношения к Европе¹.

Государственная власть в России постоянно стремилась к трансформации политического сознания, пытаясь создать соответствующие структуры, оправдывающие ее деятельность. Таковыми преобладающими структурами были, прежде всего, этатизм и патернализм.

Начиная с преобразований Петра I в России складывается особый тип «всепоглощающего государства», символом которого стало «отеческое», бюрократическое попечительство «вождя-государя» и государственной власти о «благе народа», общественной и личной пользе своих подданных.

Если страны Западной Европы в это время сменили эволюционный путь развития на инновационный, Россия перешла от эволюционного к мобилизационному. Он осуществлялся за счет сознательного и насильственного вмешательства государственной власти в механизмы функционирования общества. Этот путь развития представлял собой один из способов адаптации социально-экономической системы к реальностям изменяющегося мира и заключался в систематическом обращении в условиях стагнации или кризиса к чрезвычайным мерам для достижения экстраординарных целей, представляющих собой выраженные в крайних формах условия выживания общества и его институтов².

Политическая культура рубежа столетий находила свое выражение в первую очередь в общественно-политической мысли российских дворян-интеллектуалов, которые являлись субъек-

том диалога государства и общества. Этот диалог не был общением равных. Из диалога с государством была исключена значительная часть общества, кроме того, власть воспринимала только те идеи, циркулировавшие в политической культуре империи, которые могли быть безболезненно встроены в уже существующую систему социально-политических отношений. Такая ограниченность политического диалога, в конечном счете, привела к радикализации политической культуры.

Формирующаяся на рубеже XVIII–XIX вв. российская либеральная политическая традиция была в определенной степени компилятивной. Однако политическая и интеллектуальная элита заимствовала западноевропейские идеи не механически, она пыталась их самостоятельно проработать и реализовать на практике.

В эпоху Просвещения Россия воспринимала Европу как культурно-идеологический монолит. В начале XIX в., когда обозначился кризис просветительского сознания, отчетливо проявилась двойственность в отношении Европы. Еще в своем «Наказе», подводя итог петровским преобразованиям, Екатерина II твердо объявила своим подданным: «Россия есть Европейская держава». Это было не только внушение, не только постановка культурно-исторической и политической задачи, но и в значительной степени констатация факта: раз христиане – значит европейцы. Доказывала императрица свое утверждение ссылкой на успех введенных Петром I «нравов и обычаев европейских». Прежние же наши нравы, по мнению Екатерины, были нам не органичны, возникли из «смешения разных народов», усвоения из обычаев, чуждых «европейскому народу», поэтому так благотворны оказались и сравнительно легко привились петровские реформы, вернувшие Россию в Европу. С тех пор проблема органичности для нас европейских принципов жизни – сущностная и почти государственная по важности.

Большую роль в развитии европеизма в России, то есть в процессе усвоения плодов европейской цивилизации и различных тенденций европейской мысли, сыграла политика Александра I. Во время его царствования Россия вступила на широкий путь международного политического общения, и современники высказывали мнение, что «европейский» период российской истории начинается, в сущности, с восшествия на престол Александра I³.

Новый, XIX век ознаменовал собой «дней Александровых прекрасное начало». Огромные надежды возлагались на нового императора. Россия приветствовала царствование Александра I «как эру освобождения, как зарю прекрасного дня». Усвоив уроки павловской тирании, дворянское общество столь же серьезно подошло к осмыслению опыта Французской революции. Насилие и междоусобие осуждал возвращенный к активной общественной деятельности А.Н. Радищев. Его последователь И.П. Панин называл революционную французскую конституцию «ужасной по действиям и соблазнительной по правилам». Общество утратило интерес к «неподготовленным переменам», как тогда именовали революционные перевороты, и к республиканским идеям⁴.

Первый период правления Александра I можно связать с политикой «просвещенного абсолютизма». Для отступления от ее принципа не существовало серьезных внутренних причин: никаких изменений в расстановке социальных сил не произошло, консервативная часть дворянства сплотилась вокруг самодержавия; все это давало возможность противопоставить революционным идеям подновленные принципы просвещения⁵. Но вместе с тем к началу века общественная жизнь ушла далеко от оптимистической веры в непобедимое влияние разумных законов, от уверенности в спасительной силе традиционного самодержавия, ибо с XIX в. началось осмысление опыта Французской революции, а в России – и феномена павловского правления⁶.

К моменту своего воцарения Александр I исповедовал ту степень либерализма, которая была вообще возможна в его время, и если его намерениям в конце концов не суждено было осуществиться – в этом не столько его вина, сколько обычная беда русских реформаторов, чьи проекты входили в непримиримое противоречие с российской реальностью. При всей обнаружившейся в дальнейшем непоследовательности воззрений Александра I и неизбежных коррективах, внесенных в них возрастом, опытом и обстоятельствами, реформаторская составляющая преобладала в его царствование и, не принося вещественных результатов, обуславливала постоянное стимулирование общественной мысли⁷.

Александр I попытался решить проблему смягчения крепостного права и политического режима в стране. Во всяком

случае, император и узкий круг его доверенных лиц несколько раз принимались за выработку подходов к этим проблемам.

Серьезные сдвиги в национально-историческом сознании русской интеллигенции наметились после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1815 гг. В заграничном походе русских войск произошло первое массовое знакомство с Западной Европой. Оно не только вызвало горькое разочарование в собственной отсталости, но и породило надежды на либерализацию внутреннего строя, на отмену крепостного права, на некоторое уравнивание прав сословий, введение свободы печати, гласного суда с участием присяжных, учреждение выборных волостных, уездных и губернских правлений, на сокращение военной службы, изменение формы правления⁸.

Этот период (то есть период заграничных походов) – время политического и даже в некотором смысле бытового европеизма. Патриотизм солдат и офицеров переплетался с осознанием общеевропейского единства.

Общественные настроения того времени тонко передал Пушкин: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им на встречу. Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri – Quatre*, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обещанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!»⁹.

В политической области Александр I, как когда-то Карл V, прилагал усилия к тому, чтобы после Венского конгресса народы Европы стали «членами единого народа» под именем христианской нации. Об этом он писал в Акте о Священном союзе 1815 г. Министр финансов Д.А. Гурьев разрабатывал проекты европейской «федеративной системы финансов и торговли» и «европейских федеративных денег». Факт знаменательный. В те годы «европейское единство» не состоялось из-за последовательного противодействия Англии, которая наживалась на бедах континентальной Европы.

Идеи европеизма всецело разделяли тогда и политические противники правительства. И Александр I, и Павел Пестель верили в единство исторических судеб российского и других ев-

ропейских народов. Но если Александр I возглавил объединение Европы в рамках Священного союза во имя восстановления «старого порядка» и старых династий, то декабристы осознавали свою причастность к общеевропейскому революционному движению.

Император Александр I, находясь в зените своей европейской славы, строил планы переустройства России и Европы на новых началах справедливости, братства, права и христианской морали. Он готовился «дать Конституцию» России и предлагал для достижения этой цели воспользоваться услугами известного философа И. Бентама. Серьезность его подхода к обустройству «европейской семьи» видна в проекте акта о Священном союзе европейских монархов. В текст, составленный российским императором, австрийский император внес правки, предлагая опустить слова: «порядком, основанным единственно на высоких истинах», «на будущие времена» и ряд других. Но предложенные Александром понятия европейского «единого народа христианского», «единого семейства» Европы и управления на принципах «святой веры», «по заповедям любви, правды и мира» остались в документе как памятник первой в истории Европы попытки обосновать общие принципы европейского мира.

Правительство Александра I принимало известные меры, которые можно истолковать в духе строения единой нации. Но в правящем слое России не оказалось ни авторитетных мыслителей, ни дальновидных политиков, которые умели бы настоять на крупных переменах, связанных, помимо прочего, с модернизацией экономических и социальных отношений. Государственная Уставная грамота 1820 г. осталась проектом¹⁰.

В годы Александра I могло казаться, что процесс европеизации России доходит до крайних своих пределов. Разработка проектов политического преобразования империи подготавливала переход русского государственного строя к европейским формам государственности; эпоха конгрессов вводила Россию органической частью в «европейский концерт» международных связей, а внешнюю политику – в рамки общеевропейской политической системы; конституционное Царство Польское становилось... образцом общего переустройства империи»¹¹.

Особенностью александровского времени было то, что консервативные и умеренно либеральные воззрения облекались в патриотические одежды, прямо служили делу национального

самосознания и зачастую принимали формы, оппозиционные самодержавной власти. И напротив, долгое время, вплоть до расцвета аракчеевщины, либерально-конституционные и радикальные идеи, так или иначе ориентированные на западно-европейские образцы, были несамостоятельны и опирались на правительственный реформизм. Эта ситуация, необычная для более поздних периодов истории российского общества, воспроизводила ситуацию XVIII века, когда, говоря словами Пушкина, правительство было «единственным европейцем и самодержавная инициатива определяла характер политического и общественного развития. Ни народные массы, ни те или иные сословия или сословные группы, ни общественное мнение, ни армия и ее офицерский корпус не служили ей противовесом. Однако именно в александровское время положение стало меняться, что нашло выражение в движении декабристов.

После 1820 г. император Александр I окончательно расстался с конституционными мечтами своей юности, и Россия вступила в полосу правительственной реакции. Начался разрыв негласного союза интеллигенции с царем. Декабрьское восстание 14 декабря 1825 г. было знаком крушения надежд на преобразования «сверху»¹².

Что интересно, Александр I, зная о существовании тайных обществ и готовящихся ими планах, практически ничего не предпринимал.

Когда император Александр получил первые доклады о происходящем движении, он отнесся к ним так, что смутил докладчиков. «Вы знаете, – сказал он одному докладчику, – что я сам разделял и поддерживал эти иллюзии; не мне их карать!»¹³. Александр I понимал, что тайные общества, декабристы – все это «детища» его собственной политики.

В екатерининское и александровское время мысль о принадлежности России к Европе была общим местом, в сущности, ей не придавали особого значения. Неудача выступления декабристов привела к принципиальному изменению общественной, идейной ситуации. Важнейший идеологический документ николаевской эпохи, манифест 13 июля 1826 г., в котором сообщалось о казни декабристов, содержал утверждение: «Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел... Сердце России для него было и будет неприступно. Не посрамиться имя русское изменою престолу и отечеству». Дворянству предлагалось

предпринять «подвиг к усовершенствованию отечественного, не чужеземного воспитания»¹⁴.

Таким образом, произошло противопоставление России Западу (Европе). Это противопоставление теперь было возведено в ранг составной части официальной идеологии.

Под влиянием Французской буржуазной революции и пугачевского восстания, восстания декабристов и варварской расправы над его участниками произошел отход от европеизации. На этой почве произошло резкое размежевание в рядах интеллигенции: служилая интеллигенция откровенно (за малым исключением) превращается в бюрократию, озабоченную карьерой и выработкой охранительной идеологии; просвещенная интеллигенция, отторгнутая от служения Отечеству, все более замыкается в кружках, компенсируя это бескорыстием высоких идей. Отсюда – сознательный поворот к философской рефлексии по поводу драматичности исторических судеб России в сравнении с Европой и по поводу ее мессианского предназначения.

Россия XIX века являла собой образец сложной социокультурной амальгамы. Верхние слои общества жили в соответствии с нормами, распространенными в странах Западной Европы. Часть аристократии настолько «европеизировалась», что для них французский язык фактически стал родным. Именно в этот период сложился напряженный идейно-интеллектуальный ландшафт; главенствующее положение в умах высших образованных кругов постепенно занимают консервативные и традиционалистские идеалы, лишь отдельные умеренно либерально настроенные представители элиты придерживались просвещенческих и конституционалистских идей. Внешнеполитические обстоятельства (революционные события на Западе, наполеоновские войны, война 1812 г.) определили подавляющий перевес консервативных настроений в русском обществе в целом, вследствие чего модернизационные инициативы власти не могли получить развития. В это время доминантой общественно-политической мысли стало отношение России к Европе. Бинарная структура российской политической культуры в каждый ответственный или кризисный момент отечественной истории выстраивалась как спор, полемика, диалог о самом существенном и насущном. Общественно-историческая мысль рубежа столетий представляла амбивалентное явление. Европеизм не сводился к единому основанию, происходил раскол в рамках одного сознания.

Что касается представителей царствующей династии и их окружения, то никогда не возникало сомнения в том, что Российская империя является европейской державой. Это не противоречило их убеждению, что Россия во многом отличается от других стран континента. Главное отличие, как они считали, состоит в том, что сочетание самодержавной формы правления с воспитанным православной церковью отношением народа к царю позволит сохранить единство власти и общества и противостоять пагубным влияниям Запада.

Примечания

1. Новикова Л.Н., Сиземская И.Н. Русская философия истории. СПб., 2001. С. 74.
2. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3-х ч. СПб., 2004.
3. Александр I. Личность, правление. М., 1991. С. 4.
4. Цимбаев Н.И. История России XIX – начала XX вв. М., 2004. С. 56.
5. Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 53.
6. Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII – XVIII вв. М., 1964. С. 457.
7. Бокова В.М. Беспокойный дух времени // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. С. 37.
8. Введение в русскую философию / Под ред. В.В. Лазарева, А.И. Абрамова. М., 1995. С. 35.
9. Цит. по: Цимбаев Н.И. Европеизм как категория национального сознания // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. С. 444.
10. Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 71.
11. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Л., 1925. С. 15.
12. Цит. по: Введение в русскую философию / Под ред. В.В. Лазарева, А.И. Абрамова. М., 1995. С. 36.
13. Платонов С.Ф. Курс русской истории. М., 2006. С. 547.
14. Цимбаев Н.И. Европеизм как категория национального сознания // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. С. 446.

А.Н. Дзагова
(г. Нальчик)

РОЛЬ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮ- ТИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Одним из институтов, характеризовавших функционирование власти в период становления абсолютизма в России, выступал Земский собор – центральный сословно-представительный орган управления середины XVI–XVII вв. Необходим ли был Земский собор при абсолютизме, и какова была его роль в процессе становления формы правления, при которой вся полнота управленческих функций находилась в руках одного правителя?

Земский собор как представительный орган был двухпалатным. В верхнюю палату входили царь, Боярская дума и Освященный собор, которые не избирались, а участвовали в ней в соответствии с занимаемым положением. Члены нижней палаты были выборными¹. С.О. Кристенсен отмечает: «Научные точки зрения на сословные собрания как имеющие ограниченные или неограниченные функции по отношению к царской власти играют решающую роль в оценке характера государственной власти и при ее периодизации»².

Существуют разные мнения о роли Земских соборов в России. Одно из них принадлежит А.Н. Зерцалову и состоит оно в том, что существование Земских соборов было сравнительно непродолжительным и не имело большого влияния на общественное развитие России, потому что они, во-первых, не собирались самостоятельно, – их созывал монарх, чаще всего для поддержания своей политики; во-вторых, сословно-представительный орган не

мог развиваться в России из-за того, что все сословия по большому счету были одинаково бесправны перед неограниченной царской властью независимо от знатности и богатства³.

Другое мнение принадлежит И.Д. Беляеву, который полагает, что земские соборы, во-первых, способствовали преодолению остатков феодальной раздробленности как в политическом так и в психологическом плане, а во-вторых – ускорили проведение реформ в суде и местном самоуправлении, поскольку у различных сословий общества появилась возможность информировать верховную власть о своих нуждах⁴.

Земские соборы XVI–XVII вв. по вполне объективным причинам не породили устойчивого сословного представительства в России, однако сыграли немалую роль в преодолении кризисов и развития русского общества в XVI–XVII вв.

Общественная активность достигла своего пика в период 1648–1650 гг., когда по инициативе сословий в обстановке обострившихся социальных противоречий и открытых выступлений был созван Земский собор 1649 г., завершившийся принятием Соборного Уложения, многие статьи которого были составлены по материалам челобитных от различных сословий. Н.П. Ерошкин отмечает, что это один из важнейших земских соборов, собравшийся в условиях ожесточенной классовой борьбы в стране⁵. А городское восстание в Пскове стало причиной созыва Земского собора 1650 г. Земские соборы 1649 и 1650 гг. сняли острые проявления социального кризиса и способствовали нормализации обстановки в стране.

А.В. Черепнин, отмечая высокую общественную активность, пишет: «Но уже в преддверии абсолютизма выступления господствующих сословий на земских соборах оказывают воздействие на пути и характер эволюции аппарата самодержавия. Это можно сказать о соборе относительно Азова 1642 г. и особенно об «уложенном» соборе 1648–1649 гг., на котором был издан при участии сословных представителей правовой кодекс, определивший облик централизованной абсолютной монархии»⁶.

В начале 50-х годов XVII в. первостепенную важность вновь приобретают внешнеполитические вопросы – присоединение Украины к России и неизбежная война с Польшей. Земский собор 1653 г. принял постановление о вхождении Украины в состав Русского государства. Он рассматривается как последний собор, на котором присутствовали представители различных сословий.

Однако соборная практика имела место и во второй половине XVII в. Есть данные о Соборе государственных, ратных и земских дел 1681–1682 гг., о Земских соборах 1682 г. (об отмене местничества и избрании на царство). Известен указ о созыве несостоявшегося из-за продолжавшихся военных действий Земского собора 1689 г., целью которого было обсуждение условий Вечного мира с Речью Посполитой. Эти соборы иногда называют совещаниями из-за неполноты их состава, однако они являлись продолжением соборной традиции в условиях формирующегося абсолютизма.

Н.П. Ерошкин отмечает, что «после 1653 г. земские соборы являлись, по существу, совещаниями царя с представителями определенных сословий. Земские соборы способствовали укреплению самодержавной власти царя и государственного аппарата. Созывая земский собор, правительство рассчитывало на получение от его членов информации о положении дел на местах, а также на моральную поддержку с их стороны различных внешнеполитических, финансовых и прочих мероприятий. Дворяне-помещики и посадские через земские соборы разрешали свои дела, минуя приказную волокиту.

Прекращение созыва земских соборов тесно связано с глубокими социально-экономическими изменениями, происшедшими в Русском государстве к середине XVII в. Восстановление экономики страны и дальнейшее развитие феодального хозяйства позволили укрепить государственный строй страны с самодержавной монархией, бюрократическим аппаратом приказов и воевод. Правительство уже не нуждалось в моральной поддержке «всей земли» своих внутри- и внешнеполитических начинаний. Удовлетворенное окончательным закрепощением крестьян, поместное дворянство потеряло интерес к земским соборам. С 60-х гг. XVII в. земские соборы переродились в узкие по составу сословные совещания»⁷.

Земские соборы не были случайным для России, «наносным» или заимствованным институтом. Это было органическое явление русской жизни. Когда правительство во второй половине XVII в. от «совета» с соборами стало переходить к совещаниям с комиссиями сословий, это вызвало неодобрение. И в XVIII столетии, при Петре, в век абсолютизма, о соборах еще вспоминала общественно-политическая мысль⁸.

Характеризуя причины сворачивания деятельности Земских соборов, В.И. Быстренко указывает: «с 60-х гг. XVII века земские

соборы перестали собираться: правительство окрепло и уже не нуждалось в «моральной» поддержке «всей земли»⁹. В.Д. Назаров считает, что «в условиях эволюции государственно-политического строя России к абсолютизму Земские соборы потеряли значение к концу XVII в.»¹⁰. И.Г. Шишкин дает такой анализ политическому развитию XVI–XVII вв.: «В России XVI–XVII в. имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления»¹¹. О.В. Морова отмечает: «Исходя из своих убеждений, историки по-разному трактовали роль и значение Земских соборов: одни – как инструмент информационной связи центра и «земли» (В.О. Ключевский), другие – как орган, эволюционировавший в первой половине XVII в. (М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, Н.П. Ерошкин и др.)»¹².

Во второй половине XVII в. возникла не только необходимость, но и возможность установления абсолютной монархии. Такая возможность была подготовлена развитием государства в предыдущий период. Вместо своевольного дворянского ополчения было создано постоянное войско. Развитие приказной системы подготовило армию чиновничества. Царь получил независимые источники дохода в виде ясака и винной монополии. Теперь ему не нужно было испрашивать разрешения у земских соборов на начало войны или иное серьезное мероприятие. Необходимость в сословно-представительных органах отпала¹³.

Таким образом, во второй половине XVII века наблюдается тенденция утрачивания важной роли Земских соборов. Несмотря на то что исследователи трактуют по-разному сущность и значение Земских соборов, стоит согласиться с теми, кто указывает на сворачивание деятельности Земских соборов и на то, что власть в этот период уже не нуждалась в сословно-представительных учреждениях.

Примечания

1. Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/69775> (дата обращения: 13.09.2011).
2. Кристенсен С.О. История России XVII в. М., 1989. С. 52.
3. Платонов С.Ф. Указ. соч.
4. Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. М., 1902. С. 9–15.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 65.

6. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 391.
7. Ерошкин Н.П. Указ соч. С. 67.
8. Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 391.
9. Быстренко В.И. История государственного управления и самоуправления в России. М., 1997. С. 19.
10. Назаров В.Д. Земские соборы // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 2 М., 1996. С. 262.
11. Шишкин И.Г. Пути развития политической системы России XV–XVII вв. в исторических исследованиях конца XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2009. № 1. С. 39.
12. Морова О.В. Земские соборы. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения 22.10.2011).
13. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1988. С. 14.

*Ю.В. Бунькова,
Б.Д. Хочуев,
(г. Нальчик)*

ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В XIX ВЕКЕ

Великобритания – это государство с уникальной политической историей, имеющее устойчивые традиции гражданского общества и государственного устройства. Основы современной партийно-политической системы Великобритании сформировались в Новое время.

В данной статье мы хотели бы обратиться к проблеме, являющейся важной для понимания процесса становления современной партийно-политической системы Великобритании. С этой целью мы сконцентрируем внимание на взаимосвязи изменений государственного строя и модернизации партийной системы в XIX веке.

Английский конституционализм имел революционные импульсы для своего развития только в XVII веке. В последующем его эволюция связана уже исключительно с реформами. В истории английского конституционализма XIX век занимает особое место, так как именно в это время была произведена полномасштабная модернизация государственного строя Великобритании. Важнейшими ее компонентами явились три избирательные реформы (1832, 1867 и 1884–1885 гг.).

С эволюцией английского конституционализма в XIX веке тесно связано развитие партийной системы Великобритании. Возникшая во второй половине XVII века, она именно в XIX веке в результате модернизационных процессов приобрела современные черты. Парламентские группировки трансформирова-

лись в политические партии, изменились формы, методы предвыборных кампаний, черты партийной структуры, появилась кабинетная система управления. В то же время реформирование государственного строя представляло собой важный сегмент политики реформизма либеральных и консервативных кабинетов в последней трети XIX века.

В 1832 г. в Великобритании была проведена первая реформа избирательного права, положившая начало переходу от средневекового избирательного принципа равного представительства от корпоративных единиц к новому демократическому принципу представительства от количества населения. В результате реформы было произведено перераспределение мест в палате общин и увеличен электорат.

Результаты реформы 1832 г. играли важную роль в истории взаимодействия институтов законодательной и исполнительной власти, их взаимоотношений с обществом¹. Так, после первой избирательной реформы корона уже не могла влиять на расстановку сил в парламенте. Кабинет теперь формировался по принципу избранного партийного большинства. Борьба за парламентскую реформу 1832 г. оказала существенное влияние на процесс трансформации парламентских партий в партии политические, что было неразрывно связано с созданием многочисленных организаций, формированием идеологии консерватизма и либерализма².

Следствием парламентской реформы 1832 г. явилось изменение форм и методов ведения кандидатами предвыборной кампании. У представителей парламентских группировок возникла необходимость бороться за голоса избирателей. Это привело к созданию политических клубов, игравших роль «партийных» организаций, которые осуществляли руководство избирательной кампанией. Появились «партийные» списки. Получили распространение предвыборные поездки депутатов и предвыборные митинги. Большую роль в проведении предвыборной кампании играла печать. Именно с этого времени начинается настоящая предвыборная «война памфлетов». Причем либеральная публицистика была гораздо активнее и острее консервативной. Однако консерваторы гораздо щедрее финансировали свои избирательные кампании, что способствовало лучшей организации выборов³.

В последней трети XIX века либералами и консерваторами была осуществлена демократизация государственного строя Великобритании, достигнутая в результате реформирования изби-

рательной системы, местного управления и судебной системы. Так, на этот период приходится проведение второй и третьей избирательных реформ, две реформы местного управления, а также принятие законов, касающихся процедуры голосования и избирательных кампаний.

В 1866 г. Б. Дизраэли сумел провалить билль В. Гладстона. Однако когда Консерваторы пришли к власти, Б. Дизраэли провел реформу, которая в конечном итоге оказалась более далеко идущей, чем билль В. Гладстона. В 1867 г. была проведена вторая избирательная реформа. Отныне избирательными правами стали пользоваться не только собственники жилья, но и наниматели (арендаторы) квартир, если стоимость найма превышала 10 фунтов стерлингов в год, а ценз оседлости составлял не менее 12 месяцев⁴. Акт также предусматривал перераспределение мест. Но оно не устраняло диспропорции английской представительной системы.

В последней трети XIX века партийная структура приобрела примерно тот вид, который она сохраняет по сей день, причем параллельно возрастала роль партийного руководства и механизма.

Закономерным итогом избирательной реформы 1867 г. является реорганизация английских партий. Значительно увеличившийся после 1867 г. электорат практически исключал индивидуальную работу с каждым избирателем, как это было раньше. Утратили свою эффективность и традиционные приемы привлечения голосующих на свою сторону – давление на них или подкуп. Необходимость новых методов агитации, рассчитанных на массового избирателя, стала особенно настоятельной после введения в 1872 г. тайной подачи голосов. Для этого была нужна хорошая организация и аппарат специально подготовленных работников⁵.

Консерваторы начали упорядочение партийной структуры под руководством Б. Дизраэли. В 1867 г. были основаны Национальный союз консерваторов и Конституционные ассоциации; после неудачи на выборах 1868 г., которую Б. Дизраэли приписал плохой организации, создается центральное бюро консерваторов.

Национальная федерация либералов была учреждена в 1877 г., и это вскоре привело к строгой централизации всей предвыборной деятельности партии. С 1880 г. местные ассоци-

ации выдвигали кандидатов только при условии их согласия с партийной программой.

Первый секретарь Национальной федерации либералов Ф. Шандхорст, проводивший линию инициатора партийной организации Дж. Чемберлена, заявил в 1891 г., что делегаты собираются не для того чтобы выразить свое мнение, а для того чтобы выслушать, какие меры может принять руководство партии.

Консерваторы, убедившись в эффективности новшеств Чемберлена, стали их перенимать. Это привело к тому, что политику партии стали определять лидеры, консультирующиеся с Центральным бюро⁶.

После проведения второй избирательной реформы курс на демократизацию государственного строя был продолжен.

В 1871 г. была проведена первая серьезная реформа армии Великобритании – реформа Кардвелла⁷. Был отменен обычай продавать офицерские должности в армии. Теперь их замещение зависело от успешно сданных экзаменов и выслуги лет.

Реформированию подверглась и организация судебной системы.

Следует отметить проведенные реформы избирательной системы. В соответствии с законом 1872 г. в Великобритании было введено тайное голосование при выборах в палату общин. В законе был закреплен механизм контроля соблюдения тайны голосования и предотвращения фальсификации во время проведения выборов посредством вбрасывания дополнительных бюллетеней⁸.

В 1883 и 1889 гг. были приняты законы, ограничивавшие расходы на проведение избирательных кампаний; была осуществлена квалификация избирательных преступлений и усилена ответственность за них⁹. Считается, что именно в Великобритании в 1883 г. был сделан первый шаг в деле установления предельного размера избирательных расходов¹⁰.

Третья избирательная реформа (1884–1885 гг.) представляла собой наиболее значительный результат работы второго кабинета В. Гладстона (1880–1885 гг.). Она устанавливала единую систему получения права голоса. На жителей графств были распространены те же условия, которые предусматривались второй избирательной реформой (1867 г.) для населения городских округов. Согласно закону о народном представительстве (1884 г.) избирателями становились владельцы, арендаторы и квартиросъемщики, подпадавшие под имущественный ценз в 10 фун-

тов стерлингов, уплатившие все налоги за год, предшествующий их регистрации в качестве избирателей и прожившие не менее 12 месяцев в городе или графстве. Численность электората возросла в стране в 1,5 раза: с 3 млн. 110 тыс. до 5 млн. 708 тыс. человек, процент избирателей увеличился с 25 до 58 всего взрослого мужского населения¹¹.

В 1885 г. был принят закон о перераспределении избирательных округов.

Третьей избирательной реформе, в отличие от реформ 1832 г. и 1867 г., не предшествовало общественное движение так называемого «давления извне».

Местное управление в Великобритании XIX века было реорганизовано на основании законов 1835 г., 1888 г. и 1894 г. По закону 1888 г.¹², принятому в период нахождения у власти консервативного кабинета Р. Солсбери, прежняя система графств была пересмотрена. Были введены местные представительные органы для графств, а также для городов-графств – как новой единицы управления.

Либералы завершили реформирование местного управления. В марте 1894 г. была проведена реформа приходов – низшей административной единицы сельской местности. Для решения нецерковных, гражданских дел в приходах создавались приходские собрания (parish meeting), в которых имели право участвовать все местные плательщики налогов. Закон определял структуру приходских собраний и советов, права и обязанности приходских советов и собраний приходов¹³. До этого в церковных приходах функционировали церковно-приходские советы, возглавляемые священниками официальной (англиканской церкви); последние фактически действовали по указке местного помещика (сквайра). В целом реформа 1894 г. нанесла серьезный удар по влиянию духовенства и земельной аристократии.

Политическая борьба, сопровождавшая избирательные реформы XIX века, привела к окончательной консолидации двух основных партий Великобритании. Оформились их руководящие центры. Возникла практика принятия партийных программ. Начали складываться местные партийные организации. Установилось понятие постоянного партийного членства. Была централизована и усовершенствована предвыборная деятельность.

Демократизация государственного строя Великобритании стала результатом осознанного стратегического выбора в прави-

тельствственной политике. Несмотря на то что избирательная система сохраняла ряд недостатков, политика реформизма и либералов и консерваторов способствовала дальнейшей эволюции английского конституционализма.

Примечания

1. *Айзенштадт М.П.* Власть и общество в Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 251.
2. *Айзенштадт М.П.* Британия нового времени. Политическая история. М.: КДУ, 2007. С. 129.
3. *Романова М.И.* Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/REFORM.HTM> (дата обращения: 05.08.2012).
4. Акт о народном представительстве 1867 г. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2007. С. 45–46.
5. *Узнародов И.М.* Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е – начало 80-х годов XIX века). Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. С. 103.
6. История буржуазного конституционализма XIX в. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. С. 48.
7. *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 179.
8. Закон о тайном голосовании 1872 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки (1870–1914) / Сост. П.И. Остриков, П.П. Вандель. М.: Высшая школа, 1989. С. 123–124.
9. *Кучма В.В.* Государство и право Нового времени (XVII–XIX вв.). Курс лекций. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. С. 63.
10. *Маклаков В.В.* Предисловие // Финансирование политических партий во Франции: правовое регулирование. М., 2010. С. 10.
11. *Колмаков С.А.* Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 94.
12. Закон о местном управлении (1888 г.) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки (1870–1914 гг.) / Сост. П.И. Остриков, П.П. Вандель. С. 133–135.
13. Закон о местном управлении (1894 г.) // Там же. С. 136–137.

УДК – 398.22

Ф.Х. Гулиева (Занукоева),
(г. Нальчик)

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЕ НАРТОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нартский эпос является выдающимся памятником устной словесности карачаевцев и балкарцев. Как известно, он берет свое начало из местного кавказского субстрата и уходит своими корнями вглубь истории данного региона¹. Нартиада является культурным достоянием также и других народов Кавказа (осетин, абхазов, абазин, адыгов, убыхов, чеченцев и ингушей), известна она и некоторым народам Дагестана и отдельным грузинским этническим группам (сванам, рачинцам, хевсурам)². Тем не менее, несмотря на наличие общих сюжетов, образов, персонажей, каждая национальная версия имеет свои отличительные особенности, характерные, индивидуальные черты, не свойственные остальным.

Нартский эпос – образование сложное, содержащее в себе элементы мифологии, черты, присущие историческому эпосу, признаки древнейших исторических эпох (матриархата, военной демократии и т.д.), что свидетельствует о его древности. Он является носителем религиозных представлений, нравственно-этических и эстетических норм создавшего его народа, отражает его менталитет. Вследствие этого становится понятным интерес к нему со стороны различного рода исследователей.

Сбор и публикация материалов карачаево-балкарского нартского эпоса начались во второй половине XIX века и были связаны с деятельностью таких выдающихся представителей русской академической науки и культуры и местной интеллигенции, как П. Остряков, М. Алейников, А.-Б. Боташев, А.Н. Дьячков-Тарасов, академик Вс.Ф. Миллер, Н.П. Тульчинский, Е.З. Баранов

и др. Большую помощь в сборе и переводе произведений карачаево-балкарского устного творчества им оказывали Исмаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы и др., которые и сами принимали активное участие в данном процессе³. Однако в большинстве этих трудов содержались в основном только тексты, иногда сравнения с произведениями фольклора соседних народов. Тем не менее, в некоторых из них мы встречаем и первые опыты анализа фольклорных материалов. В этом плане следует упомянуть публикацию Сафар-Али Урусбиева «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области», которая предваряется авторскими замечаниями «Несколько слов от собирателя и переводчика». Здесь дается список имен нарттов, «про которых сложены песни у горцев», т.е. определяется сюжетный состав и круг героев карачаево-балкарского нартского эпоса, описываются их враги – эмегены, осуществляются географическая локализация событий («по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги»)⁴. По сути данное предисловие является первой попыткой научного изучения карачаево-балкарского нартского эпоса.

В советское время также велась большая работа по сбору, публикации и изучению фольклора.

Нартиада всегда оставалась в центре внимания как ученых, исследователей, так и простых читателей, любителей родного фольклора. Отдельные произведения эпоса «Нарты» в дореволюционный период публиковались в «Вестнике Европы», СМОМПКе, «Терском сборнике» и других изданиях. В советский же период одними из первых публикаций являются сказание «Сосуко и эмеген пятиголовый», напечатанное на языке оригинала в книге «Къарачай фольклор» («Карачаевский фольклор», 1940), и вариант сказания об Ачемеze⁵.

Первая попытка научного изучения карачаево-балкарского фольклора была предпринята во время экспедиции КБНИИ в 1939-м году. К сожалению, из-за начавшейся в 1941-м году Великой Отечественной войны, а затем и депортации балкарского народа в Среднюю Азию собранные участниками экспедиции материалы были опубликованы лишь в 1962 году, после возвращения народа на историческую родину. В данный труд в числе других фольклорных произведений вошли также и «нартские» предания⁶.

Первые записи карачаево-балкарских нартских песен и сказаний в фольклорном фонде КБИГИ, в создание которого внес-

ли неоценимый вклад поэты С.О. Шахмурзаев, С.А. Отаров, фольклорист А.З. Холаев, научные сотрудники С.Б. Настаев, Х.И. Суюнчев, А.М. Теппеев, Х.Х. Малкондуев, А.И. Рахаев, Т.М. Хаджиева, Т.Ш. Биттирова, Ф.А. Урусбиева, М.Ч. Журтубаев, учитель Д.М. Таумурзаев, в Карачае – Р.А.-К. Ортабаева и др.⁷, датируются 1958 годом. В дальнейшем эти материалы часто включались в сборники произведений карачаево-балкарского устного творчества⁸, а также выходили отдельными книгами⁹. На их основе и создавались исследовательские работы о карачаево-балкарской версии нартиады. Длительное время это были отдельные статьи, предисловия к сборникам произведений нартского эпоса или упоминания в главах трудов, посвященных различным вопросам фольклора и литературы¹⁰.

Первым монографическим исследованием в данном направлении стала работа А.З. Холаева «Карачаево-балкарский нартский эпос», в которой автор дал общую характеристику нартских сказаний, их основных сюжетов, особенностей композиции, принципов описания главных героев и постарался продемонстрировать отличительные черты, самобытность данной национальной версии нартиады¹¹.

В 1980 году Т.М. Хаджиева защитила кандидатскую диссертацию, посвященную поэтике балкаро-карачаевских «Нартов»¹².

В 2004 г. в Москве вышла книга М.Ч. Джуртубаева «Карачаево-балкарский героический эпос»¹³.

Имеется опыт анализа эпоса «Нарты» и с лингвистической точки зрения¹⁴.

Несмотря на все вышеуказанное многие вопросы и направления в карачаево-балкарском нартоведении все еще остаются слабо разработанными, проблемными.

На сегодняшний день в архиве КБИГИ содержится значительное количество карачаево-балкарских фольклорных произведений, которые требуется изучить, систематизировать, перевести в электронный формат, извлечь и опубликовать.

В настоящее время сотрудниками сектора карачаево-балкарского фольклора Института готовятся к изданию I том «Антологии народной музыки карачаевцев и балкарцев», включающий и ряд произведений богатырского эпоса «Нарты», и II том «Свода карачаево-балкарского фольклора», в который войдут как ранее изданные, так и публикуемые впервые архивные материалы по карачаево-балкарскому нартскому эпосу, где планируется со-

проводить каждое произведение паспортными данными с указанием исполнителя, времени, места и автора записи, а также научными комментариями.

Таким образом, можно со всей уверенностью утверждать, что на современном этапе в карачаево-балкарском нартоведении имеются основательная база и значительный научный задел для дальнейших изысканий в этой области. Так, сопоставительное изучение данной версии богатырского эпоса позволило бы выявить сходства и различия с другими вариантами «Нартов», определить ее место в общей системе нартиады. Кроме того, подобного рода исследование позволило бы прояснить ряд вопросов, касающихся особенностей ее формирования, влияния на данный процесс культурных контактов с соседними и родственными народами.

Все это свидетельствует об актуальности и перспективности данного направления карачаево-балкарской фольклористики.

Примечания

1. Малкондугев Х.Х. Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8.

2. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 388.

3. Алиева А.И. История записи и публикаций фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 5–6; Сабанчиев Х.-М.А. Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX – начале XX века // Советская тюркология. 1986, № 5. С. 16–20.

4. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 57–58.

5. Ачемез. Старинное карачаевское сказание / Пер. Карачаева. Ворошиловск, 1940.

6. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / Под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 200 с.

7. Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нартла. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жигитлик эпослары (Нарты.

Героический эпос балкарцев и карачаевцев). М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 60.

8. Малкър поэзияны антологиясы (Антология балкарской поэзии) / Подготовили: А. Бозиев, С. Отаров, А. Соттаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 336 с.; Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Сост. А.И. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.; Къарачай-малкър фольклор (Карачаево-балкарский фольклор) / Сост. Р.А.-К Ортабаева. Черкесск, 1987. 342 с.; Малкърлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары: Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: Нартский эпос. Мифологическая и семейно-бытовая поэзия) / Жарашдыргъаны, ал сезю Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.; Къарачай-малкър фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 529 с.; Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): Хрестоматия / Сост. Биттирова Т.Ш., Габаева А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 343 с. и др.

9. Малкър-къарачай нарт таурухла (Балкаро-карачаевские нартские сказания) / Сост. А.З. Холаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1966. 255 с.; Сокровище нартов. Нальчик: Эльбрус, 1970. 106 с.; Дебет златоликий и его друзья: Балкаро-карачаевский нартский эпос / Пер. С. Липкина. Нальчик: Эльбрус, 1973. 156 с.; Нарт жырла бла таурухла (Нартские сказания и песни) / Сост. М. Журтубаев. Нальчик: Эльбрус, 1992. 152 с.; Нартла (Нарты) / Сост. Журтубаев М.Ч., Малкондуев Х.Х. Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 с.; Нартла. Къарачайлыланы бла малкърлыланы жигитлик эпослары (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев). М.: Наука. Восточная литература, 1994. 656 с. и др.

10. Холаев А.З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 282–294; Хаджиева Т.М. Некоторые повествовательные особенности карачаево-балкарского нартского эпоса // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 22–44; Сабанчиев Х.-М.А. Изучение балкаро-карачаевского нартского эпоса в советский период // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения / Сост. З.М. Налоев. Нальчик: КБНИИИФЭ, 1986. Б. 81–91; Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нартла. Къарачайлыланы бла малкърлыланы жигитлик эпослары (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев). М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 8–66; Журтубаев М.Ч., Малкондуев Х.Х. Ал сез (Введение) // Нартла (Нарты) / Сост. Журтубаев М.Ч., Малкондуев Х.Х. Нальчик: Эльбрус, 1995. С. 5–8; Караева А.И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карач.-Черкесск. кн. изд-во, 1961. 60 с.; Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981.

395 с.; *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 166 с. и др.

11. *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 144 с.

12. *Хаджиева Т.М.* Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 18 с.

13. *Джуртубаев М.Ч.* Карачаево-балкарский героический эпос. М.: Поматур, 2004. 288 с.

14. *Этезова Л.С.* Особенности языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 24 с.

Л.Б. Кучмезова,
(г. Нальчик)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Литературный язык, как субстанция, подвергшаяся обработке мастеров слова, обладает определенными нормами, которые имеют следующие признаки: устойчивость, стабильность языкового факта; его распространенность, соответствие закономерностям и тенденциям языка, принципы целесообразности, а также авторитет источника. По справедливому замечанию Ж.М. Гузеева, все эти признаки должны учитываться вместе¹.

Перед исследователями истории языка неизбежно возникает вопрос: следует ли разграничивать историю литературного языка и историю народно-разговорного языка. Историю языков с давней литературной традицией надо составлять отдельно (в зависимости от «возраста» тюркские языки делятся на три группы, в первую входят языки, литературные формы которых существуют на протяжении нескольких столетий, их сравнительно немного; вторую группу составляют языки, литературные формы которых насчитывают небольшой период существования (полвека и меньше). Это – самая большая группа. Третью группу образуют языки, не имеющие литературной формы совсем – историю литературного языка и историю народно-разговорного языка. Литературный язык – ответвление от общенародного, разговорного языка, хронологически более позднее образование, чем язык во всей совокупности диалектов. История литературного языка – это история формирования его норм и стилей, воплощенных в художественных произведениях, в прессе и в устной речи образованного населения. Она складывается из истории донациональной и национальной поры.

Тюркские литературные языки древней (донациональной) поры исследовались В.В. Радловым, А.Н. Самойловичем, П.М. Мелиоранским, С.Е. Маловым, А.К. Боровковым, А.Н. Кононовым и др.² И в настоящее время в этой области работает много исследователей. Расширяется круг задач, ставятся новые вопросы, но сохраняется неизменным лишь структурно-генетический подход к донациональным языкам. Безусловно, изучение графофонетической, грамматической и лексической структур донациональных языков останется одной из важных задач. Но не менее важной задачей является исследование функционально-стилистической структуры данных языков. Исследование этой особенности откроет путь к пониманию статуса донациональных языков и их роли в формировании литературных языков национальной поры.

Динамика процесса в общем виде представлена следующим образом. Язык, зафиксированный памятниками тюркского рунического письма, был структурно разнороден (огузо-уйгурской природы) и носил наддиалектный характер. Им как литературным языком (рунический вариант) во всех стилистических разновидностях пользовались многие древнетюркские племена (огузы, уйгуры, кыпчаки и др.). После IX века турфанские уйгуры, сохраняя основы рунического койне (общенародный язык, возникший на основе какого-либо господствующего диалекта или нескольких диалектов)³, добавили к нему свой национальный материал и создали, таким образом, наддиалектный стандартный древнеуйгурский литературный вариант⁴. Он обладал чрезвычайно богатыми грамматическими и лексическими системами и разнообразием стилевых вариаций (религиозный, художественный, научный, юридический, деловой, эпистолярный стили).

В процессе демократизации литературных языков перевес получали национальные элементы, которые достигли доминирующего положения: национальные языки ориентировались теперь на определенную в каждом случае диалектную основу.

История национальных литературных языков современных тюркских народов с давней письменной традицией не может не учитывать конкретный ход взаимодействия старых и новых литературных языков, не принимать во внимание этой ретроспективы, чрезвычайно важной в лингвистическом и культурно-историческом отношениях.

Следовательно, обиходно-разговорный народный язык, обработанный мастерами слова, является неистощимым источником пополнения литературного языка. Ранняя история некоторых литературных языков, соотносимая с родоплеменной общественной структурой, характеризуется обобщенными типами устной речи, которые, закрепляясь письменностью, становились основой литературных языков. Длительный процесс подобной обработки языка определил его произносительные нормы, – стабилизировались системы употребления как отдельно взятых слов, так и наиболее обиходных грамматических оформителей.

Фольклор, вызванный к жизни общественной необходимостью, формирует свои жанры и стилевые особенности веками, шлифуя их через горнило языкового коллектива. Только в новых изменившихся условиях каноны фольклора переходят в другое состояние, начинают соотноситься с традициями иной речевой культуры. Так, например, для родоначальников письменной литературы параллелизмы изустной поэтики, завуалированное речение через аналогии, паратаксическое построение повествования, рассчитанное на психологическое воздействие на слушателей, представляли своеобразный курс народной школы литературного мастерства. Такова была преемственность между устно-поэтической традицией и письменной литературой⁵.

Своеобразие функциональной парадигмы молодых литературных языков во многом определяется также билингвизмом – национально-русским, получившим широкое распространение среди носителей данного языка.

Также новописьменные языки, повторяя в своем развитии в известной степени путь старописьменных языков, дают, как нам представляется, материал для типологической верификации функциональных систем, существовавших в более ранние исторические эпохи.

Устная авторская поэзия, будучи высокохудожественной, опирается на основной и важнейший состав языка, являющийся также основным и важнейшим для всех диалектов языка, а поэтому и наиболее стойким.

Современный карачаево-балкарский язык, как и другие тюркские языки, прошел сложный и длительный путь развития. Параллельно с творчеством тюркоязычных поэтов шло развитие устно-поэтического народного творчества, которое своими

корнями уходит вглубь веков. Для них была характерна наддиалектная обработанная форма языка.

Иными словами, функциональные парадигмы, построенные с помощью гипотез и реконструкций, в ряде случаев могут быть типологически обоснованы данными, дошедшими до нас в живой традиции, а нередко в первозданной форме. Функциональная дифференциация языка, соотношение его разных форм существования – диалекта, литературного стандарта, других наддиалектных типов речи – явление историческое.

Так, в текстах нартского эпоса можно выделить лексические диалектизмы: кичи (ц-диал.) – гитче (ч-диал.) «младший, маленький», сауут юй (ч-диал.) – аш юй (ц-диал.) «кухня», къяугъа (ц-диал.) – къяйгъы, хахай (ч-диал.) «переполох, смятение, внезапная тревога»; уууз (ц-диал.) – ырпыс (ч-диал.) «молозиво», чогъожлен – (ц-диал.) – сокъуран – (ч-диал.) «передумать, пожалеть», эрик (литер.) – къяфца (ц-диал.) «слива» и т.д.

Нужно обратить внимание и на фонетические диалектизмы: зылауукъ (ц-диал.) – жияуукъ (ч-диал.) «плакса», жаяу (ч-диал.) – зыйяу (ц-диал.) «пешком», быцакъ (ц-диал.) – бичакъ (ч-диал.) «нож», зынындан (ц-диал.) – ызындан (ч-диал.) «следом, вслед», ахсай-ахсай (ц-диал.) – акъсай-акъсай (ч-диал.) «хромая, прихрамывающая», бишлакъ (ч-диал.) – бышлакъ (ц-диал.) «сыр», чапыракъ (ч-диал.) – цафыракъ (ц-диал.) «страница, лист» и т.д.

Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа боллугъенг (ц-диал.) – боллукъ эдинг (ч-диал.) «был бы», келсе уа (ч-диал.) – келсеаа (ц-диал.) «а если придет».

Близость тюркских языков между собой и сложное их взаимодействие проявляются весьма часто и в том, что диалектная основа тюркского языка оказывается нормой для другого тюркского литературного языка или общенародного языка. Например: «шиповник» итбурун (балк. диал.), итбурну (азерб.), этморон (башк. диал.), итбурун (кум.), ийт бурын (ног.), етпорон (тат. диал.), итбурун (узб.); «бабочка» дибилдирик, къябаллек, гебелек (балк. диал.), губелек (к.-калп.), көпёлөк (кирг.), гобелек (кум.), кепинек (уйг.); «дождь» жауун (балк.), джангур (карач.), янгур (кум.), ямгъур (казах.), жауны (к.-калп.), жамгыр (кирг.), жамгыр (ног.), ямгыр (туркм.), ягмыр (узб.), емгыр (уйг.), ямгур (алт.), дангмыр (хак.), нагбур (шор.) и др.

Следовательно, диалектная лексика одного и того же языка является также нормой, неотъемлемой принадлежностью диалекта другого тюркского языка. Некоторые общие лексические явления в диалектах отражают не прямые контакты тюркских языков и диалектов, а экстралингвистические явления.

Таким образом, преемственность наддиалектных форм устной речи в языке фольклора складывается в разных исторических условиях. Они различны с точки зрения длительности и устойчивости традиций, характера функционирования, соотношения с другими типами, разновидностями языка, а также роли в истории становления и развития письменно-литературного языка.

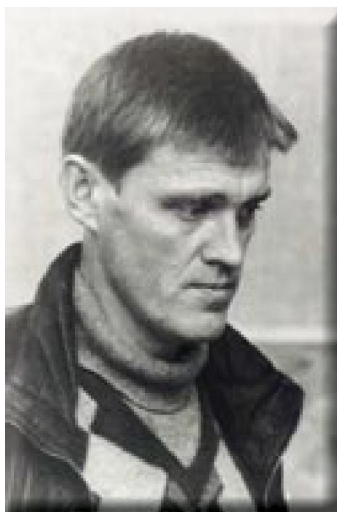
Примечания

1. *Гузев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 160 с.
2. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I–X. СПб., 1866–1907; *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, 1898. Ч. CCCXVII; *Майлов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.;–Л., 1954; *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевфсира XII–XIII вв. М., 1963; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. М., 1982.
3. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 2. 1983, С. 69.
4. *Жубанов Е.Х.* О природе казахского наддиалекта и проблемах истории литературного языка // Советская тюркология. 1988. № 6. С. 63, 67.
5. Там же. С. 65.

УДК – 75.017.4

Ж.М. Аптаева,
(г. Нальчик)

ЦВЕТОЧНЫЕ ФАНТАЗИИ МИХАИЛА АКСИРОВА

Михаила Аксирова, заслуженного художника РФ, лауреата Госпремии КБР в области культуры и искусства, прежде всего можно назвать мастером таких жанров, как пейзаж и натюрморт. Его произведения отличаются неповторимой авторской интонацией, их не спутаешь с работами других художников. Композиции М. Аксирова характеризует богатство цветовых оттенков, разнообразие красочной фактуры поверхности живописи, насыщенность глубокими подтекстами.

Художником талантливый мальчик стал не по воле случая. Можно сказать, это было предreshено. Его отец, заслуженный художник КБАССР, почетный член Российской академии художеств, живописец Муаед Алиевич Аксиров, еще в раннем детстве приобщил Михаила к творчеству. Юный художник постоянно посещал его мастерскую, и свои первые уроки изобразительного искусства получил у отца. По признанию художника, отец оказал на него сильное влияние, но не в том плане, что близок ему стилистически. У Михаила собственный, легко узнаваемый почерк, существенно отличающийся от манеры Аксирова-старшего.

Талант юноши раскрылся очень рано: в 24 года он стал членом Союза художников СССР, что в 80-е годы было делом непро-

стым. Михаила миновала участь провинциального художника: утверждая собственные позиции в искусстве, он одновременно способствовал укреплению кабардино-балкарского изобразительного искусства на всесоюзной арт-сцене, участвуя в выставках такого ранга, как всероссийские, всесоюзные и зарубежные. Живописец никогда не стремился влиться в идеологический мейнстрим, не был официально ангажированным и всегда оставался независимым творцом. И сегодня Михаил Аксиров – художник с безупречной творческой репутацией и большим творческим потенциалом.

Советский период был для него вполне благополучным. Трудности он пережил в постперестроечные годы. Протекционистская политика со стороны местных властей коснулась лишь отдельных художников. В это время часть деятелей искусства, которая не сумела вписаться в рыночные условия, оказалась в состоянии творческого застоя, некоторые даже вынуждены были уйти с арт-сцены. В особенно тяжелых условиях оказалась молодежь, полная витальных, креативных сил, но невостребованная, не могущая реализовать свои творческие возможности. Их искусство оказалось не способно прокормить семьи, потому им пришлось зарабатывать на жизнь побочным ремеслом. Конечно, были и отдельные художники, которые сумели искусно соединить эстетические традиции с прагматизмом. Большинство же из них не востребовано арт-рынком и сегодня, но не потому что они менее талантливы, а оттого что не раскручены. Что касается Михаила Аксирова, то он и без всякой поддержки сумел остаться «на плаву». Его работы не утратили привлекательности и в новое время. Они всегда высоко ценились как знатоками, так и простыми любителями живописи.

Что бы ни говорили сегодня о советских годах, но тогда руководство республики прекрасно понимало, что престиж Кабардино-Балкарии в значительной мере зависит от развитости художественной системы и художественной инфраструктуры, от общего состояния изобразительного искусства. Сегодня же вместо того чтобы стимулировать весь художественный процесс, поддерживают только отдельно взятых деятелей искусств, причем не всегда лучших.

К сожалению, имена наших художников, кроме пропиаренных, знают в основном лишь в профессиональных кругах. Правда, далеко не каждый из них стремится быть в центре внимания.

К примеру, Михаил Муаедович никогда не любил шумные пропагандистские кампании, его привлекал лишь душевный покой, возможность спокойно творить в тиши своей мастерской.

Мы живем в эпоху постмодернизма, потому неудивительно, что деятели культуры используют в своем творчестве самые разнообразные эстетические традиции. Не стал в этом смысле исключением и Михаил Аксиров. Его живописный язык соединяет в себе черты многочисленных стилевых направлений, которые он искусно трансформирует в единую, цельную художественную систему. Аксиров никогда никому не подражал, не ориентировался на известные образцы и четко решал поставленные перед собой задачи. Благодаря особенностям своего таланта он инстинктивно сумел избежать поверхностности в своем искусстве.

Михаил работал во всех живописных жанрах, но словарем для выражения обуревающих его чувств поистине стал натюрморт, репертуар мотивов которого довольно обширен. Не случайно наше внимание привлекли именно они, натюрморты, выполненные в разные годы.

По признанию живописца, более всего на творчество его вдохновляют цветы. В самом обычном букете он умеет найти потрясающий пластический мотив. Его цветочные натюрморты отличаются большим разнообразием и в композиционном и в цветовом отношении. Он решает их в границах от реалистических до почти абстрактных.

Его холст «Цветы и море» очаровывает разнообразием цветов великолепной формы. Растения не имеют четких очертаний, они лишь намечены цветовыми пятнами, на которые сухой кистью нанесен рисунок, выявляющий их объем и форму. Фон представляет собой продуманную систему горизонтальных цветных полос, границы которых нечетки, размыты. Выбранная стилистика произведения позволяет передать определенные оттенки душевного состояния автора.

Работы Михаила Аксирова предполагают вдумчивое созерцание, хотя и беглый взгляд дает возможность испытать эстетическое наслаждение. Они доносят до зрителя тонкие, едва уловимые токи, либо обдают мощной энергией.

В натюрморте «Символ» автор уделяет особое внимание знаковой стороне произведения. Лежащая на светозарном желтом фоне срезанная до самой сердцевины груша прекрасно рифмуется с формой ножа, абрис которой напоминает контур фрукта. Зрителя подкупает строгая ясность концепции произведения, своеобразный способ образного кодирования. Обладая большой живописной культурой, художник стремится достичь поставленной цели, выявить скрытый аспект обычных вещей.

Как парафраз натюрморту «Символ» звучит картина «Немного солнца» с «золотым» фоном и двумя бордюрами справа и слева со сложным прихотливым геометрическим рисунком. Скибочка золотистой дыни, нож и вилка обладают суггестивной силой воздействия и наполняют бытовую среду высоким сакральным смыслом. Холст насыщен сложными контекстами и излучает мощную живописную энергию, с помощью которой зрителю передаются переживания автора.

Приступая к очередной работе, Аксиров ищет новый подход к ее решению, стараясь не повторять уже найденные, апробированные средства выразительности и пластические приемы. Для него важен не только конечный результат, но и сам процесс работы. Потому порой живописец возвращается через несколько

лет к вполне законченному, как казалось, холсту и вносит в него некоторые изменения, находя их более удачными, нежели достоинства предшествующего варианта.

В «Призраках зимы» Михаил Аксиров интуитивно выбирает своеобразный живописный язык и текстуру поверхности холста, которые помогают передать изменчивость душевных переживаний, неуловимые оттенки настроения. Прозрачная ваза с цветами отделяется от фона лишь тонкой белой

контурной линией. Неустойчивая диагональ вазы как бы созвучна хрупкости внутреннего мира живописца.

Он сопоставляет цветы, нарисованные морозом на оконном стекле, с засушенными, украшающими вазу. Интуитивно набросанные справа иероглифы неправильной геометрической формы воспринимаются зрителем как таинственные знаки, символы. В смысловом отношении картина многомерна: каждый из зрителей может интерпретировать ее по-своему.

Произведения Михаила Аксирова всегда окрашены его собственными эмоциями. Зритель погружается в разлитое в них настроение, нередко сложного, неоднозначного характера. Картина «Зимний букет» присуща высокая степень духовной сосредоточенности. В ней оригинально соединены элементы живописи и графики, тонко использованы цветовые градации. Отчетливо читаются бордюры, состоящие из простых геометрических форм и воспринимающиеся как символические знаки. Лишь на первый взгляд кажется, что появились они здесь случайно. На самом деле найденный мастером художественный прием способен исподволь воздействовать на тонкие струны человеческой души.

«Облако цветов» завораживает своей красотой и духовностью и возбуждает множество ассоциаций. Композиция отличается легкостью, воздушностью, очертания предметов как бы растворены в тумане. Благодаря точности авторского высказывания, продуманности системы цветовых пятен образно-пластического строя, убедительно переданы чувства автора. Сочетание светлых голубых, розовых, желтых, зеленых, жемчужно-белых составляет радужную палитру холста. Хотя его работа напоминает этюд, она вполне закончена по замыслу. Умелое соединение абстрактности и фигуративности позволяет автору достичь впечатления трепетно-

сти природы. Он использует разнообразные живописные приемы, которые обогащают картину, делают ее более эффектной.

В натюрморте «Цветы на красном фоне» автор использует принцип декоративно-пластического построения произведения. Он безошибочно выбирает нужный модус, считая, что это произведение лучше всего решить в данном ключе. Цвет, фактурные возможности используются во всю мощь. Эмоционально-психологическое состояние души живописца передается чувственным мазком, яркими, звучными красками.

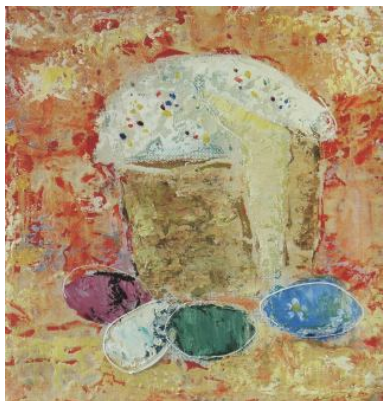
Изредка в гармоничный мир картин Аксирова врываются драматические ноты. «Шартрез разлуки» – это выплеск личных эмоций автора. Насыщенный красный цвет порождает чувство одиночества и тревоги. Работа заставляет погрузиться в сложное многозначное пространство произведения, почувствовать ее мощную внутреннюю энергетику. Рельефность поверхности холста, вообще живописная ткань картины передает сильные эмоции, переживания.

Ощущение знойного полдня рождает натюрморт «Красный ветер». Шероховатая фактура соседствует с более сглаженной, пастозность уживается с прозрачными красками, сквозь которые просвечивает холст. Зрителя увлекает сложная текстура, взвихренное движение, вообще живописная стихия холста. Кашпо выделяется на динамичном фоне лишь благодаря черной контурной линии. Ремейк «Красного ветра» – картина «Африка» – написан темпераментно, полыхающими жаром красками.

Неотъемлемое достоинство «Сирени», впитавшей в себя солнце и воздух окрестностей Нальчика, – умение воспроизвести на холсте глубоко прочувствованный, пережитый в реальности мотив. Радостный строй картины передает неуловимый аромат весны и рождает в душе зрителя адекватное сопереживание. Картина отличается богатыми вариациями зеленого, лилового, красного. Целая гамма оттенков белого цвета, переливающегося перламутром, аккомпанирует другим цветам, сливается с ними в цветовой симфонии. Свет то вспыхивает, то гаснет, придавая картине тонкую и нежную поэтическую интонацию.

Разнообразно и многогранно оркестрован основной мотив в «Цветях на синем». На насыщенном синем фоне вспыхивают яркие мажорные цветочные пятна, которые звучат во всю силу. Пластическое видение художника позволило уловить в букете именно те формы, которые помогают решить поставленные перед ним задачи.

Раздельные мазки разного цвета отливают жемчужным светом в натюрморте «Три». Три сосуда безупречно вписаны в сероватый фон картины. Автор безошибочно расставил все акценты, прекрасно продемонстрировав особенности собственной живописной системы. Фактурное разнообразие поверхности холста заметно усиливает воздействие натюрморта на зрителя.

Высокой степенью духовной сосредоточенности отмечен натюрморт «Кулич». В нем заметно желание автора обновить, усовершенствовать свое мастерство. Здесь чувствуется, что живописца влечет подтекст, скрытая символика изображенных предметов. Цветовую гармонию картины он строит на сочетании сложных разработок желтого, голубого, красного, белого и нескольких локальных цветов, которыми окрашены пасхальные яйца.

Предметы в картине приобретают символическое звучание.

В произведении «Гранат» Аксиров создает собственный язык символов. Оно полно загадочных намеков и таинственных смыслов. Композиция, структура холста рассматриваются как средства для выработки декоративного по ритму стиля. Цветовому строю полотна присуща повышенная эмоциональность. Краски, напоминающие драгоценные камни, как бы наполнены сгустками энергии.

«Сиреневый туман» написан артистично, динамичными, стремительными, разнонаправленными движениями кисти и отличается разнообразием живописной структуры. Полотно, словно сотканное перекрестными мазками, параллельными полосами разных цветов удивительно эстетично. Игра линий и красок делает натюрморт особенно эффектным и выразительным.

Об умении простыми средствами выразить главное рассказывает натюрморт «Мокрые цветы». Картина наполнена поэтической магией цвета и света. Автор боится мелочей, которые могут заслонить характер образа, потому многоцветный высветленный фон оживляют лишь несколько ярких сочных пятен. Холст написан со свойственной Аксирову отчетливой артикуляцией образно-пластического языка.

В «Долгом вечере» канделябр с тремя свечами возникает как сгущение среды, которая концентрирует зыбкие неуловимые душевные движения автора. Светоносное картинное поле насыщено богатыми цветовыми нюансами. Неровности поверхности холста создают сложную игру света и тени.

Сакрализация сюжета идет и в «Пасхальном натюрморте», художественная концепция которого отличается строгостью и продуманностью. Предметы преображаются в символы, в сакральные объекты.

Художественные задачи, которые ставит перед собой Михаил Аксиров, сложны и разнообразны. Можно сказать не без удовлетворения, что они всегда для него разрешимы. Его полотна полны дыхания и жизни, потому неизменно вызывают ответное чувство у публики.

*М.А. Хакуашева,
(г. Нальчик)*

**КАБАРДИНСКАЯ ПОСТСОВЕТСКАЯ
РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА**
(на примере творчества В. Мамишева)

Литературное творчество русскоязычных авторов – феномен сложный, противоречивый и малоизученный. Но он интересен с разных точек зрения: лингвистической, (особенно если речь идет об авторе-билингве); тематической, так как открывает новые ракурсы национального мира, еще заповедные для широкой русскоязычной аудитории РФ; интересен он и с точки зрения литературной традиции: ассимиляция и взаимное преломление богатых традиций русской и собственно-национальных литератур таят новые возможности для художественного выражения.

Собственно русскоязычная кабардинская литература условно может быть разделена на две категории: с сохранением национального элемента и без такового. Следует признать, что большинство авторов сохраняет национальный элемент на разных уровнях структуры художественного текста: сюжета, образостроения, этнографии, мифа и фольклора, в форме остаточных реминисценций и пр. Ряд таких авторов представляют писатели, чье творчество формировалось в советский (М. Эльберд, А. Кушхаунов, Т. Адыгов) и постсоветский периоды развития литературы (М. Емкуж, Дж. Кошубаев, А. Макоев, А. Балкаров и др).

Творчество кабардинского русскоязычного автора В. Мамишева (литературный псевдоним Ладо Местич) до сих пор не являлось предметом серьезного литературоведческого рассмотрения. Авторским «центром притяжения» художественного интереса становится «человеческое общежитие» по названию

одноименного прозаического сборника. Сюжетная ткань повествования драматична, однако насыщена юмором, иронией и одновременно – горячим авторским сочувствием, глубоким проникновением в особенности современного социума, художественные образы, характеры и, что особенно важно, в скрытые глубинные психологические механизмы, которые во многом управляют судьбами героев.

Развитие сюжета в рассказе «Марта» происходит в настоящем студенческом общежитии, который на уровне рассказа не перерастает в художественный символ, но формируется в центральный обобщающий образ. Встреча двух героев – Марты Скавиньской и Августа Септемберга случайна и одновременно неслучайна: вместо города на Неве, в который Август отправляется в командировку, героиня едет в противоположном направлении, – дает волю старым чувствам, которые одерживают верх над деловой целью поездки. Марту и Августа связывают долгие отношения, они – одноклассники, об этом читатель узнает из легких, полуплутистых диалогов молодых людей, которые и шутят, возможно, затем, чтобы скрыть тревогу их затянувшейся неопределенности. Марта – ясная, открытая, любящая. Ее портрет незавершен, очерчен лишь основными контурами, как мазки по холсту самой героини-художницы, которая живет в студенческом общежитии от Института Изящных Искусств. Он полон очарования: «Теперь на Марте, вместо джинсов и свитера, платье.... Марта в нем – как золотая змейка. Чешуйчатая ткань вспыхивала подобно измышлениям безумца, а то, что было украшением платья, могло обезумить кого угодно: фигура, опровергающая «происхождение видов по Дарвину» в пользу божественного... Ее волосы, цвета холодного пепла, несомого ветром над Площадью Сожжения Ведьм, острижены коротко, без какого-либо намека на «модель». Свободный стиль женщин, способных одним движением, отбрасывая непокорную прядь от лица, расслабить самые крепкие мужские колени...»¹ Прозрачная аллюзия, которая восстанавливает вечный тип женщин, всесильное магическое обаяние которых во многом способствовало их гибели... Тем не менее, очарование Марты не помогло ей: она расстается с возлюбленным. Обращаясь к самым будничным явлениям, тяготея к художественным определениям нижних ступеней социальной жизни, автор, тем не менее, пользуется «высокой» лексикой, которая создает ироническо-сати-

рическую или юмористическую тональность художественному повествованию: «Почудился аромат, тонкий, как усмешка оберинквизитора, изощренный, как мастерство средневековых палачей, возвышенный, как эшафот»². Подобное сравнение приобретает ироничный оттенок еще и потому, что работает в явно противоположных семантических полях. Нет определенной причины для расставания, но есть долгое взаимное чувство, тем не менее, читатель убежден, что эта любовь не имеет продолжения, каждый обречен на одиночество. Почему? Автор прибегает к игровому способу – номинологии: девушка с именем Марта и юноша с именем Август так же несовместимы, как весна и преддверие осени. Тем более, если фамилия героя Септемберг (september в пер. с английского – сентябрь). В тексте встречаются второстепенные герои, имена которых тоже связаны с месяцами года, например, Майя, лучезарная девушка, которая проживает в комнате с Мартой. Авторское повествование на всем протяжении сквозит светлым юмором, доброй неявной шуткой: поклонник Марты Януш протягивает Марте коробку шоколадных конфет «Апрельские тезисы». Шутка кажется уместной: после марта (который соотносится с именем героини Мартой) следует апрель, вместе с тем, она полна легкого сарказма по бесславно завершившейся эпохе автора «Апрельских тезисов», которыми теперь лишь называют шоколадные конфеты. Марта узнает, что у Августа (так же, как у нее новый поклонник Януш), есть новая пассия – Ноябрьрина, которая, судя по имени, больше соответствует его «осенней» природе...

Несмотря на мягкий юмор, легкую иронию, автору удастся воссоздать атмосферу отчужденности и холода, которые препятствуют гармонии и счастью: «Еще он запомнит темную глухую стену, параллельную линии перрона, во многих местах вытертую до белого спинами провожающих; Марту у этой стены, в туго перепоясанном плаще, с букетом холодных хризантем в руках...»³. К череде их встреч и расставаний просто прибавится еще одна встреча: «К их общим воспоминаниям прибавится немного: вот эта бредовая ночь и предстоящий день, что прошумит за окном скорым дождем. Лихорадочные усилия выговорить, выстонать, выплакать, восстановить утраченное когда-то ощущение их неразделимости»⁴.

Из невообразимой стихии жизни острый интерес автора вызывает ее самое «дно», – возможно потому, что именно здесь ее

проявления происходят на изломе, на самом острие противоречий. Эта тема становится ведущей в рассказах «Барондом» и «Любимая жуть».

Барондом – тоже общежитие, но уже не Института Изыщных Искусств, а питерского завода Кировский: «Четыре пятиэтажных корпуса образуют квадрат с внутренним двориком – так называемый дом-колодец, строение вообще характерное для Города-на-Неве»⁵.

Столь же характерными являются обитатели общежития – «лимита», пределом мечтаний для которой является прописка и квартира, для девушек еще и удачное замужество. Молодые светлые надежды, с которыми приходят юноши и девушки на завод Кировский, постепенно притупляются, гаснут в страшной рутине Барондома; каждого поглощает и уродует его беспощадная реальность: вечерняя пьянка под оглушительную какофонию так называемой музыки, разврат, драки, медленная неуклонная деградация. Автор рисует быт и нравы Барондома, не отдаляясь, а максимально приближаясь к отталкивающим деталям картины всеобщего медленного погружения в топкое «дно», похожее на болото.

Особенности поэтики автора построены на контрастах. Так, контрастируют нарочито «высокая» ироничная стилистика (музыкальная профессиональная терминология на латыни) со сценой описания более чем низменных нравов Барондома: «Музотерапия – после смены, полной грохота станков, грохот барабанов – по принципу «*clavus clavo pellitur*» – расслабляет, умиротворяет, – словом, излечивает. К этому следует отнести и употребление спиртного, коего лечебные свойства в доказательстве не нуждаются»⁶. Столь же «высокие» определения на латинском (или тяга к «научному» определению явления) – особенность индивидуального авторского стиля: «Средний барондомовец, являя собой тот самый образ «лимита» – *figura odiosa* в глазах коренных горожан, – пил сверх меры, покуда сокращались шейные мышцы, попуславшие совершать глотание»⁷. Если Цитадель «дна» – Барондом – усредненный тип советского или постсоветского топоса, то и обитатели – некий усредненный, но конкретный типаж – выразитель российской действительности. Это – интернационал: «молдаване, латыши, азербайджанцы или осетины, омичи или костромичи...».

Автор использует метод контраста не только локально, но и в широком диапазоне; драматический эффект производит опи-

сание главной героини Светы, которая на фоне страшной реальности выглядит как «излюбленная модель Сандро Боттичелли». Незаметная на первый взгляд, но могущественная центростремительная сила Барондома, в тисках которой каждый оказывается заложником, своих обитателей затягивает, как тряпина. В финале наткнувшись на компанию пьяных парней, отбиваясь от них, Светлана выпадает из окна и погибает... Гибель главной героини не воспринимается читателем как несчастный случай, – она укладывается в логику ужасающей реальности российского «дна». Учитывая единый образ жизни, единство судьбы обитателей богом забытого места главная героиня – одна из бесчисленных жертв Барондома, который к финалу начинает восприниматься как зловещий современный кровавый образ Молоха, требующий очистительной крови. Красный цвет несет двойную нагрузку: красный – кровавый и красный как дань пережитой (или переживаемой) советской эпохи: «Хлопцы в красных рубахах – все на одно лицо. Одна, огромная, отвратительная харя, выпучившая глаза.

Она даже крикнуть не успела. Выпала в темноту. Вниз, на замусоренный асфальт двора»⁸.

Если авторская ирония в двух обозначенных рассказах проявлялась больше исподволь, то в новелле «Любимая жуть» экспозиция начинается с саркастического предваряющего монолога автора-повествователя, достигает кульминации и вырастает (что в принципе нехарактерно для автора) до обвинительного пафоса: «Художник-натуралист, живописуя образ нашего с вами времени, господа-товарищи, будет в затруднении: где взять такие краски, чтобы передать торжествующий повсеместно дух лавошничества, усиленный ощущением жирного куска в корявых пальцах, отчаяние, туманящее сознание обывателя; ядовитые испарения газетных полос, хронометрирующих экономический распад и политический раздрай; неистребимое благоухание национального вопроса; яростную вонь предвыборных пикировок и обволакивающие миазмы лжи послевыборной... Грязь, много грязи»⁹.

Ироническому и саркастическому переосмыслению подвергается другая сторона жизни – культурная, в частности, сфера журналистики. Главные герои небольшой новеллы – Константин Моисеевич Прянич и его супруга Яромирра Дулепинская. Оба работают в газете «Правда, и ничего кроме». Начиная с комичных имен и названий, заканчивая самым незамысловатым сюжетом (в основу которого положены абсурдные личные отно-

шения обоих героев) весь рассказ по сути подчинен едкому осмеянию так называемой культурной жизни города, который производится в разных обертонах. Так, профессиональная деятельность Мирры Дулепинской состоит в следующем: «Она писала о вернисажах, концертах, премьерах, о внезапных возгораниях очагов культуры в отдаленных районах, о хронической бессоннице отцов города, вызванной заботами все о той же культуре»¹⁰.

Поэт Прянич пишет подборку стихов, названную «Как радостно мне – быть поэтом!». При этом автор иронически вопрошает: «посыпались отклики читающей публики?.. Нет, потому что публика стихов не читала». Убогий быт, убогие нравы публики соответствуют характеристикам столь же убогого «народного» поэта, не лишённого, впрочем, художественной одарённости. Однако нелегкие обстоятельства частной жизни, изложенные автором не без известного сочувствия, деформировали, «подмыли» истоки его формирующейся творческой жизни, загнали в русло недолжного развития.

Описание глубокой осени усугубляет общую сюрреалистическую картину, которая особенно чувствуется в описании города: «По обеим сторонам улицы вытягивались опрятные, тщательно ухоженные, но почему-то грустные физиономии фасадов. Ни яркие вывески, ни лоснящиеся витрины в первых этажах зданий, ни пестрые толпы прохожего люда не могли развести ощущения если не полной безысходности, то вполне осознаваемого увядания. Однако что же – была осень»¹¹.

Автор находит свежие художественные решения: «Листья беспомощно висели в высоте, падали те, что забирали металлической тяжести: чуть золота, чуть красной меди, прожилками – железной ржави...»¹².

Кажется закономерным, что личная жизнь Дулепинской и Прянички пришла к окончательному тупику и уродливому вырождению: пустая жизнь главных героев на фоне пустой, бессмысленной жизни города предполагает такой финал. Кажется, тяжесть личной драмы достигла апогея, – пьяные драки, ругань, но автор разрешает их в духе веселой издевки: кризис заканчивается бурной сценой любви. На самом деле так называемый happy end совершенно логичен, ведь двое супругов по большому счету «достойны» друг друга, представляя собой лишь жалкие пародии на мужчину и женщину, на деятелей культуры и творческие личности.

В. Мамишеву свойствен пристальный интерес к «маленькому человеку», – типично российской теме. За глубоким авторским сочувствием, снисходительным юмором просвечивает явственная печаль и тревога: как выжить простому человеку в бесчеловечных условиях «человеческого общежития»?

Действие повести «Хроника хроника» происходит в наркологическом диспансере, который можно рассматривать как знакомый аналог-символ общежития. Автор «списывает» детали лечебного учреждения с подлинной истории и месторасположения реального наркодиспансера, расположенного в Больничном городке города Нальчика, в районе Дубков: «Человеку нездешнему, если подобное участие пробудит в нем здоровый интерес, охотно растолкуют, что Дубки – это северо-восточная оконечность города, краем потянувшая на себя название прилегающей местности с ее характерной флорой. Название прижилось, а собственно дубки сохранились единичными, заматерелыми представителями вида. С одной стороны, рощу сильно потеснил пригородный совхоз – яблоневым садом, с другой наехал город: новым микрорайоном и больничным комплексом, в котором, кроме роддома, с фасадом, подобно постельному белью..; тишайшей «кардиологии», тубдиспансера, схваченного плотным ельником; безликой «терапии» и «кожвендиспансером» желтеют четыре, в ряд, отделения психушки, самой легкой на подъем – при упоминании Дубков – ассоциации. Пятым в этом скорбноголовом ряду... или, если смотреть с другой стороны, возглавляет этот ряд двухэтажное здание РНД (аббревиатура Республиканского Наркологического Диспансера, которую хроники всех трех алкогольных степеней расшифровывали по-своему: Родной Наш Дом)»¹³.

Завсегдатаи этого учреждения – хроники, которые регулярно попадают сюда, в «наш дом». Название отнюдь неслучайное, так как в другом мире, в котором уже почти никому не нужны, они – изгои. В Доме – свои законы, своя лексика, своя шкала ценностей... Так же как в Барондоме здесь проживает целый интернационал: Белорус Яцек, ингуш Ваха, кабардинец Муха, балкарец Смайл, русские Нос, Медуница, еврей Эдик, чеченец Юрец и прочие. У всех – своя непростая судьба, но клиника и ее родные стены всех их объединяют, уравнивают. Вскоре границы обычной республиканской клиники расширяются, приобретая все более мрачный драматический характер. Постепенно с боль-

ничной сцены один за другим «сходят» все персонажи, даже «вечного» лечащего доктора Левановича нашли повесившимся в собственном кабинете. Один из главных героев Нос, твердо решивший «завязать», встретил в магазине своего товарища, «отметил» встречу, а наутро не проснулся...

В какой-то момент читатель понимает – на самом деле клиника – образ жизни всего простого народа, собирательный образ всеобщего дома – мира. Финал повести неутешителен, ведь «Наш дом» оказывается на самом деле смертельной ловушкой, из которого нет выхода. Даже Юрец, который чудом бежал из чеченского плена, в котором был рабом, попадает в другой плен – клинику, из которой уже не сбежать...

Говоря о прозе последних трех десятилетий, А.Х. Мусукаева обобщает: «...жанр повести претерпел специфические «превращения». На первых порах простое расширение повествовательных рамок, рассказа, привнесение в него исторического сюжета служило достаточным основанием для становления нового прозаического жанра. Однако в современных условиях преимущественный интерес к нравственным проблемам делает дальнейшее такое расширение «рациональным». Движение – от повести к роману – происходит главным образом в исторической теме. Современная тематика предпочитает раскрыть себя в жанре повести. Мы не хотим и не можем сказать, что в данном случае происходит движение «от романа к повести», поскольку романские формы только складываются в кабардинской литературе... Жанр повести получил большие прерогативы, но не всегда к ним был подготовлен художественно, хотя бы в силу неразвитости романских форм. Поэтому повесть в кабардинской литературе «делает работу» сейчас и за романную художественность, за романный психологизм и реализм, а главное – использует эти компоненты и для эпической панорамы национальной действительности, и для постановки нравственных проблем, имеющих общезначимый интерес. Последнее становится все более актуальной для прозаиков задачей»¹⁴. Одними из главных причин к стремительному развитию жанра «большой» прозы автор называет растущее самосознание и воздействие русской литературы и культуры в целом.

Говоря о литераторах последнего советского десятилетия известный литературовед В. Бигуа писал: «Советская литература – многонациональная, ее представляют 78 больших и малых самобытных литератур». Однако благодаря негативным

российским реалиям, «в восприятии зарубежных литературоведов, критиков и читателей понятие «советская литература» очень часто отождествляется с понятием «русская литература», не учитывается ее многонациональный характер». Вместе с тем, говоря о молодом поколении российских исследователей, он совершенно справедливо отмечает: «Мы всеми силами стараемся избавиться от того мировоззрения, которое формировалось под давлением лжи и фальши прошлых десятилетий»¹⁵.

Творчество В. Мамишева, определенно преодолевшее «ложь и фальшь прошлых десятилетий», можно назвать «новым», написанным как бы с «чистого листа». Оно отличается глубоким, обнаженным психологизмом, которое вместе с тем тесно связано с социумом. При этом художественный интерес автора (как мы уже говорили выше), прикован к самой его уязвимой, страшной его сфере – «дну». Как выживает современный человек в условиях объективно тяжелой реальности, как и каким образом уничтожает мертвящий государственный механизм, наносит урон личности современный городской топос, когда вместо расцвета молодой человек с прекрасными задатками обречен на медленную деградацию и упадок? Эти проблемы ставятся практически в каждом художественном произведении В. Мамишева.

Конец XX столетия явился переломным для кабардинской литературы. Художественные произведения обрели внушительный диапазон, распавшись на множество разностилевых направлений, образований. С одной стороны, такой феномен мог быть объяснен закономерной преемственностью традиций, но некоторые другие феномены «выпадали», казались необъяснимыми с точки зрения объективных исторических фактов и закономерностей. Вместе с тем, любая эстетическая система (литература, в том числе), является относительно независимой автономной саморегулирующейся системой, которая никогда не бывает напрямую связана с общественно-экономической формацией, институтами власти, общественными структурами и т.д. Существующие корреляции имеют лишь весьма опосредованное значение. В пределах эстетических систем возникают парадоксальные, подчас необъяснимые явления, которые порой достаточно пролонгированы и устойчивы.

Литературный процесс напрямую не связан с социумом, – это эстетический саморазвивающийся феномен, которому, тем не менее, присущи специфические законы развития.

Кабардинская русскоязычная проза весьма неоднородна в отношении сохранения национального компонента. Эта важная особенность еще не являлась предметом отдельного исследования и рассмотрения. Вместе с тем, как мы уже отмечали выше, внутри кабардинской русскоязычной литературы наметилась «точка бифуркации», где произведения авторов разделяются на произведения с национальной тематикой и без таковой. Творчество В. Мамишева на данном этапе следует относить скорее ко второй категории. Это направление тяготеет скорее к определению российской художественной литературы, которая носит ярко выраженный синкретический характер. Для постсоветской русскоязычной прозы КБР его можно назвать маргинальным, хотя сходные тенденции существуют и в других национальных литературах, например, североосетинской. Подобная характеристика справедлива по отношению романа «Синь» молодого талантливого прозаика Дениса Бугулова, произведение которого уже сложно отнести однозначно к осетинской литературе. Даже прототип его родного города, Владикавказ, назван в романе «Синь» «зеленым городом». Возможно, автор намеренно сделал его обобщенным, так как основная тема общенациональна: сложнейшая проблема морали в отношениях мужчины и женщины, которая одинаково остро волнует всех. Но решена она на примере московского мегаполиса, в рамках его негласных гендерных законов, далеких от традиционных отношений национального кавказского мира. Есть лишь прозрачная, скорее антуражная привязка (Москва, русские имена), хотя все происходящее более или менее специфично для любого мирового общекультурного центра – Лондона, Нью-Йорка, Токио и т.д.

«Не только национальными, но и интернациональными созданиями являются и такие общепринятые, фундаментальные представления, которые закреплены в понятиях **греки, итальянцы, французы, русские**. Я имею в виду понятия международного литературного лексикона, в котором одно за другим входили эти понятия о чем-то национально-эталонном, что на поверку, будь то античный эпос или русский роман, не есть непосредственно национальный продукт, вынесенный на международный рынок, а есть результат многих взаимовлияний, взаимодействий, в итоге которых и выработалось общее, принятое за классическое, представление о **греческом, русском**. И это общепринятое представление далеко не всегда совпадает с пред-

ставлениями той же нации о себе самой и о своей литературе. Ведь это понятно, почему американцы не признают Эдгара По в международной упаковке: как американский поэт мирового значения он, в сущности, создан двумя французами – Малларме и Бодлером.

Все эти факты не упраздняют проблему национального, они усложняют проблему, делают вопрос о национальном характере литературной проблемой в отличие от тех местнических претензий и предрассудков, которыми проблема подменяется и о которых красноречиво сказано в «Теории литературы Рене Уэллека и Остина Уоррена»¹⁶.

Такая же, более общая мысль значительно раньше высказывалась В.Г. Белинским: «Даже тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально»¹⁷.

Примечания

1. *Мамишев В.* Человеческое общежитие. Нальчик, 2004. С. 9–10.
2. Там же. С. 9.
3. Там же. С. 22.
4. Там же. С. 22.
5. Там же. С. 26.
6. Там же. С. 28.
7. Там же. С. 28.
8. Там же. С. 46.
9. Там же. С. 46.
10. Там же. С. 47.
11. Там же. С. 62.
12. Там же. С. 63.
13. Там же. С. 70.
14. *Мусукаева А.Х.* Поиски и свершения. Нальчик, 1978. С. 125.
15. *Бигуа В.* Наша анкета: О чем молчим и почему? // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 41.
16. *Урнов Д.* Национальная специфика и литературный процесс // «Круглый стол»: национальные культуры и межнациональные отношения // Вопросы литературы. 1989. № 8. С. 5.
17. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.Х. М., 1956. С. 29.

Л.С. Гергокова,
(г. Нальчик)

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКИХ ФОРМУЛ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Значительное место в арсенале художественных средств, используемых в народно-эпических сказаниях, занимают устойчивые формулы «эпические клише», которые переходят от одного поколения к другому, почти не изменяясь. Обработанность языка карачаево-балкарского героического эпоса особенно наглядно проявляется именно в таких устойчивых словесных моделях (формулах), которые считаются одним из основных признаков языка.

Традиционные формулы и эпитеты дают представление об эпическом идеале героя, его месте в эпическом мире, его отношении к той художественной действительности, которая изображена в данном эпическом произведении. В языке эпической поэзии традиционные формулы, бесспорно, относятся к наиболее ярким его компонентам. Они восходят к глубокой древности, отражая особенности поэтического мышления, в котором типическое и традиционное преобладает над индивидуальным¹. Они, как и народный эпос, многослойны. В них выделяются разные пласты. «Однако нельзя утверждать, что язык эпоса от начала до конца является формульным»².

Необходимо отметить, что большинство эпических формул карачаево-балкарского нартского эпоса складывается в процессе автономного функционирования языка карачаевцев и балкарцев. В любом сказании, архаичном по своему сюжету, имеются новообразования (то есть отдельные отступления от эпических моделей) построения формульных выражений и традиционных

эпитетов, что является закономерным.

Типические формулы карачаево-балкарского нартского эпоса исследователь Т.М. Хаджиева делит на следующие виды: атрибутивные формулы; формулы сравнения; устойчивые формулы, выраженные прямой речью; устойчивые формулы зачинов; эпические формулы³.

1. Атрибутивные формулы включают в себя постоянные эпитеты-характеристики: Аны беру тону да желпегей, эки мыйыгъы да, кerpелей [Ерюзмекни]⁴ «Его волчья шуба внакидку, его усы подобны мерлушке [Ерюзмека]»; состар тащдан туугъан Сосурукъ «Сосурук, рожденный из гранита», жангыз кезлю эмеген «одноглазый эмеген» и т.д. (Здесь и далее все переводы подстрочные. – Л.Г.).

2. Типические формулы-сравнения:

Нарт Ерюзмек жел атына миннгенди,
Кекча кюкюреп, ол нартлагъа келгенди

Нартский Ерюзмек сел на своего коня-ветра,
Гремя как гром, он пришел к нартам.

3. В карачаево-балкарском нартском эпосе часто встречаются устойчивые формулы, выраженные прямой речью:

а) постоянными являются формулы приветствия нартов и эмегенов:

– Кюн ахшы болсун, ауруунгу алайым! – деди [Ерюзмек] «Добрый день, пусть перейдут ко мне твои болезни! – сказал [Ерюзмек]».

– Ай кюнюнг аман болсун! «Пусть день твой будет несчастным!».

б) К числу типических формул можно относить формулы-обращения: ауруунгу алайым а, кьорунг болайым «да перейдут твои болезни ко мне, да буду жертвой за тебя»:

Къарашауай, барып, Ерюзмекте тилейди:

Ауруунгу алайым а, кьорунг болайым.

Къарашауай пошел и Ерюзмека попросил:

Да перейдут твои болезни ко мне, да буду жертвой за тебя!

в) Типическими формулами могут быть и формы вызова на бой:

- Атышмы, тутушууму?! – деп кычырды [эмеген].
- Атышхан къатынла да этедиле, тутушууу! – деди Чюерди.
- Стрельба или борьба?! – крикнул [эмеген].
- Стреляться могут и женщины, борьба! – сказал Чюерди.

г) Постоянными могут являться и формулы гнева:

– Ай, итден туугъан, атангы башын бу кылыч кетерген эди «– Ах, ты, рожденный собакой, вот этот меч срубил голову твоего отца».

д) В поэтической речи героев часты традиционные восклицания:

- Ай, таланган! Ачмы болгъанса, къонакъ?
- «– Да не уж-то [ты] проголодался, гость мой?»

е) Очень часто в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев встречаются формулы-проклятия:

Алгъышынг къабыл болмасын,
Эки кезюнг къандан толсун,
Ажалынг мычымай болсун!

Пусть твои желания не сбудутся,
Пусть твои глаза обагрятся кровью,
Пусть твоя смерть будет немедленной!

4. Постоянными из устойчивых формул являются формулы-зачины. Чаше встречаются зачины, предваряющие повествование и указывающие на время: эртте «давно», эртте-эртте «давным-давно», бир жол «однажды» и т.д.: Бир жол Ерюзмек, айлыкъ жортууудан къайтып, бираз ауруйма деп жатды «Однажды Ерюзмек, вернувшись из месячного похода, сказал, что ему немного нездоровится и лег в постель»; Эртте-эртте, нартланы заманларында Сосурукъ деп бир тулпар жаш болгъанды «Давным-давно, во времена нартвов был богатырь по имени Сосурук».

По своему лексическому составу и синтаксическому строю эти формулы многообразны и весьма выразительны. Они включают особые лексические наборы, придающие своеобразный стилистический оттенок языку текстов нартского эпоса.

Так же в героических текстах можно выделить эпические формулы, с помощью которых передают какой-нибудь процесс, действие или событие. Например:

а) Быстрый чудесный рост будущего героя: Нарт Дебет жашчыкыны кьатына баргъанда, ол юч кюннге есюп, юч жыллык болуп тура эди «Когда нарт Ерюзмек подошел к мальчику, он за три дня вырос и был как трехлетний».

б) К типичным формулам прибегают и для описания длительности боя: Юч кече бла юч кюн урушхандыла «Они воевали три дня и три ночи».

в) Постоянной традиционной формулой является укрощение богатырского коня: Къарашауай Гемуданы юч кере кекге чыгъарып, юч кере жерге тюшюрюп кердю «Карашауай испытал Гемуду, три раза подняв на небо и три раза спустив на землю».

г) Длительность пути героя является постоянной формулой: Неллай бир баргъанын ким билсин «Кто знает, сколько он шел»; Кеп заманны ичинде айланып турду «[Он] долго-долго бродил».

д) Обработанность языка нартского эпоса особенно наглядно проявляется в устойчивых словесных моделях, какими сказитель пользуется при описании боевых сцен и подвигов героев. Например: Ачемезни санлары садакъ окъдан толгъанды «Тело Ачемеза наполнилось стрелами»; Деу Ерюзмек уруп [эмегенни] башын тайдырды «Могучий Ерюзмек ударив [великана], снес голову».

е) Готовые формулы-модели используются и при описании эпических героев, их оружия, одежды, коня, упряжи. Например:

Ол Дебетни отдан болгъанды жюреги,
Къурчдан болгъанды санларыны кереги.

Сердце Дебета было из огня,
Из стали были части его тела».

Следующие модели используются для описания оружия богатыря:

Садакълары [Дебетни] Минги таудан етгендиле,
Къылычлары [Дебетни] къааланы кесгендиле.
«Стрелы [Дебета] Минги тау пробивали,
Мечи [Дебета] скалы рассекали.

ж) Стереотипно также описание спасательной помощи в момент, когда один из героев терпит поражение или находится в

затруднительном положении. На помощь всегда спешит главная героиня эпоса – всезнающая Сатанай: Обур Сатанай да ол ишни билгенди. Ерюзмеке жел атын жибергенди «Всезнающая Сатанай об этом узнала. Послала Ерюзмеку своего коня-ветра».

Обилие стандартных формул в языке карачаево-балкарского нартского эпоса показывает, с одной стороны, его обработанность, а с другой – архаичность. Для образования стандартных моделей требуется время, шлифовка текстов эпоса многими поколениями сказителей.

Как показывает материал, все эти устойчивые модели (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.), создававшиеся в процессе многовекового развития эпоса различными сказителями, сохраняются во многих вариантах нартских сказаний неизменными. Именно это указывает на то, что язык нартского эпоса является наддиалектным языком, отличающимся от повседневной бытовой речи.

Примечания

1. *Кумахов М.А.* К проблеме языка эпической поэзии // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 48–60.
2. *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языкознания. Л.: Наука, 1970. С. 32.
3. *Хаджиева Т.М.* «Некоторые повествовательные особенности карачаево-балкарского нартского эпоса // Художественный язык фольклора карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1981. С. 22–44.
4. Все фольклорные тексты цит. по: Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев. М.: Наука, 1994. 654 с.

*Л.Б. Хавжокова,
(г. Нальчик)*

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ХАБАСА БЕШТОКОВА

Драматургия Х. Бештокова – огромный и значительный пласт сложного и многослойного творчества зрелого художника слова. Поэт пришел в адыгскую поэзию в период расцвета тоталитаризма в стране, когда идеология одной партии была всеобъемлющей. Видимость всеобщего благополучия проникала во все сферы жизни, поражала сознание не только масс, но и значительной части творческой интеллигенции. Противостоять тоталитаризму – значило терять многое. На такую жертву мог идти только большой художник, настоящий талант, такой как Хабас Бештоков. Без сомнения убеждаешься в этом, когда читаешь его драматургические произведения, в которых показаны самые разнообразные способы одурманивания мозгов. Это пьесы «Имыс», «Кошка из Стамбула» (2004–2005); драматические поэмы «Насрен Бородатый» («Адыгский Прометей», 1983–1986), «Переплывающие на лодке океан» (1986–2004); поэма «Сароробот» (1992–1995).

Пьеса «Имыс» и драма-поэма «Насрен Бородатый» основаны на фольклорном материале, через который автор выявляет ошибки прошлого наряду с пороками современного общества. Эти произведения близки по идейной направленности: основная коллизия заключается в том, что разрозненность между соплеменниками, разногласия и зависть между родными братьями порой приводят к гибели целого этноса. Главный персонаж пьесы «Имыс» во всем завидует родному брату Озырмесу. Весьма интересен и оригинален его монолог:

Лъэпэд зэлуашэмэ – нэхъ хуабэр Уэзырмэс,
Лэкъум ягъажэмэ – нэхъ шабэр Уэзырмэс,

Ягуэшмэ Ыхьэр – нэхь иныр Уэзырмэс.
Дуней бэлыхьыр сэ ятэ кьысльоІэс¹.

Если вяжут носки – самые теплые Озырмесу,
Если жарят лакумы* – самые мягкие Озырмесу,
Если что-то делят – большая доля Озырмесу.
Все земные беды первыми касаются меня.

(Пер. подстр.)

Кинжал брата показался Имысу лучшим, чем у него, поэтому он решает отомстить ковавшему этот кинжал великому кузнецу нартов Тлепшу, отрезав ему ноги. А в это время на нартов нападают чинты** и безногий Тлепш уже не может помочь своим соплеменникам. Таким образом, через короткий сюжет пьесы автор отражает трагедию народа, не сумевшего сплотиться в противостоянии врагам.

В данном произведении Тлепш является выразителем авторской идеи. Именно его устами Х. Бештоков в конце пьесы обращается к своему народу с мольбой о прекращении междоусобиц и сохранении духовных ценностей, культуры, обычаев, традиций, которыми адыги славились испокон веков:

Ей, зи кыщыбжэр хуэзыщыжа лъэпкъ,
Фызэмыфыгулэж, фымыукыж,
Фымытхэлэж, фымышх, фызэмыиж
Зы нарт псэ кьабзэ мы щыгум имытыж.
ФукІ лэжъакІуэжхэр,
ДжэгуакІуэхэр фуплэшІ.
Фтхэлэж фи литкІэ фи щІэлбэр –
Сыт нэгъуэщІ
ИкІагъэу нобэ кьэвгупсысыфыну?²

Эй, народ, закрывший дверь своей кузницы***,
Не завидуйте друг другу, не убивайте друг друга,
Не душите, не пожирайте, не губите друг друга,
Не осталось ни одного нарта с чистой душой.
Убивайте тружеников,
Избивайте джегуако****.

* Лакум – жаренные на масле лепешки (национальное адыгское кушанье).

** Чинты – племя, упоминающееся в нартском эпосе; враги нартов.

*** Имеется в виду: «погубивший сам себя»

**** Джегуако – песнетворец, народный сказитель.

Своими руками душиите собственных детей –
Чего еще плохого вы не придумали!

(Пер. подстр.)

В конце пьесы драматическое состояние народа и безвыходность ситуации символизируется образом «Дыгъэ нэф» – «Погасшего (букв. слепого, ослепшего) солнца». При этом автор заканчивает свою пьесу оборванными фразами, которые еще больше усиливают эмоциональный накал произведения: «*Лъэпщ и лъакъуитыр... Чынтхэр... Дыгъэ нэф!!!*»³ – «*Ноги Тлеша (отрезанные Имысом. – Л.Х.)... Чинты... (народ, напавший на нартов. – Л.Х.)... Погасшее (слепое, ослепшее) солнце!!!*».

Таким образом, пьеса «Имыс» Хабаса Бештокова основана на фольклорном материале (в ней задействованы персонажи из Нартского эпоса) и направлена на искоренение пороков современного общества – зла, ненависти, зависти и т.д.

Та же идея положена в основу драматической поэмы «**Насрен Бородатый**» («**Адыгский Прометей**») (1983–1986). Тамада Нартов Насрен погибает от рук Пако* из-за того, что нарты вовремя не смогли созвать Хасу** и решить вопрос об освобождении тамады и возвращении огня, похищенного Пако. Временно исполняющий обязанности тамады Хасы Тлостанаши и его младший сын Пизгаши не хотят созывать Хасу и спасти тамаду, они готовы признать Пако богом и служить ему. И здесь автор противопоставляет двух братьев – сыновей Тлостанаши. Старший сын – Пиджа – вопреки мнениям отца и брата, вместе с Батразом и группой нартов отправляется к Пако. Пако убивает Пиджу и Насрена, но сам же погибает от рук Батраза. Батраз возвращает огонь вместе с телами погибших нартов... Таким образом, и в данном произведении автор подчеркивает мысль о том, что согласие внутри племени и умение спланировать в нужный момент могут привести не только к победе над врагами, но и к сохранению многовековых традиций, обычаев, этикета, мужества и чести, благодаря которым адыги всегда превосходили другие народы.

Выразителем идей народа и борцом за его независимость в данном произведении выступает Насрен (персонаж Нартского эпоса) – адыгский Прометей***. Он старается оправдать плачевное

* Пако – отрицательный персонаж Нартского эпоса.

** Хаса – Совет старейшин, сход.

*** Персонаж Нартского эпоса Нэсрэн ЖьакІэ (Насрен Бородатый), как и Прометей, был прикован к скале.

состояние народа и верит, что сложившуюся ситуацию все еще можно изменить к лучшему:

Зэгуэр мыжакъуэу
Щыпэкъым зы лъэпкъи,
Зэгуэр мыщантхъуэу
Щыпэкъым зы цыхуи...⁴

Нет народа, который
Хоть однажды не ошибался,
Нет человека, который
Хоть однажды не спотыкался.
(Пер. подстр.)

Если пьеса «Имыс» и драма-поэма «Насрен Бородатый» («Адыгский Прометей») по содержанию и идейной направленности близки к трагедии, то драматическая поэма **«Переплывающие на лодке океан»** (1986–2004) больше тяготеет к трагикомедии. Здесь автор выявляет пороки современного общества, в частности интеллигенции. Действующие персонажи произведения – художники, композиторы, поэты, философы, литераторы, преподаватели, студенты. Они вполне положительные герои, обнадеживающие представители адыгской интеллигенции. Но ко многим из них автор применяет эпитет «алкоголик» и наделяет их соответствующей речью. Устами своих персонажей Х. Бештоков затрагивает насущные проблемы общества, культуры, искусства, литературы. Так, философ-алкоголик Роман, обращаясь к поэту-алкоголику Феликсу, говорит о проблемах современной поэзии: «Поэзия, где свистят много птиц, – болтовня, говоря словами сегодняшних «великих» поэтов – это «истинная поэзия». <...> То, что ты знаешь из родного языка, не позволит тебе пойти дальше двери кухни. Выучив русский язык с горем пополам, создаете поэзию КОЕ-КАК. <...> Пришло время научиться говорить правду человеку, глядя ему в глаза, высунув голы из тени притворства»⁵.

Выявлению пороков современной интеллигенции посвящена и трехчастная трагикомедия **«Кошка из Стамбула»** (2004–2005). Действующие персонажи по профессии – историки, врачи, поэты, журналисты и т.д. Через образы несостоявшегося «биолога» Нафисат и ее мужа историка Нурова Ахмеда (Диогена) автор показывает «трагикомическое состояние» современной интеллигенции. На зарплату биолога не проживешь, поэтому Нафисат занимается спекуляцией: привозит вещи из Стамбула и перепродает их на родине. Не является случайностью и профессия женщины, вынужденной торговать на базаре. Будучи биологом, она лучше разбирается в потребностях живых организмов.

Ахмед, которого «отправили» на пенсию, из-за своей невос требованности от безделья сходит с ума. Личная профессиональная драма плюс семейная, вполне вписывающиеся в общенациональную драму, которую глубоко переживает историк-патриот как гражданин и как добросовестный адыг – таковы слагаемые, которые довели главного героя произведения до нервного психического срыва. Об этом свидетельствует тот факт, что он убил (повесил) кошку, привезенную его супругой из Стамбула (эта кошка была подарена ее любовником).

Обо всем, что происходит в семье Нуровых, знает врач-психолог Заурбек. Тем не менее, он хватается смелости жениться на их дочери Алене...

Таким образом, пьеса «Кошка из Стамбула» завершается трагедией безвинной кошки – самого интуитивного создания фауны, драмой историка – одного из самых осведомленных представителей адыгского социума, а также надеждой, которую обещает квалифицированный психиатр Заурбек.

Важно обратить внимание и на фамилию семьи, драма которой легла в основу сюжета произведения. Слово «нур» переводится с кабардинского как «луч», «свет». Данную аллегория автор использует для выражения контраста между представлениями наших предков о нравственности, чести, воспитании и их трансформациями в современном обществе.

Таким образом, и в драматической поэме «Переплывающие на лодке океан», и в трагикомедии «Кошка из Стамбула» автор показывает уклон от многовековых обычаев, традиций, культурных и духовных ценностей народа в сторону материальных благ, сиюминутных удовольствий (например, об этом свидетельствует поведение Алены).

Здесь же следует обратиться к поэме «Сароробот» (1967–1995) («сэро» – в мусульманской религии тот, кто будет допрашивать умершего в загробном царстве, кто вынимает душу из плоти + «робот»), по своей композиции и идейной направленности близкой к вышеуказанным произведениям («Переплывающие на лодке океан», «Кошка из Стамбула»). Она состоит из двух частей: «Мои похороны» (1967), «Сароробот» (1992–1995). Основой данного произведения также является комическое изображение представителей интеллигенции: поэтов, литераторов и т.д. Автор дает ироничные имена своим персонажам: Катумес, Накафий, Питиш, Катош, Кулисом, Кафий. Действующими

персонажами в произведении являются также представители загробного мира Ташиба 1, 2, 3... Действие происходит, как уже отмечено, в загробном мире, что наряду с комичностью подчеркивает и глубокий драматизм сюжета. Автор использует в своей поэме сочетания «*псэхэм я нэш*» («зал душ»), «*ахърэтым и гимн*» («гимн загробного царства») и т.д. В своем произведении он сводит воедино комизм, иронию, часто доходящую до сарказма и трагедию представителей интеллигенции, страдающих «горем от ума». Как выше отмечено, сюда же Х. Бештоков вплетает и другой пласт – религиозный. Представители загробного мира – Ташиба 1, 2, 3... – выступают главными «судьями» людей и их поступков. Они строго судят каждого, кто осквернил свой язык, свою культуру в угоду власти и партии. Так Ташиба-9, обращаясь к тем, кто «продал» свой талант, говорит:

Шынагъэм, ахъшэм, партхуэусэм
ГуитI-щхьитI фищIауэ ефхъэкIащ.
Фи гъащIэм нэхъ кызытрикъузэр
Нэпсейуэ фадэм хуепIгъэкIащ⁶.

Страх, деньги, хвала партии
Сделали вас двуличными.
Те, на кого жизнь давила больше всего,
Пристрастились к водке.

(Пер. подстр.)

Во второй части поэмы для поэтов и писателей наступает «ТЭ-РЭЗЭЗЭМАН» («*тэрэзэ*» – весы + «*зэман*» – время) – время, когда взвешиваются их земные дела и поступки. И следует отметить, что далеко не всегда чаши весов перевешивают их благие дела.

Весьма оригинальна и композиция поэмы. С первой же строчки – «...*Арати сэ сыартистышхуэщ*» («...Итак, я великий артист») текст захватывает своей глубиной, восхищает богатством родного языка. Мысли и фразы, меткие и точные, буквально выстреливают лучами веселого озорства и юмора. Вместе с тем, в последовательном нарастании сатирической экспрессии чувствуется пронизывающая душу печаль автора, который передает все это с четким художественным тактом.

Первая часть дилогии «Сароробот» – «**Мои похороны**» («Си жэназыр») долгое время находилась в «капкане» полного забвения. Автор написал ее в 24 года. По его признанию, в 1967 году,

когда она была написана, он сам не знал, что это за жанр. К ней поэт вернулся через 25 лет – в 1992 году.

Атмосфера, царящая в поэме «Сароробот», характеризуется невысоким интеллектуальным уровнем писателей – и как следствие – мелкотемье, приземленность их книг. Что происходит в поэме? На семейном банкете в честь выхода первой книжки артиста Хамал (говорящее имя: Хьэмэл – хьэ – «собака» + мэл – «баран»), решившего переквалифицироваться в писателя, происходит «высокодумный» спор: как было бы лучше назвать книжку – «Ползучий пырей» или просто «Зеленая трава – корм для лошадей»... Не выше уровнем и разговор о «новаторе» Демьяне Бедном и рассуждения Накафий о «творческом методе» Руставели и Шекспира. Автор с иронией озвучивает и изображает «слишком звучные» тосты, сомнения говорящих и хозяина дома – Хамал, двуличие во взаимоотношениях, которое очень выпукло вырисовывается во внутреннем монологе Дахаос (после тоста, сказанного ею). А тост Питиш о Хамал быстро перескакивает с книжки на ягненка, жареного целиком и оказавшегося на столе (как русские жарят поросенка). Этот поступок взбодрившимися водкой гостями трактуется как проявление новаторства хозяина дома, потому что проявить новаторство в литературе Хамал не способен – он занялся не своим делом. Здесь уместно заметить, как адыгский этикет и один из его компонентов – задравный тост – используется в спекулятивных целях. То есть, речь идет о фальши.

Как ни удивительно, уровень беседы детей, играющих на кладбище во время несостоявшихся похорон Хамал, на порядок выше уровня дискуссий профессиональных литераторов. Дети – вровень со временем. А писатели шлифуют жанр тоста и обслуживают нужды однопартийной системы.

Дуэли за могилу, которые занимают важное место в произведении, это иносказание о стремлении к бессмертию, итог завуалированной «показной» дружбы, неприязни друг к другу, бездуховности, приземленности сути того, что они «творят». Именно здесь сходятся все концы: Хамал (собака-баран) – трава (ползучий пырей и трава для лошадей) – земля, к которой они все привязаны – почетное место на кладбище – могила – кусочек земли... Как видно, в этой цепочке, четко выстроенной автором в композиции поэмы, нет места духовности. Ведь драка за почетную могилу это, по мнению самого автора – антитворчество, это «черная дыра» в культуре, как черная дыра в космосе.

Во второй части дилогии – «Сароробот» – размышления о писательских судьбах переросли в раздумья о судьбе народа и его культуры, потомками которого они являются. Их судьба еще тесно связана с судьбой породившего их народа, писательские судьбы ставятся в историко-культурный контекст народа – не только кабардинского, но и всего адыгского, включая махаджиров. А главное в этом контексте – историзм литературы, а именно – адыгская этническая катастрофа: русско-кавказская война, махаджирство, этапы советской политики (революция, гражданская война, репрессии 30-х годов и т.д.).

Что касается особенностей поэтики драматургических произведений Хабаса Бештокова, отдельного исследования требуют пьеса «Имыс» и драматические поэмы «Насрен Бородатый» («Адыгский Прометей») и «Переплывающие на лодке океан», написанные стихами. Весьма оригинальна метрика и способы рифмовки в поэтике этих произведений. Наряду с фольклорной (адыгской, народной) рифмой автор использует разновидности концевой рифмы, а также разнообразные изобразительно-выразительные средства, блестящий художественный слог, пословицы, поговорки, фразеологизмы.

В пьесе «Имыс» автор демонстрирует хорошее владение фольклорной (адыгской, народной) рифмой, соединяющей конец одной строки и начало следующей:

...Псыжь и напщІэр
ЗэщІэуфауэ хуэму йокІуэсэх.
Сэх бгъунлъэжауэ сынхэр шыкуэд хэкум
И курыкупсэм бэлыхьщэр кьос⁷.

Драматическая поэма «Насрен Бородатый» («Адыгский Прометей») отличается богатством языка, насыщенного пословицами и поговорками. Например, в одном из реплик Насрена встречается фраза: «Чэзуш ауаныр»⁸, которая перекликается с русской поговоркой «Смеется тот, кто смеется последним». Кроме этого, в произведении встречаются пословицы и поговорки типа «Си щхъэ мыузым / Боз есиэкІыжащ»⁹ – букв. «Свою здоровую голову обмотал бязью», т.е. «Сам же создал себе ненужные проблемы»; «Лэужьыр бжьиблкІэ уэуэ (мауэ. – Л.Х.)»¹⁰ – букв. «Кровь (генетика) наследуется в семи поколениях».

Поэтика некоторых частей произведения близка к поэтике народных песен-плачей:

Сэ куңу сиҫэр – нэпсым сиҫелъэсыҫ.
Си ғыащҫэр нэдрэ
Си гур зэщҫэдиеу
Гузэвэгъуэшхуэм уэ сыкыхэбнащҫ¹¹.

Все мои силы – вымываются из меня слезами.
Опустошив мою жизнь,
[И] сковав мне сердце холодом,
Оставил ты меня в глубокой печали.

Здесь автор также использует иронию, нередко доходящую до сарказма:

Кыдырыр хэджэлами шэдыс флейм,
Хэлъынущ фҫетелъыджэу и дунейр.
Бэшэчҫ кыдырыр – иҫэжам дамитҫ,
Хуримыкзунт ептаи дунеитҫ¹².

Если мул упадет в болото,
Он будет лежать там, дивясь своему «миру».
Мул терпелив – были бы у него два крыла,
Не хватило бы ему и двух миров.

(Пер. подстр.)

В своих драматургических произведениях Х. Бештоков использует огромное разнообразие средств отображения действий и психологий персонажей. В них также большое количество «говорящих» имен и фамилий. Они насыщены именами и параллелизмами из мифологии и фольклора. В драматической поэме «Переплывающие на лодке океан» один из главных героев – Озырмес (Уэзырмес). В кабардинском варианте «Нартов» Озырмес наделен исключительным патриотизмом, уважительным отношением к женщине. Другой персонаж – Нарзиз (Нэрзиз) – ассоциируется с образом Нарцисса – героя греческого мифа. Согласно этому мифу он загляделся на красоту своего отражения в источнике, упал в него и утонул. То же самое происходит и с самолюбивым Нарзизом из произведения Х. Бештокова, только в данном случае герой тонет в водке. Также можно провести параллели между 12 подвигами героя греческого мифа Геракла и 12 подвигами Питиша (Пытҫыш) из произведения Х. Бештокова. Литературные аллюзии наблюдаются и при сравнении Питиша и его осла с народным героем Андемирканом и его конем Жаманшарик.

При анализе цикла драматургических произведений и романа-мифа «Каменный век» Х. Бештокова, на наш взгляд, целесообразна такая хронологическая (по событиям, происходящим в произведениях) и композиционная последовательность:

- «Каменный век»,
- «Насрен Бородатый» («Адыгский Прометей»),
- «Имыс»,
- «Переплывающие на лодке океан»,
- «Сароробот»,
- «Кошка из Стамбула».

Все эти произведения – попытка автора ответить на вопросы: «Что сделали с нашим народом?», «Что сегодня происходит с нами?» и т.д. И каждое произведение из приведенного цикла пытается каким-то образом осветить хоть какой-то аспект этих проблем.

В одном из неопубликованных интервью о своем драматургическом цикле Хабас Бештоков сказал: «Не претендую на художественное совершенство. Но тешу себя надеждой, что сказана часть правды о жизни современной адыгской интеллигенции. Правды, которую я вынес из жизни той прослойки, представителем которой являюсь уже лет пятьдесят.

Большая ломка девяностых, крах советской идеологии, позор многих фактов прошлого... Надо ли искать в этих произведениях восторги и кричащее жизнеутверждающее начало? Я думаю – нет. Они минорны и это продиктовано жизнью и клубком тем, сплетенных в цикле. Единственное, что меня утешает – удалось, как мне кажется, остаться верным логике развития и роста национальной интеллигенции»*.

Примечания

1. Бештоков Х.К. Насрен Бородатый. (Нэсрэн ЖьакIэ). Нальчик: Эльбрус, 1995. С. 7.
2. Там же. С. 8.
3. Там же. С. 9.
4. Там же. С. 16–17.
5. Бештоков Х.К. Золотая осень. (Бжыхьэ дыщафэ). Нальчик: Эльбрус, 2006. С. 172.

* Из личного архива Х. Бештокова.

6. Бештокъуэ Хь.Къ. Сароробот // Гуашхэмахуэ. Налшык, 1996.
№ 1. С. 39.
7. *Бештоков Х.К.* Насрен Бородатый. (Нэсрэн ЖьакГэ)... С. 5.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 18.
10. Там же. С. 19.
11. Там же. С. 23.
12. Там же. С. 25.

УДК – 016:912

В.К. Егоров,
(г. Москва)

Вместо рецензии

Знакомство с книгой *«Два века отразились в них... Фотолетопись черкесской аристократии середины XIX – начала XX веков»* (составитель А.К. Шапарова). Нальчик, 2008 г. оставило у меня сильные и сложные впечатления. Пытаясь разобраться в них, я столкнулся с проблемой определения жанра этого произведения. Если точнее – с проблемой его расширения. Показалось, что летопись была первоначальной идеей произведения, но в процессе наполнения его содержанием она естественным путем претерпела изменения. Впечатление, оставленное содержанием книги, эмоционально оказалось гораздо сильнее, чем просто удовлетворение от обретения нового знания, открываемого хрониками, летописью и даже фотолетописью.

Фотолетопись аристократии ... Да, конечно же, но и кое-что еще.

Несколько раз пробежав (прочитав-просмотрев) страницы книги и поломав голову, придумал определение, небесспорное, конечно, но показавшееся мне наиболее близким возникшим впечатлениям. Так, в дополнение к «фотолетописи», появилось словосочетание «историческая иконография аристократии» – совокупный образный ряд, создающий обобщенное представление о тех, кто изображен на фотографиях. Сам для себя я принял это определение еще и как исследовательскую установку для анализа содержания произведения. Правда, без особых претензий на научность. Скорее, речь может идти об эмоциональном освоении объекта.

Старые фотографии подобно старинным живописным портретам обладают неизъяснимой магией, поскольку передают зрителю не только отношение художника (а к ним, безусловно,

относятся и хорошие фотографии) к отображаемому человеку, но и передают его состояние, настроение и характерные черты. При внимательном, вдумчивом созерцании портретов и старых фотографий, с помощью некоторого воображения, у зрителя возникает безмолвный диалог с людьми давно ушедших времен. С ним говорят прежде всего их взгляды, но не менее красноречивыми становятся осанка, застывший жест, поза, выправка, одежда и фон изображения.

Образный ряд, создаваемый у зрителя почти 120 фотографиями, охватывающими период с 1870-х по 1940-е годы, является мощным посылом из прошлого в настоящее, виртуальной и в то же время прочной связью нас, живущих, с ушедшими поколениями. И невольно, вглядываясь в красивые лица, в гордую, благородную статью, ощущая достоинство и скромное благородство людей с пожелтевшей бумаги, начинаешь в себе и своих современниках искать эту связь, эти достойные черты и признаки. И легче становится на душе, когда их находишь.

Подписи под фотографиями в этой замечательной книге, похожие на безмолвный закадровый голос в немом кино, очень скупы, но в совокупности с общим впечатлением они побуждают к тому, чтобы лучше знать историю своего народа. Чтобы наши современники, узнав из подписей, как много из тех, кто изображен на фотографиях, было репрессировано в 1918–1920-х и в 1930-х годах, и как достойно жили те, кто прошел через все испытания, поразились жизнестойкости, силе духа и великодушию своего народа и гордились своими предками.

Впечатляет большой список тех, кто помог составителю собрать необходимые фотоматериалы и в буквальном смысле явить свету образы давно ушедших поколений. Поэтому свои краткие заметки завершаю словами огромной благодарности всем, кто, воплощая в себе лучшие черты своего народа, делает все для того, чтобы многие последующие поколения могли всматриваться в лики своих предков и знать свою историю. И нет сомнений в том, что их усилиями продолжится уникальная фотолетопись и будет пополняться замечательная историческая иконография.

А.С. Дзагалов,
(г. Киев)

**«ДВА ВЕКА ОТРАЗИЛОСЬ В НИХ...»
ФОТОЛЕТОПИСЬ ЧЕРКЕССКОЙ АРИСТОКРАТИИ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА»**

(составитель Х.К. Шапарова) Нальчик, 2008. 148 с.

Для изучения славных и трагических страниц черкесской аристократии середины XIX – начала XX веков необходимо проанализировать множество важнейших архивных материалов, газетных публикаций, эпистолярное наследие, воспоминания очевидцев и участников событий того сложного, противоречивого времени, – словом, обработать массу документальных, исторических источников. Но даже эти источники не дают возможность восстановить полный образ и наглядно продемонстрировать внешний облик наших героев. Этот серьезный пробел как раз и призваны восполнить изобразительные источники, к которым, безусловно, относятся старинные семейные фотографии и портреты. Однако по фотографиям историк может изучать не только внешность людей, но и раскрыть их внутренний мир, род занятий и индивидуальные особенности. Портреты позволяют судить о социальном статусе и духовной культуре изображенных здесь людей; прослеживать этнографические особенности эпохи, стиль одежды, изменения, которые происходили в обществе, и исторические условия жизни адыгского социума в исследуемый период.

Книга «Два века отразилось в них...» стала результатом многолетней, кропотливой поисковой и собирательной работы автора – заведующей научным архивом КБИГИ, члена Совета правления Кабардино-Балкарской Ассоциации жертв полити-

ческих репрессий, Хайшат Кучуковны Шапаровой. Работа в Ассоциации предоставила автору возможность непосредственного общения с потомками расстрелянных и сосланных в сталинские лагеря черкесских дворян, которые доверили ей «самое сокровенное, пронесенные ими через всю свою жизнь – фотографии близких для них людей», подвергшихся репрессиям в 20–30-е годы прошлого столетия.

Собранная коллекция уникальных фотографий, «часть которых вернулась из ссылки, и даже эмиграции», позволяет воочию увидеть колоритную наружность и оценить черты лица и гордую, величественную, полную достоинства осанку ушедших представителей известных дворянских фамилий Адыгеи, Кабарды и Черкесии: Паго Тамбиева, Мисоста Коголкина, Ибрагима Лафишева, Келемета Инарокова, Жан Даутоковой, а также Шордановых, Шипшевых, Тахтамышевых, Кудашевых, Хаджимуковых, Коновых и других. Многие из фотографий впервые были опубликованы именно в данной книге. Описание снимков сделано автором при помощи старейших представителей родов и хранителей фотографий.

В этой книге я нашел великолепное портретное изображение, которое лет семь назад безуспешно искал в Киевском архиве кино и фотодокументов, веря в то, что оно там есть, и надеясь в глубине души на положительный результат. Речь идет о фотографии дворянки из Черниговской губернии Анны Елисеевны Коченовской, супруги издателя книги «Исторические сведения о кабардинском народе» Эльбаздуко Кудашева. Тогда я, еще аспирант института истории НАН Украины, разыскав рукописные воспоминания Н. Василенко о Кудашеве и его книге, заинтересовался данной тематикой и постепенно накапливал и изучал материалы, хранящиеся в фондах Державного архива Киева и Института рукописи НБУ имени В.И. Вернадского.

Фотография Анны Коченовской была получена Х. Шапаровой из семейного архива снохи Эльбаздуко Кудашева – Марии Гизеллы-Рупп, проживающей в Федеративной республике Германии. В книге «Два века отразилось в них...» был опубликован и снимок Жан Даутоковой-Кудашевой – матери кабардинского просветителя. Эти обстоятельства и выявившаяся общность творческих и научных интересов вскоре познакомили меня с Х.К. Шапаровой, итогом чего стала наша с ней совместная и плодотворная работа в данном направлении.

Издание А. Шапаровой, увидевшее свет в 2008 г. – это добротная продукция, – книга крупного формата, с твердым переплетом и высококачественной мелованной, практически фотографической бумагой, имеющей приятный внешний вид. Что немаловажно, она оформлена как дорогое, подарочное издание, текст и примечания которой напечатаны на русском, английском и кабардинском языках. Но это, естественно, не главное ее достоинство, хотя известно, что некачественно изданная книга может отрицательно повлиять на восприятие содержания и снизить ее значимость, тем более что основой рецензируемой работы являются старинные фотоснимки. Фотолетопись трагической судьбы черкесской аристократии «Два века отразилось в них...» А. Шапаровой – это прочный фундамент для накопления новых знаний по представленной теме и их научной разработки. Труд автора указывает ориентиры дальнейшего изучения генеалогии адыгской дворянской, политической и интеллектуальной элиты. Фотографии представителей черкесской аристократии, как памятники эпохи, самобытно характеризуют особенности развития общества, неповторимо и образно отображают историческую действительность своего часа. Они могут быть использованы учеными при исследовании общественно-политических и социально-экономических проблем, особенно первой половины XX века и репрессий 30-х годов. Книга А. Шапаровой – весомый вклад в фонд изданий, изучающих генеалогию черкесского дворянства, их брачных связей с представительницами украинского народа. Несомненно, он будет полезным дополнительным, ярким, иллюстрированным пособием для ученых, преподавателей высших учебных заведений, краеведов, аспирантов и студентов как Северного Кавказа, так и Украины.

*О.А. Жанситов,
(г. Нальчик)*

**О КНИГЕ А.С. ДЗАГАЛОВА И А.К. ШАПАРОВОЙ
«ЭЛЬБАЗДУКО КАНАМЕТОВИЧ
(ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ) КУДАШЕВ
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ»
*Пятигорск, 2010. 188 с.***

О жизни и деятельности В. Кудашева написано немало. Давно признано его значение в общественной и культурной жизни Кабарды. Удивительно, что это признание состоялось в советское время. Ведь В. Кудашев – «представитель эксплуататорских классов», дворянин, активный участник антибольшевистской борьбы, эмигрант. Конечно, это вынуждало исследователей учитывать идеологический аспект, что не помешало, однако, оценить его заслуги в деле просвещения кабардинского народа – настолько заслуги эти были очевидны.

Тем не менее, трудно представить, чтобы в то время о таком «неудобном» человеке появилась целая книга, в которой объективно рассказывается о судьбе представителя кабардинской аристократии, о его ближайшем окружении, родне, потомках, в том числе о сыне, оказавшемся в рядах гитлеровских войск, книга, богато иллюстрированная фотопортретами «социально чуждых элементов». Это все считалось лишним и обременительным, тем более для формата статьи, в котором до сих пор говорили о В. Кудашеве.

Наконец, такая книга появилась. И здесь следует отдать должное энтузиазму ее авторов, их пониманию необходимости вернуть долг человеку, так заботившемуся о благе своего народа. Важно отметить, что А. Дзагалов и А. Шапарова не ограничи-

ваются систематизацией уже имеющегося материала о В. Кудашеве, как часто бывает, когда готовится издание к юбилею какого-либо известного деятеля. Казалось бы, в предыдущие годы о нем было накоплено достаточно много сведений, однако авторам удалось открыть ранее неизвестные страницы его биографии. Этому способствовали, прежде всего, работа в государственном архиве Киева и в Национальной библиотеке Украины, а также общение с людьми, связанными родственными узами с фамилией Кудашевых, проживающими как в России, так и за ее пределами и предоставившими ценную информацию о жизни кабардинского просветителя. Читатель откроет интересные подробности о том, как создавался его труд «Исторические сведения о кабардинском народе», как он был принят и оценен современниками. Кроме того, книга о В. Кудашеве поможет яснее представить дореволюционную жизнь кабардинской знати, особенно тех ее представителей, которые вращались в столичных кругах и были вовлечены в общественно-политическую жизнь страны. Трагичная участь элиты, постигшая ее в годы революции и гражданской войны, хорошо видна на примере судьбы В. Кудашева: разграбления, преследования, эмиграция и постоянное желание вернуться на Родину, которое смогли реализовать только потомки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азнаурова Залина Замировна – аспирант II года очной формы обучения Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: zalina.aznaurova@mail.ru

Аппаева Жаухар Мустафаевна – искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов» (АИС). г. Нальчик.

E-mail: appaeva2565@mail.ru

Асеева Елена Евгеньевна – кандидат искусствоведения, член Союза дизайнеров России, основатель и автор программ дизайн школы-студии «ICL» в Геленджике. г. Черветери (Италия).

E-mail: aseevaelena@bk.ru

Атабиева Аминат Рамазановна – аспирант III года очной формы обучения Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: aminat.atabieva@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: gbaz@mail.ru

Бунькова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: y.bunkowa@yandex.ru

Варивода Наталья Владимировна – младший научный сотрудник сектора истории Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: variks1@yandex.ru

Гедгафова Карина Анатольевна – магистр истории, выпускница аспирантуры Кабардино-Балкарского государственного университета (кафедра «История России»), г. Нальчик.

E-mail: karged@mail.ru

Гергокова Лейла Созакбайовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: LeilaEtezova@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: fariza37@mail.ru

Дзагалов Анатолий Сосланбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев.

Дзагова Ляна Нургалиевна – аспирант II года очной формы обучения Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: d.l.1990@mail.ru

Егоров Валерий Кузьмич – кандидат исторических наук, начальник отдела гуманитарных и общественных наук Российской Академии наук, г. Москва.

Жанситов Осман Асланович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: osmanzhansitov@yandex.ru

Кешева Зарема Мухамедовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора источниковедения Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: kesheva10@gmail.com

Коновалов Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: homunculus2@yandex.ru

Кучмезова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: larisakuchmезova@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических наук Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: Marzeibach@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, г. Черкесск.

E-mail: daduh-1015@yandex.ru

Татаров Азамат Амурович – аспирант II года обучения «История» Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: nomad90@list.ru

Фоменко Владимир Александрович – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: fva2005@gmail.com

Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардинской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: kbigi@mail.ru

Хакуашева Мадина Андреевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.

E-mail: aliya1995@list.ru

Хоконов Мурат Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, этнологии и истории народов КБР Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: mhokonov@gmail.ru

Хочуев Батыр Джамалович – магистр истории Кабардино-Балкарского государственного университета, г. Нальчик.

E-mail: batya200690@mail.ru

Научное издание
ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОФИЛЬ

Научный сборник
Совета молодых ученых

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
З.В. Черкесова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94